

Каждый новый роман
Робин Хобб — это повод
для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Странствия Шута

САГА
О ФИТЦЕ И ШУТЕ
Книга 2

РОБИН ХОББ

Звезды новой фэнтези

Робин Хобб

Странствия Шута

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хобб Р.

Странствия Шута / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-16662-2

Фитцу Чивэлу, внебрачному сыну принца Чивэла, бывшему тайному убийце, скрывающемуся под именем Тома Баджерлока, пришлось покинуть свое поместье, чтобы спасти внезапно объявившегося давнего друга – Шута. Би, маленькая дочь Фитца, осталась под присмотром слуг и учителя. Фитцу еще только предстоит узнать, что ее похитили. Даже Шут не может сказать, что будет дальше, ведь с тех пор, как в мир его стараниями вернулись драконы, грядущее сокрыто от него – как и от других, не столь бескорыстных провидцев. Лишь маленькая девочка со светлыми волосами способна видеть будущее, но ее увозят прочь от дома и от отца безжалостные Слуги. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16662-2

© Хобб Р., 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Глава 1. Канун Зимнего праздника в Оленьем замке	6
Глава 2. Лорд Фелдспар	21
Глава 3. Похищение Би	27
Глава 4. Рассказ Шута	38
Глава 5. Обмен сущностями	52
Глава 6. Одаренная	63
Глава 7. Тайна и ворона	72
Глава 8. Видящие	89
Глава 9. Корона	97
Глава 10. Известия	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Робин Хобб

Странствия шута

Robin Hobb
Fool's Quest

© Robin Hobb 2015

© Н. Аллунан, перевод, 2019

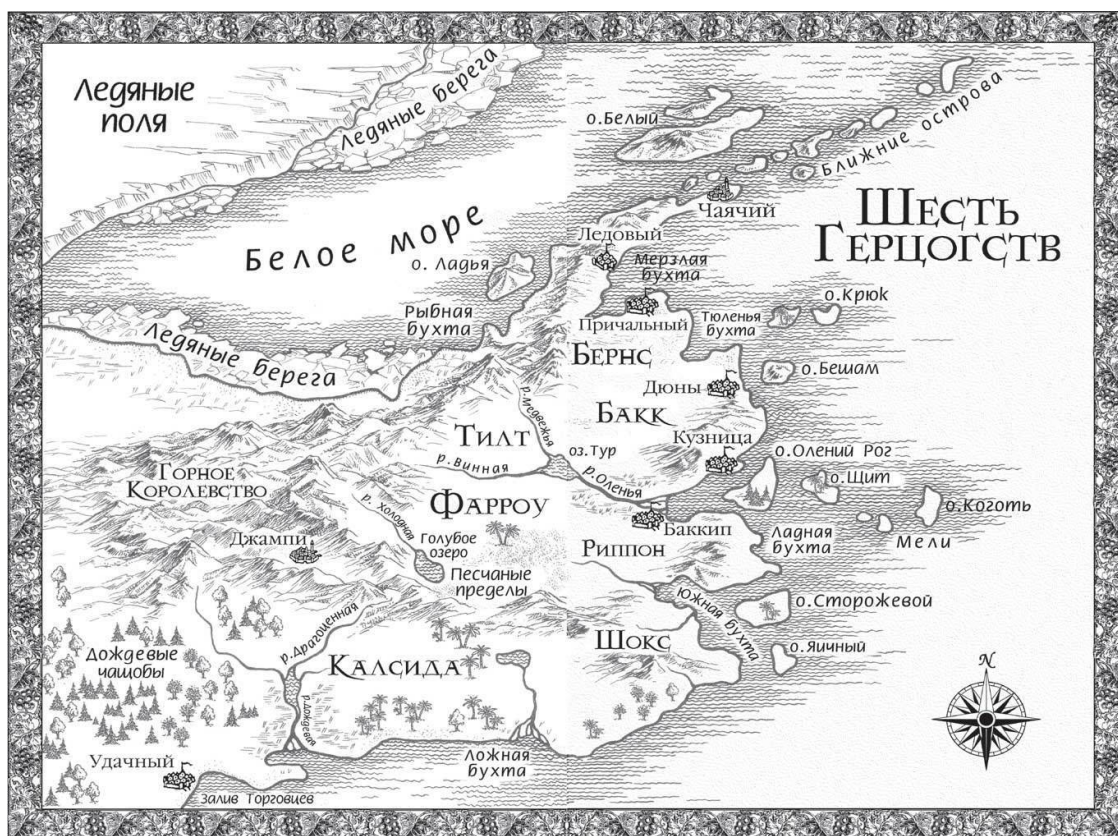
© А. А. Кузнецова, перевод стихов, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Редьярду – по-прежнему самому дорогову спустя столько лет

Глава 1. Канун Зимнего праздника в Оленьем замке

Я в теплом и безопасном логове, с двумя другими волчатами. Оба они бодрее и сильнее меня. Я появился на свет последним, самый маленький щенок в помете. Глаза мои открылись позже, и к приключениям я склонен меньше, чем брат и сестра. Они уже не раз увязывались за нашей матерью к выходу из логова, скрытому под нависающим речным берегом. Рычанием и шлепками она всегда заставляла их отступить. На охоту она ходит одна, оставляя нас в логове. Обычно волчище-матери помогает один из молодых самцов. Но наша мать – последняя из стаи, поэтому охотится в одиночку, а мы должны оставаться в логове.

И вот наступает день, когда она встает, стряхнув нас, хотя мы еще не насытились ее молоком. Она уходит на охоту, едва на вечернем небе появляются первые звезды. Вскоре до нас доносится ее короткое поскуливание. И больше ничего.

Моего брата, самого крупного в помете, переполняют одновременно страх и любопытство. Брат громко плачет – зовет мать-волчицу. Она не отвечает. Тогда он осторожно подбирается к выходу, сестра крадется за ним. Но мгновение спустя они в страхе бросаются обратно и сжимаются в комочек рядом со мной. Снаружи, от устья нашей норы, доносятся запахи, и эти запахи нам не нравятся. Пахнет кровью и незнакомыми нам существами. Мы ждем, поскуливая, а запах крови становится сильнее. Все, что мы можем, – забиться в самую глубину норы. Это мы и делаем.

Мы слышим шум. Кто-то раскапывает вход в логово и делает это не лапами. Словно огромный зуб вгрызается в землю: вонзается в нее, как в плоть, и тянет, вонзается и тянет. Мы еще сильнее забираемся в угол, шерсть на загривке брата становится дыбом. Звуки говорят нам, что чужак снаружи не один. Запах крови сгущается и смешивается с запахом матери. Шум от раскопок не утихает.

Потом до нас долетает новый запах. Спустя годы я стану его узнавать, но во сне еще не знаю, что это дым. Это просто неизвестный и непонятный нам запах, который толчками врывается в логово. Мы громко воем – дым жжет нам глаза и легкие. В логове становится очень жарко и нечем дышать. Наконец мой брат, крадучись, выбирается из норы. Мы слышим его отчаянный вой, он длится и длится, а потом доносится резкий запах мочи. Сестра съезжается возле меня, стараясь стать совсем маленькой, и замирает. Вскоре она перестает прятаться и дышать. Она мертва.

Я прижимаюсь к земле, накрыв лапами нос. Дым слепит глаза. Звуки рытья продолжают, и вдруг кто-то хватает меня. Я визжу и пытаюсь вырваться, но чужак выволакивает меня из логова за переднюю лапу.

Окровавленная туша и шкура матери-волчицы валяются чуть в стороне от норы. Брат испуганно жмется в клетке, поставленной в задней части двухколесной повозки. Меня швыряют к нему и вытаскивают на свет тело сестры. Чужаки злятся, что она умерла, и пинают ее ногами, как будто их злость может заставить почувствовать боль. Ворча, что уже холодно и скоро стемнеет, они свежуют ее и бросают маленькую шкурку моей сестры к шкуре матери. Потом двое людей садятся в повозку и подхлестывают мула, рассуждая, сколько смогут выручить за волчат на рынке, где торгуют бойцовыми псами. Шкуры матери и сестры лежат рядом и пахнут смертью.

Это было только началом бесконечных мучений. Кормили нас не каждый день. Никто не заботился укрыть нас от дождя. Мы жались друг к другу в поисках тепла, это был единственный способ хоть немного согреться. Потом брат, отоцавший из-за глистов, умер в яме, куда его бросили, чтобы раззадорить бойцовых собак. И вот я один. Меня кормят трябухой и объедками или не кормят вовсе. Подушечки лап покрываются язвами от хождения по клетке, когти ломаются, мышцы ноют от тесноты. Люди бьют меня и тычут палкой,

дразня, чтобы я бросался на прутья клетки, которые мне не по зубам. Они обсуждают, что хорошо бы продать меня для собачьих боев. Я слышу слова, но не понимаю их.

На самом деле я понимал. Резкий спазм вырвал меня из сна, и в первое мгновение все вокруг показалось чужим и неправильным. Я лежал, свернувшись клубком, и весь дрожал. От шерсти ничего не осталось, только голая кожа. Лапы сгибались неправильно, что-то мешало мне ими пошевелить. Все чувства приглушены, словно меня засунули в мешок. Все вокруг пропитано запахами ненавистных существ. Я оскалился, зарычал и стал вырываться из пут.

Даже когда я упал на пол, уронив с кровати одеяло, и тело напомнило мне, что я и есть одно из этих самых ненавистных мне человеческих существ, я все еще ничего не понимал. Я в недоумении огляделся по сторонам. Похоже, было утро, но пол, на котором я очутился, ничуть не походил на гладкие половицы моей спальни. Эта комната вообще не пахла моим жилищем. Я медленно встал, дожидаясь, пока глаза приспособятся к темноте. Напрягая зрение, я смог разглядеть множество маленьких красных глаз и только потом понял, что вижу тлеющие угли. В очаге.

Когда я ошупью пересек комнату, все встало на свои места. Стоило мне разворошить угли и подбросить немного хвороста, как из темноты проступило старое жилище Чейда в Оленьем замке. Так и не опомнившись до конца, я отыскал новые свечи и зажег их. Трепещущий свет омыл стены, комната будто очнулась ото сна. Я огляделся по сторонам, дожидаясь, пока проснется и память. Видимо, решил я, ночь уже миновала и за толстыми стенами без окон разгорелся день. Вдруг на меня волной обрушились воспоминания о страшных событиях накануне. Как я чуть не убил Шута и бросил свою дочь на попечение людей, которым не вполне доверяю; как потом позаимствовал слишком много Силы у Риддла и едва не прикончил и его тоже, пока доставлял Шута в Олений замок. Эта волна воспоминаний столкнулась с другой, более старой и могучей, – обо всех тех вечерах и ночах, которые я провел в этой комнате, изучая науки, необходимые, чтобы стать убийцей на службе короля. Когда хворост в камине наконец разгорелся, мне показалось, что я проделал долгий путь, чтобы вернуться к себе. Страшный сон волка о том, как его пленили, поблек в памяти. Ночной Волк, мой друг, мой брат, давно покинул этот мир. Эхо его продолжало жить в моей памяти, в моем сердце, в моем разуме, но он не прикроет мне спину в предстоящей драке. Я остался один.

Нет, не один – у меня есть Шут. Мой друг вернулся. Больной, израненный и, возможно, отчасти потерявший рассудок, но он снова рядом. Подняв свечу повыше, я подошел к кровати.

Шут по-прежнему крепко спал. Выглядел он ужасно. Следы пыток запечатлелись на его иссеченном шрамами лице. От перенесенных лишений и голода кожа покрылась струпьями, волосы сделались сухими и жидкими, как мятая солома. И все же он выглядел намного лучше, чем когда мы встретились после долгой разлуки. Он согрелся, вымылся и насытился. Даже по его дыханию я чувствовал, что сил у него прибавилось. Хотел бы я сказать, что это была моя заслуга, но нет. Не ведая, что творю, я похитил здоровье у Риддла и передал его своему другу, когда мы совершали переход через камни Силы. Это было нечестно по отношению к Риддлу, пусть я ограбил его и не нарочно, однако звук ровного дыхания Шута бальзамом лился на мою душу. Ночью у него хватило сил, чтобы поговорить со мной, вымыться и поесть. Он даже мог немного ходить. Это было гораздо больше, чем я ожидал от нищего калеки, каким встретил его.

Но нельзя обрести настоящее здоровье, позаимствовав его у другого. Мне пришлось спешно прибегнуть к исцелению Силой, и это истощило скудные запасы сил самого Шута. А на похищенном у Риддла Шут долго не продержится. Оставалось надеяться, что теперь, отдохнув и поев, он начнет понемногу восстанавливаться. Глядя, как он спит, я отважился подумать, что Шут все же выживет. Мягко ступая, я подобрал с пола покрывала, которые стащил в своем полусонном рывке, и старательно укутал его.

Он так изменился... Когда-то Шут почитал красоту в любом проявлении. С каким тщанием и вкусом выбирал он наряды, обстановку для своих комнат, занавески на окна и балдахин на кровать – даже шнурок, которым подвязывал безупречно ухоженные волосы. Но того человека больше не было. Шут вернулся пугалом в лохмотьях. Его лицо так исхудало, что сквозь кожу проступили кости. Измученный, ослепший, покрытый шрамами, Шут так изменился от перенесенных ужасов и страданий, что я едва узнавал его. Гибкий и ловкий паяц исчез без следа. Перестал существовать и элегантный лорд Голден с его утонченными манерами. Полу-мертвая развалина – вот все, что осталось от моего друга.

Веки его слепых глаз были опущены. Рот чуть приоткрыт. Он сопел во сне.

– Шут! – Я осторожно потряс его за плечо.

Он не шелохнулся, только дыхание чуть сбилось с ритма. Потом Шут глубоко вздохнул, словно отмахнулся от боли и страха, и снова задышал ровно, вернувшись в глубокий сон.

Он сбежал из плена, где его пытали, и долго шел ко мне, преодолевая боль и лишения. Он был тяжело болен и боялся, что его преследуют убийцы. Как ему вообще удалось проделать столь долгий путь в таком состоянии – слепым, с переломанными костями? Но он пришел ко мне – ради единственной цели. Ночью, прежде чем забыться наконец глубоким сном, он попросил меня снова стать убийцей – ради него. Он хотел, чтобы я отправился с ним в Клеррес, в школу, где он когда-то учился и откуда теперь сбежал. Чтобы я пошел с ним и расправился с теми, кто пытал его. Шут просил меня как о великом одолжении вспомнить науку убийства и уничтожить их всех.

Мне казалось, эта часть моей жизни навсегда осталась в прошлом. Я сделался другим человеком – уважаемым помещиком, распорядителем в имении старшей дочери, отцом маленькой девочки. Я больше не профессиональный убийца. Все это позади. Вот уже много лет, как я перестал быть поджарым и стремительным убийцей с железными мускулами и каменным сердцем. Не только Шут, но и я очень изменился.

Я по-прежнему ясно помнил насмешливую улыбку Шута и его быстрые озорные взгляды, от которых разом и таяло сердце, и вскипало раздражение. Теперь его трудно было узнать, однако я верил, что знаю о нем самое главное, пусть и не знаю самого простого – например, где он родился и кто были его родители. Мы знакомы с ранних лет. Я невесело усмехнулся при этой мысли: с ранних лет, не с детства. Д детства ни у меня, ни у него, считай, не было. И все же мы много лет остаемся близкими друзьями, а это что-нибудь да значит. Мне довелось убедиться, что Шут не предает друзей и готов ради них на многие жертвы. Я видел его в минуты глубочайшего отчаяния, видел парализованного ужасом. Сломленного телесными страданиями и пьяного до слез. Больше того, я видел его мертвым, я даже был им, когда он был мертв, я заставил его тело вернуться к жизни и призвал его дух вернуться в тело.

В общем, я знал его. Как облупленного.

Или думал, что знаю.

Я глубоко вздохнул, но на сердце по-прежнему лежал камень. Зачем я обманываю себя, словно ребенок, который боится взглянуть во мрак, ужасаясь того, что там может скрываться? Пора посмотреть правде в глаза. Я знал Шута как облупленного. И знал, что он пойдет на все, чтобы повернуть судьбу мира в наилучшую сторону. Из-за него я когда-то чуть не погиб, он предвидел, что мне придется вытерпеть боль, лишения и утраты. Он и сам сдался на пытки и мучительную, неизбежную, как он верил, смерть. И все ради того, чтобы видение будущего, явленное ему, стало реальностью.

Поэтому, если бы Шут решил, что ради великой цели надо кого-то убить, и если бы ему самому это было не по силам, он пришел бы с просьбой ко мне. И присовокупил бы к ней слова, бьющие прямо в сердце: «Ради меня».

Я отвернулся от него. Да. Он бы попросил меня, хотя меньше всего на свете мне хотелось возвращаться к старому ремеслу. А я бы согласился. Потому что при одном взгляде на Шута,

больного и искалеченного, в моей душе вздымался гнев. Никто, никто на всем белом свете не должен оставаться в живых после того, как причинил столько боли и увечий. Ни одно существо, до такой степени бессердечное, чтобы расчетливо пытаться и калечить, не имеет права жить. Те, кто это сделал, – чудовища. Пусть они с виду и люди, их деяния доказывают обратное. Их необходимо убить. И сделать это должен я.

Я сам хотел этого. Чем дольше я смотрел на Шута, тем больше мне хотелось пойти и убить – убить не тайно и аккуратно, а напоказ и кроваво. Я хотел, чтобы те, кто это сделал, успели понять, что скоро умрут – и за что именно умрут. Чтобы они пожалели о содеянном.

Но я не мог этого сделать. И сердце мое обливалось кровью.

Мне придется отказаться. Несмотря на всю любовь к Шуту, на узы нашей дружбы, на весь мой гнев и ярость. Потому что в первую очередь я нужен Би. Она нуждается в моей любви и защите. Я и так отчасти поступился отцовскими обязанностями, поручив дочь заботам чужих людей, пока спасаю друга. Би, моя маленькая девочка, – все, что осталось мне после смерти жены, Молли. И последняя оставленная мне судьбой возможность проявить себя хорошим отцом, хотя пока что у меня не очень получается. Много лет назад я не стал настоящим отцом своей старшей дочери, Неттл. Я решил, что она не моя, и ушел, предоставив ей расти без меня. И вот теперь Неттл сомневается, что я способен заботиться о Би. Она уже не раз говорила о том, чтобы забрать Би в Олений замок, где Неттл сможет обеспечить ей уход и воспитание.

Этого я допустить не мог. Би слишком маленькая и странная, чтобы выжить в мире придворных интриг. Я решил оставить ее у себя, в Ивовом Лесу, тихом и безопасном поместье. Там, вдали от городов, она сможет быть собой – чудесной и странной крохой, которая очень медленно растет. Пусть я и покинул ее, чтобы спасти Шута, но это больше не повторится, я скоро вернусь к ней. Может быть, утешал я себя, Шут в ближайшие дни поправится достаточно, чтобы отправиться со мной. Я заберу его в Ивовый Лес, и там, в тишине и покое, он сможет отдохнуть и исцелиться. Сейчас он слишком плох, чтобы возвращаться в Клеррес, не говоря уже о том, чтобы помочь мне убить тех, кто искалечил его. Месть подождет, а детство ждать не может. Стать убийцей ради Шута я всегда успею, а отцом для Би я должен быть сейчас. Поэтому самое большее, чем я могу помочь ему, – предоставить возможность поправить здоровье. Да. Первым делом ему нужно окрепнуть, а мне – позаботиться о дочери.

Я немного побродил, бесшумно ступая, по комнате. Когда-то я был счастлив тут, в тайном логове убийцы. Однако на смену стариковскому беспорядку пришла вдумчивая аккуратность леди Розмари, заполучившей логово в свое распоряжение. Комнаты стали чище и опрятнее, но мне почему-то не хватало груд свитков и снадобий, валявшихся повсюду во времена Чейда, его начатых и брошенных на полдороге задумок. Теперь на полках, где некогда можно было найти что угодно, от змеиного скелета до окаменевшего обломка кости, ровными рядами стояли закупоренные склянки.

На каждом флакончике был ярлык, подписанный красивым дамским почерком. Каррим, эльфийская кора, валериана, волчий аконит, мята, медвежий жир, сумах, наперстянка, циндин и тилтский дым. На одном горшочке стояла пометка «Эльфийская кора с Внешних островов», должно быть, чтобы не спутать ее с корой из Герцогств, имеющей более мягкое действие. В стеклянном сосуде была какая-то темно-красная жидкость, которая закручивалась водоворотами от малейшего прикосновения. В красной жиже мелькали серебряные нити – не смешивались с ней, но и не всплывали на поверхность, как жир на воде. Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного. Ярлычка на флаконе не было, и я осторожно поставил его на место, в специальную деревянную стойку, предохранявшую от падения. Некоторые вещи лучшешний раз не трогать. Я понятия не имел, что такое карудж-корень и кровохлест, но рядом с каждым из этих названий был красными чернилами пририсован череп.

На полке ниже были ступки с пестиками, чтобы толочь, ножи, чтобы крошить, сита, чтобы просеивать, и несколько маленьких, но тяжелых котелков, чтобы вытапливать. В под-

ставке аккуратно стояли покрытые пятнами от опытов ложки. Еще ниже красовался ряд глиняных горшочков, назначение которых я сперва не понял. Маленькие, размером с кулак, с плотно пригнанными крышками, они были покрыты коричневой глазурью и крепко запечатаны варом. Зато в каждом было отверстие в середине крышки, откуда торчал навошенный льняной шнур. Я из любопытства взвесил один такой горшочек в руке и только тут понял, что это. Чейд говорил, что ему удалось продвинуться в опытах со взрывчатым порошком. Выходит, я держу в руках его новейшее изобретение для убийства. Я осторожно поставил горшочек на место. Орудия моего старого ремесла стояли передо мной ровными рядами, будто солдаты, ожидающие приказа к атаке. Я вздохнул, однако без всякого сожаления, и отвернулся от полок. Шут по-прежнему спал.

Я сложил на поднос тарелки, оставшиеся после ночного ужина, и немного прибрался в комнате. Только с ванной, полной грязной и остывшей воды, и вонючими лохмотьями Шута я ничего не смог поделать. Я даже не решился сжечь его тряпки в очаге, испугавшись зловонного дыма, который наверняка пошел бы от них. Я не чувствовал отвращения, лишь жалость. Моя собственная одежда была заскорузлой от крови убитой собаки и Шута. Ничего, подумал я, на темной ткани это не очень заметно. Потом подумал получше и заглянул в старый платяной шкаф, украшенный резьбой, издавна стоявший у кровати. Когда-то в нем хранились исключительно рабочие халаты Чейда – непременно из неброской серой шерсти, все в пятнах и прожженных дырах после многочисленных опытов. Сейчас халатов там висело всего два, оба синие и слишком тесные для меня. Кроме того, я с удивлением обнаружил в шкафу две женские ночных сорочки, два простых платья и пару черных рейтуз, которые были бы до смешного коротки мне. Ну конечно! Вещи леди Розмари. Для меня тут ничего нет.

На сердце у меня было тревожно, когда я тихо выскользнул из комнаты, однако мне нужно было кое-что сделать. Наверное, кто-то скоро придет прибрать комнату и принести свежей еды, и мне не хотелось оставлять спящего и беззащитного Шута на милость незнакомцев. Но я уже понял, что напрасно не доверял Чейду. Прошлым вечером он позаботился о нас, несмотря на свои неотложные дела.

Шесть Герцогств хотели начать с Горным Королевством переговоры о слиянии и пригласили влиятельных людей оттуда погостить в Оленьем замке всю праздничную неделю. Но даже в разгар торжества не только Чейд, но и король Дьютифул, и его мать Кетриккен улучили минуту, чтобы, покинув гостей, поприветствовать нас с Шутом, а Чейд вдобавок еще и позаботился, чтобы в эту комнату доставили все необходимое. Судьба моего друга небезразлична Чейду. Не знаю, кого он пришлет, но это определенно будет надежный человек.

Чейд. Я глубоко вздохнул и потянулся к нему Силой. Наши разумы легко соприкоснулись.

Чейд? Шут спит, а мне нужно кое-что сделать, и я не хотел бы...

Да-да, конечно. Не сейчас, Фитц. Мы обсуждаем ситуацию с Кельсингрой. Если они не желают призвать своих драконов к порядку, возможно, нам придется создать союз, чтобы как-то противостоять этим чудовищам. Я позаботился, чтобы у тебя и твоего гостя всего хватало. На синей полке есть немного денег, если тебе нужно. Но сейчас мне надо сосредоточиться на делах. Представители Удачного подозревают, что Кельсингра пытается сговориться с герцогиней Калсиды!

Ох, прости.

Я отпрянул, внезапно почувствовав себя ребенком, который отвлекает взрослых от обсуждения важных дел. Драконы. Союз против драконов. И с кем? С Удачным? А что можно поделать с драконами, кроме как выделять им мясо, чтобы притупить аппетит? Может, дальновиднее было бы поддерживать дружеские отношения с этими высокомерными хищниками, чем бросать им вызов? Мне вдруг стало обидно, что моего мнения не спросили. Хотя с какой стати меня стали бы спрашивать?

Я тут же велел себе оставить эти мысли: «Пусть Чейд, Дьютифул, Эллиана и Кетриккен думают, как быть с драконами. Ступай своей дорогой, Фитц».

Я приподнял гобелен, закрывающий дверной проем, и углубился в лабиринт потайных ходов Оленьего замка. Когда-то я знал эти шпионские пути так же хорошо, как дорогу в конюшни. И за все прошедшие с тех пор годы эти коридоры, выющиеся в толще внутренних стен и тянущиеся вдоль внешних, нисколько не изменились.

Зато изменился я. Я уже не был ни тощим мальчишкой, ни даже юношей. Мне стукнуло шестьдесят, и, сколько бы я ни утешал себя тем, что еще достаточно крепок для тяжелой работы, от былой гибкости не осталось и следа. Узкие повороты, за которые я прежде проскальзывал ужом, теперь требовали втянуть живот. Наконец я добрался до потайной двери в кладовую, дождался, прижавшись ухом к стене, когда там никого не будет, и вышел из лабиринта за стойкой с сосисками.

Меня спасла только суматоха Зимнего праздника. Едва я вышел из кладовой, какая-то женщина в обсыпанном мукой фартуке налетела на меня и сердито спросила, где меня носит.

– Ты принес мне гусиный жир, наконец?

– Я... я не нашел его там, – промямлил я, и она язвительно ответила:

– Еще бы! Ты же искал не в той кладовой. Через одну дверь дальше по коридору лестница вниз, там вторая дверь направо ведет в ледник. Ступай туда и принеси мне жира! Он в коричневом горшке на полке. Живо!

Она круто развернулась и пошла прочь, а я остался стоять. На ходу кухарка громко ворчала – вот, мол, что бывает, когда дополнительных помощников нанимают в последнюю минуту перед праздником. Я с трудом перевел дыхание, повернулся – и увидел детину примерно моего роста с большим и тяжелым коричневым горшком в руках. Пристроившись за ним, я дошел до двери в кухню, откуда пахло ароматом свежего хлеба, горячего супа и жарящегося мяса. Дитина свернул туда, а я зашагал дальше по коридору.

Во дворе Оленьего замка сустилось множество людей, и я выглядел всего лишь еще одним слугой, спешащим с поручением. Взглянув на небо, я удивился – полдень явно уже миновал. Я проспал дольше, чем собирался. Тучи разошлись, проглянуло солнце, но ясно было, что это лишь недолгая передышка между метелями, и я пожалел, что так легкомысленно расстался накануне со своим плащом. Мне очень повезет, если удастся раздобыть новый до снегопада.

Первым делом я направился в лазарет, надеясь наедине попросить прощения у Риддла. Но там оказалось на редкость многолюдно – несколько стражников слегка подрались. К счастью, обошлось без серьезных травм, только одному парню крепко досталось по щеке, и выглядел он так, что невозможно было смотреть без содрогания. Шум и гам снова оказались мне на руку, и я быстро выяснил, что Риддла в лазарете нет. Оставалось надеяться, что он уже поправился, хотя, скорее всего, его просто переправили куда-нибудь в более спокойное место. Я вышел из лазарета и остановился, решая, что делать дальше.

Взвесив в руке кошель, я понял, что деньги у меня есть – к тому, что я собирался потратить на подарки младшей дочери, добавилась и дар Чейда. Отправляясь из Ивового Леса в Дубы-у-воды, я взял с собой побольше денег, рассчитывая всячески баловать Би на ярмарке. Неужели это было только вчера? Меня охватила тоска. День, который я хотел посвятить радостям и веселью, обернулся жестокостью и кровопролитием. Чтобы спасти жизнь Шута, мне пришлось отправить дочь домой под сомнительной защитой писаря Фитца Виджиланта и леди Шун. Мою малышку Би, которая в свои девять лет выглядит едва на шесть. Каково ей там сейчас? Неттл обещала послать в Ивовый Лес птицу, чтобы сообщить, что я благополучно добрался в Олений замок, и я знал, что могу положиться в этом на старшую дочь. Так что чуть позже я напишу несколько писем. Фитцу Виджиланту, леди Шун, но главное – Би. Хороший гонец на добром коне доставит их за три дня. Ну или за четыре – если снова начнутся метели.

А пока хватит и голубиной почты. И, раз уж у меня есть время, схожу-ка я в Баккип, куплю себе новую одежду на деньги, оставленные Чейдом, и побольше подарков для Би. Подарков по случаю Зимнего праздника. Чтобы показать, что я думал о ней, даже когда меня не было рядом. Я побалую себя тем, что побалую свою дочь! Пусть даже подарки и придут с опозданием на несколько дней.

Я мог бы связаться с Дьютифулом или Неттл при помощи Силы и договориться, чтобы мне дали лошадь, но предпочел спуститься в город пешком. Лошади спотыкаются и оскальзываются на обледенелой брусчатке идущих под уклон улиц, да и Дьютифул наверняка все еще занят на переговорах с торговцами. А Неттл, скорее всего, до сих пор злится на меня, и недаром. Лучше не трогать ее какое-то время, пусть остынет.

Дорога оказалась куда шире, чем я помнил. Деревья вдоль нее вырубил, а ямы заделали. Сам город стал ближе – он разросся, дома и лавки уже карабкались вверх по склону, к замку. Там, где раньше рос лес, теперь начинались окраины, на улице шла бойкая торговля, стояла дешевая таверна «Оленья стража», а позади нее, кажется, публичный дом. Дверь этого заведения под названием «Веселая форель» кто-то снес с петель, и хмурый хозяин прилаживал ее на место. Дальше начинался старый Баккип, украшенный к празднику венками, гирляндами и яркими полотнищами. На улицах было многолюдно – нагруженные посыльные спешили в таверны и гостиницы, гуляли путешественники, бойко предлагали всевозможный товар торговцы, торопясь заработать на празднике.

Не сразу я нашел то, что искал. В лавочке, торгующей снаряжением для моряков и стражников, я подобрал себе две дешевые рубахи почти по размеру, длинный жилет из коричневой шерсти, теплый плащ и какие-никакие штаны – на первое время сойдет. При мысли, что я успел привыкнуть к одежде получше, я невольно улыбнулся и направился к портному, где меня немедленно обмерили и обещали, что все будет готово через пару дней. Я опасался, что мне придется задержаться в Оленьем замке как раз на два дня, а то и дольше, но сказал, что доплачу, если заказ будет готов раньше. Потом, путаясь и сбиваясь, я описал портному Шута – примерный рост и объемы, которые ныне, увы, стали намного меньше прежних. Портной заверил, что позже в этот же день в его мастерской приготовят белье и пару халатов и на эти размеры. Я сказал, что мой друг болен и ему лучше подойдет мягкая ткань. И добавил денег, чтобы поторопить швей.

Когда с обязательными покупками было покончено, я направился туда, где на улицах царила веселая суматоха. Все было совсем как во времена моего детства: кукольные представления, жонглеры, песни и танцы, девушки в венках из падуба. Торговцы предлагали сладости и подарки, знахарки – амулеты и снадобья, на улицах можно было найти любое развлечение, какого захочет душа. Мне не хватало Молли и отчаянно хотелось, чтобы Би была со мной, – так хотелось показать ей все это и повеселиться вместе с ней.

Я купил ей подарков. Ленты с колокольчиками, леденцы на палочке, серебряное ожерелье с тремя янтарными птичками, пакетик орехов с пряностями, зеленый шарф с вывязанными на нем желтыми звездами, маленький ножик с хорошей рукояткой из рога и, наконец, холщовую сумку, чтобы сложить все это. Мне пришло в голову, что гонец может вместе с письмами отвезти в Ивовый Лес и подарки. Поэтому я наполнил сумку до краев, так что под конец она едва закрывалась. Я купил бусы из пятнистых ракушек с далеких берегов, мешочек душистых трав, чтобы положить в сундук с зимней одеждой, и много чего еще. Стоял на диво погожий зимний день, свежий ветер приносил запах моря. И сердце у меня пело, когда я представлял, как будет радоваться Би, доставая безделушки одну за другой. Я не спешил покидать праздничные улицы, обдумывая письмо, чтобы отправить вместе с подарками. Надо подобрать слова, правильные и простые, и пусть Би сама прочтет в моем сердце, как мне жаль, что пришлось оставить ее. Но вскоре ветер снова натянул серые снежные тучи, и пришла пора возвращаться в замок.

На обратном пути я зашел в портняжную мастерскую – мне повезло, одежда для Шута была готова. Когда я двинулся дальше, низкие тучи уже обложили горизонт. Пошел снег, и пока я брел по дороге, круто поднимавшейся к замку, ветер жалил лицо. Ворота я миновал так же легко, как и когда выходил, – по случаю Зимнего праздника и прибытия гостей из Удачного страже было велено не допытываться у входящих, что у них за дела.

Но это напомнило мне о том, что рано или поздно придется решить еще один вопрос. Мне нужно было как-то назваться. С тех пор, как я по просьбе Би сбрил бороду, даже Риддл не уставал удивляться, как молодо я выгляжу. Я много лет не был в Оленьем замке и теперь опасался представляться Томом Баджерлоком. И не только потому, что седая прядь, похожая на барсучий хвост, давно исчезла, а еще и потому, что те, кто помнил Тома Баджерлока, слишком удивились бы, увидев перед собой мужчину лет тридцати с небольшим, когда ему должно быть уже шестьдесят.

Через кухню я на этот раз не пошел, а воспользовался боковой дверью, через которую ходили в основном посыльные и слуги высшего ранга. Плотная набитая сумка служила отличным оправданием, а когда помощник управляющего поинтересовался, куда я иду, я сказал, что несу посылку для леди Неттл.

Гобелены и мебель в замке сменились, но расположение господских покоев согласно высоте положения их обитателей оставалось примерно тем же, что и во времена моего детства. По лестнице для слуг я поднялся на этаж, где селили низшую знать, потоптался немного в коридоре, словно ожидая, пока меня впустят в комнаты, и, оставшись в одиночестве, незамеченным поднялся на этаж выше, где были старые покои леди Тайм. Ключ легко повернулся в замке, и я вошел. Ход в потайные коридоры начинался в шкафу, набитом затхлыми старушечьими платьями.

Я пробрался в лаз так же неуклюже, как и накануне ночью. Так ли уж необходима вся эта секретность? Шут попросил поселить его в тайных комнатах, потому что боялся преследователей, но, пройдя через камни, мы наверняка оставили далеко позади любую погоню. Однако потом я вспомнил, как умерла Белая девушка, как паразиты пожирали ее глаза, и решил, что осторожность все же не помешает. Пусть лучше Шут поживет там, где его никто не найдет, – хуже не будет.

Пока меня не было, в комнатах успел побывать кто-то из загадочных подручных Чейда. Надо бы познакомиться с ним. Или с ней. Лохмотья Шута исчезли, пустая ванна стояла в углу. Грязные тарелки и бокалы были вымыты и расставлены по местам. В дальнем углу очага стоял тяжелый глиняный горшок, из-под крышки доносился аромат тушеного мяса. Стол был застелен скатертью, на которой, завернутый в чистую желтую салфетку, лежал каравай хлеба, стояла тарелочка с по-зимнему бледным маслом и пыльная бутылка красного вина. Стол был накрыт на двоих, возле тарелок и приборов ожидали кружки.

На спинке стула висели две удобные ночные сорочки из льняного полотна – должно быть, заботами Кетриккен. К ним прилагались две пары свободных штанов из той же ткани. Чулки для сна, связанные из ягнячьей шерсти, были аккуратно скатаны в шарики. Я улыбнулся при мысли о том, что, возможно, бывшая королева отыскала эти мягкие вещи в своем собственном шкафу. Собрав одежду, я положил ее в изножье кровати.

Наряд, оставленный на другом стуле, выглядел загадочно. На спинке висело лазурно-голубое платье с разрезными рукавами и множеством лишних пуговиц. На сиденье лежали штаны из черной шерсти – довольно-таки удобные, заканчивающиеся у щиколоток бело-голубыми манжетами. Туфли без задников, стоявшие на полу возле стула, напоминали пару лодочек, их острые мыски круто задирались вверх, а каблуки были широкими и устойчивыми. Даже если бы Шут окреп достаточно, чтобы разгуливать по Оленьему замку, эта обувь, на мой взгляд, оказалась бы ему велика.

Шут дышал глубоко и ровно – едва перешагнув порог комнаты, я понял, что он спит. И пусть себе спит, подумал я, подавив мальчишеское желание разбудить его и спросить, как он себя чувствует. Оставив друга в покое, я сел к старому письменному столу Чейда, чтобы написать Би. В голове теснились тысячи слов, но я вывел лишь первую строчку и надолго задумался, уставившись на чистый лист бумаги. Мне так много хотелось ей сказать – заверить, что я скоро снова буду дома, дать совет, как лучше вести себя с Фитцем Виджилантом и леди Шун... Но что, если письмо прочитает не только Би? Хотелось бы надеяться, что никто больше не станет в него заглядывать, однако осторожность, привитая с детства, взяла верх, и я решил не писать ничего такого, что могло бы настроить окружающих против моей девочки. Поэтому я лишь выразил надежду, что Би понравятся мои маленькие подарки. Я давно обещал ей нож, чтобы носить на поясе, и вот теперь наконец купил его. В письме я сказал, что рассчитываю на ее благоразумие в обращении с ним. Еще добавил, что скоро вернусь и хорошо бы, чтобы она не теряла без меня времени даром. Я не стал писать дочери о необходимости усердно учиться под руководством своего нового наставника. На самом деле я надеялся, что уроки возобновятся только после окончания Зимнего праздника, когда я уже вернусь. Но об этом я тоже не стал писать и лишь пожелал Би хорошо отпраздновать, добавив, что ужасно по ней скучаю. Тут я на какое-то время впал в задумчивость. Пришлось напомнить себе, что уж Ревел-то позаботится, чтобы праздник прошел как следует. В тот роковой день я собирался нанять менестрелей в Дубах-у-воды, да так и не успел. А повариха Натмег обещала приготовить праздничные блюда, список которых составил Ревел. Этот список так и лежит где-то у меня на столе.

Моя дочь заслуживала большего, но я ничего не мог сделать отсюда, издалека. Придется ограничиться подарками до тех пор, пока я не вернусь домой, чтобы быть рядом с Би.

Я свернул письмо и перевязал свиток одним из шнурков Чейда. Потом нашел воск, запечатал им узел и оставил отгиск своего перстня. Моей печаткой был барсучий след – знак помещика Тома Баджерлока по прозвищу Барсучий Хвост. Фитцу Чивелу Видящему не полагалось королевского атакующего оленя на печатку.

Мой Дар встрепенулся, давая знать о появлении чужака. Мои ноздри дрогнули, приняв хиваясь. Я не шелохнулся, но позволил взгляду бездумно блуждать по комнате. Там! Там, за старым гобеленом с изображением охоты с борзыми на оленя, прикрывающим один из потайных входов, кто-то дышит. Я сосредоточился, тело приготовилось действовать. Сам я, в отличие от чужака, дышал беззвучно. Я не стал хвататься за оружие, лишь переместил свой вес, чтобы быть готовым в любое мгновение вскочить, метнуться или упасть на пол. Я ждал.

– Господин, пожалуйста, не надо на меня нападать.

Мальчишеский голос. По-деревенски растягивает гласные.

– Входи. – Я не стал ничего обещать.

Он решился не сразу. Потом очень медленно отвел гобелен в сторону и вошел в тускло освещенную комнату. Оказавшись на свету, мальчишка показал мне свои руки – в правой ничего не было, в левой он держал свиток.

– Вам письмо, господин. Вот и все.

Я внимательно пригляделся к нему. Он и правда был совсем еще мальчишка, лет от силы двенадцати. Костлявый, с узкими плечами. Он и когда вырастет, не станет крупным мужчиной. На нем была синяя ливрея, какие носили все пажи в Оленьем замке. Каштановые волосы, выющиеся, как шерсть барашка, и карие глаза. Надо же, какой осторожный: вышел на свет, но остался стоять ближе к выходу. А прежде почувствовал опасность и предупредил меня о своем появлении. Это заставило меня его уважать.

– От кого письмо?

Мальчишка облизнул губы кончиком языка:

– От того, кто знал, что вы здесь. От того, кто научил меня, как сюда попасть.

– А откуда ты знаешь, что письмо предназначено именно мне?

– Он сказал, я найду вас здесь.

– Но здесь мог оказаться кто угодно.

Он покачал головой, но не стал спорить:

– У вас нос сломан много лет назад. И засохшая кровь на рубашке.

– Ладно, давай сюда это письмо.

Он приблизился опасливо, как лис, задумавший утащить тушку кролика из капкана. Ступая легко и не сводя с меня глаз, подошел к столу, положил на него свиток и отступил.

– Это все? – спросил я.

Он оглядел комнату, задержавшись взглядом на запасе дров и еде:

– Еще я готов принести все, что пожелаете, господин.

– А зовут тебя?..

И снова он ответил не сразу:

– Эш¹, господин. – И умолк, глядя на меня.

– Мне больше ничего не нужно, Эш. Можешь идти.

– Господин, – почтительно ответил он. И попятился – медленно, шаг за шагом, не отрывая от меня глаз.

Когда его руки нащупали гобелен, Эш юркнул за занавесь и был таков. Я ждал, но так и не услышал его шагов на лестнице.

Выждав еще немного, я бесшумно поднялся и, крадучись, двинулся через комнату. Но когда я отдернул гобелен, за ним никого не оказалось. Я удовлетворенно кивнул. С третьей попытки Чейд все-таки нашел себе способного ученика. Я задумался было, кто из них – Чейд или леди Розмари – обучает мальчишку и где они его нашли, но выбросил эти мысли из головы. Не мое дело. Благоразумнее будет задавать как можно меньше вопросов и по возможности держаться подальше от дел тайных убийц и политики Оленьего замка. Мне и своих забот хватает.

Я проголодался, но решил подождать, пока Шут проснется, чтобы поесть вместе с ним. Так что я вернулся к столу и взялся за послание Чейда. И стоило мне прочесть первые строки, как я почувствовал, что меня вновь затягивает в сети политических интриг.

Раз уж ты все равно здесь и тебе покуда нечем заняться, кроме как ожидать его выздоровления, возможно, ты не против немного помочь? Тебе уже принесли подходящую одежду, а при дворе распуцен слух, что скоро прибудет с визитом лорд Фелдспар из Высокой Кручи – это небольшое, но процветающее имение у северо-западных границ Бакка. Лорд Фелдспар недаром носит прозвище Полевой Шпат – он совершенно черствый человек, любит выпить и, по слухам, в медной шахте на его землях недавно стали добывать весьма качественную руду. Потому он и приехал ко двору, надеясь поучаствовать в переговорах с торговцами.

И так далее. Мое имя ни разу не упоминалось в письме, почерк явно принадлежал Чейду, но я прекрасно понимал, какая игра затевается. Дочитав послание, я внимательно изучил провинциальный наряд, приготовленный для меня. И вздохнул. К счастью, торопиться некуда – я должен буду появиться на торжественном пиру в Большом зале только вечером. Что от меня требуется, я знал: мало говорить, внимательно слушать и доложить Чейду, кто пытался сделать мне деловое предложение и насколько щедрым оно оказалось. Общий расклад, ради которого все и затевалось, я даже не пробовал вообразить. Чейд наверняка тщательно взвесил, сколько мне необходимо знать, и поделился только тем, чем счел нужным. Опять он плетет свои сети.

И все же, несмотря на досаду и раздражение, сердце мое радостно затрепетало. Это же канун Зимнего праздника. Повара королевского замка превзойдут сами себя. На пиру будут

¹ Эш (англ. Ash) – пепел. Как и почти все имена в книгах данного цикла, это имя – «говорящее». (Здесь и далее примеч. перев.)

музыка и танцы и гости со всех концов Шести Герцогств. И я под новой личиной, в наряде, который будет одновременно привлекать ко мне внимание и выдавать во мне чужака, снова, как в юности, стану шпионить для Чейда!

Я взял платье и на пробу приложил его к себе. Это оказалось никакое не платье, а щегольской и аляповатый длинный камзол под стать неудобным туфлям. Пуговицы – костяные, с нарисованными крошечными цветочками – шли не только спереди, но и по широким манжетам. Несметное множество пуговиц, которые ничего не застегивали, а служили лишь украшением. Ткань была мягкая, какого-то незнакомого мне вида. Взяв камзол в руки, я сперва удивился его тяжести, а потом сообразил, что кто-то уже разложил все необходимое по потайным карманам.

Обшарив их, я нашел отличный набор маленьких отмычек и миниатюрную пилку с острыми зубцами. В другом кармане обнаружился бритвенно-острый ножичек, какие предпочитают карманники. Насчет своих способностей в этом ремесле я сильно сомневался. Несколько раз мне доводилось шарить по чужим карманам по приказу Чейда – не в поисках денег, конечно, а чтобы выяснить, чьи любовные письма хранит в кошельке Регал или у кого из слуг завелось слишком много серебра для честного лакея. Но это было много лет назад. Очень много.

Шут в кровати еле слышно застонал, и я, перебросив камзол через руку, кинулся к нему.

– Шут! Ты проснулся?

Его лоб был изборожден морщинами, глаза плотно закрыты, но при звуках моего голоса на губах Шута появилось нечто похожее на улыбку.

– Фитц... Это сон, да?

– Нет, дружище. Ты здесь, в Оленьем замке. И в безопасности.

– Ах, Фитц. Я всегда в опасности. – Он слегка закашлялся. – Я думал, что умер. Проснулся – и не почувствовал ни боли, ни холода. Вот я и решил, что наконец умер. А потом пошевелился, и боль вернулась.

– Прости меня, Шут.

Это я нанес ему самые свежие раны. Я не признал его, увидев, как больной и, возможно, безумный нищий прижимает к себе мою Би. Я бросился спасать дочь и несколько раз ударил его ножом, прежде чем понял, что вижу перед собой моего самого старого друга на всем белом свете. Я бросился лечить его при помощи Силы, это помогло закрыть раны и остановить кровотечение, но исцеление истощило его. Кроме того, пока я врачевал то, в чем был виноват сам, я обнаружил в теле Шута и другие, давние, повреждения. Зараза, которую он носит в себе, пожирает его изнутри. Медленно убивает. Остается только одно: дать Шуту набраться сил в достаточной мере, чтобы можно было предпринять более серьезное исцеление.

– Ты голоден? Есть тушеное мясо, очень мягкое. А еще красное вино и хлеб. И масло.

Он ответил не сразу. Его слепые глаза казались тускло-серыми в скудном свете. Они двигались в глазницах, как будто он пытался разглядеть все, о чем я говорил.

– Правда? – сказал Шут. – Тут в самом деле столько еды? Ох, Фитц, я боюсь двинуться с места – вдруг очнусь и окажется, что и тепло, и одеяла, и еда – только сон...

– Тогда давай я принесу тебе еду в постель?

– Нет-нет, не надо. У меня все мимо рта. Дело не только в слепоте, но и в руках. Они дрожат. И дергаются.

Он пошевелил руками, и мне стало дурно. На одной подушечки пальцев были срезаны, и на их месте выросли грубые рубцы. Костяшки страшно выпирали. А ведь когда-то это были красивые и изящные кисти, они так ловко жонглировали, разыгрывали кукольные представления и резали по дереву... Я отвел глаза.

– Тогда пойдем. Давай я помогу тебе устроиться в кресле у огня, как вчера.

– Позволь я сам буду искать дорогу, а ты только предупреждай меня, чтобы я что-нибудь не опрокинул. Хочу обследовать комнату. С тех пор, как меня ослепили, я неплохо научился обследовать комнаты на ощупь.

Я не нашелся, что ответить. Шут тяжело навалился на мою руку, и я пошел рядом, поддерживая его, пока он нашаривал дорогу.

– Чуть левее, – предупредил его я.

Шут сильно хромал. Кажется, ему было очень больно опираться на опухшую ногу. Как ему вообще удалось проделать столь долгий путь в таком состоянии? Как он шел в одиночку по дорогам, ничего не видя? Не сейчас, сказал я себе. У нас еще будет время поговорить об этом.

Нашупав спинку кресла, он ухватился за нее и нашарил подлокотник. Обойти кресло и опуститься в него тоже потребовало некоторых усилий. Справившись, он вздохнул – не то чтобы удовлетворенно, но так, будто закончил непростое дело. Его дрожащие пальцы легко пробежались по столу, потом он опустил руки на колени.

– Боль не дает покоя, но, думаю, она не мешает мне проделать обратный путь. Вот отдохну тут немного, подлечусь – и мы с тобой пойдем и выжжем это змеиное гнездо. Но мне нужно вернуть себе зрение, Фитц. Я хочу быть тебе не обузой, а помощником на пути в Клеррес. Вместе мы заставим их заплатить за все. Мы совершим правосудие, которого они заслуживают.

Правосудие. Чейд всегда называл дела тайных убийц «тихой работой» или «королевским судом». А если я отправлюсь в путь, вняв просьбам Шута, что я буду вершить? Шутовской суд?

– Сейчас я положу тебе еды, – сказал я, решив пока ничего не отвечать Шуту на его тревоги.

Я положил ему на тарелку немного мелко нарезанного мяса и несколько маленьких ломтиков хлеба с маслом. Налил в кружку вино. Потом взял Шута за руку, чтобы дать ему нашупать приборы, но забыл предупредить его, и он дернулся так, будто мое прикосновение обжигало.

– Прости! – выпалили мы одновременно.

Я усмехнулся, но Шут остался серьезен.

– Хотел помочь тебе найти еду, – пояснил я.

– Знаю, – тихо ответил он.

Его руки, словно пугливые мыши, нашарили кромку столешницы и несмело двинулись дальше. Замерли у края тарелки. Пальцы пробежались по ее содержимому, едва касаясь. Наконец Шут взял кусок мяса и положил в рот. Я хотел было сказать ему, что рядом лежит вилка, но прикусил язык. Разумеется, он и сам это понимал. Не стоит указывать измученному калеке на столовые приборы, будто забывчивому ребенку. Шут ощупью нашел салфетку.

Некоторое время мы молча ели. Прикончив то, что лежало у него на тарелке, Шут мягко попросил меня нарезать ему еще мяса и хлеба. Пока я занимался этим, он вдруг спросил:

– Ну и как складывалась твоя жизнь, пока меня не было?

Я замер на мгновение, потом переложил нарезанное ему на тарелку.

– Это была прекрасная жизнь, – сказал я и сам удивился тому, что голос у меня не дрогнул.

Так трудно было подобрать слова... Как вкратце рассказать обо всем, что произошло за двадцать четыре года? Как описать ухаживание, женитьбу, рождение дочери и смерть жены? Я попытался.

– Что ж... Когда мы с тобой расстались? Я тогда затерялся в столпах Силы по пути домой. Дорога, которая прежде занимала мгновения, отняла у меня несколько месяцев. Но однажды камень все-таки выплюнул меня. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, узнал, что ты был здесь, но ушел. Чейд передал мне твой подарок, резную фигурку. Я наконец познакомился с Неттл. Она встретила меня в штыки, особенно поначалу. Я... ну, я стал ухаживать за Молли.

Мы поженились. – У меня перехватило горло. Пересказывая нашу историю, пусть даже так скупой и короткой, я вновь ощутил, сколь много потерял, и сердце мое облилось кровью. Я хотел сказать, что мы были счастливы. Но не мог выговорить этого в прошедшем времени.

– Соболезную твоей утрате. – В устах Шута традиционная формула прозвучала с искренним сочувствием.

На миг я растерялся:

– Откуда ты?..

– Откуда я знаю? – Он тихо хмыкнул, словно бы недоверчиво. – Ах, Фитц. Почему, по-твоему, я оставил вас? Я хотел, чтобы ты хоть немного пожил той жизнью, которая в моих видениях будущего должна была начаться после того, как я умру. Я видел множество будущих, но во всех ты неустанно добивался Молли, завоевывал ее сердце и наконец обретал, пусть отчасти, счастье и покой. То счастье, что оставалось для тебя недостижимым, покуда я был рядом. Во множестве вариантов будущего она умирала и ты оставался в одиночестве. Однако эта утрата не отменяет всего того, что у тебя было, – все эти годы с Молли. Она так любила тебя.

Он вернулся к еде. Я сидел, не шевелясь. Горло сдавило с такой силой, что я едва не задохнулся от боли. Даже дышать было трудно. И хотя Шут был слеп, я чувствовал, что он понимает, каково мне. Он ел очень медленно, словно стараясь растянуть и удовольствие от еды, и молчание между нами, столь необходимое мне. Все так же неспешно он подобрал остатки подливы последней корочкой хлеба. Съел, вытер пальцы салфеткой, нащупал кружку. Когда Шут пригубил вино, на его лице отразилось блаженство.

Поставив бокал, он негромко сказал:

– То, что я помню о вчерашнем дне, не дает мне покоя.

Я хранил молчание.

– Думаю, я провел в пути всю позапрошлую ночь. Помню, шел снег и я понимал, что нельзя останавливаться отдохнуть, пока не найду хоть какое-нибудь укрытие. У меня была хорошая палка вместо посоха, это очень помогает, когда надо идти вслепую на больных ногах. Мне теперь тяжело ходить без палки. Да, вспомнил – дорога вела к Дубам-у-воды. Мимо проехала телега, возница обругал меня и крикнул, чтобы я убрался с дороги. Я посторонился. Но за телегой в снегу мне удалось нащупать следы, и я знал, что эта колея рано или поздно приведет меня туда, где можно укрыться от непогоды. И я пошел по ним. Ног я не чувствовал. Вместе с чувствительностью ушла и боль, но зато я стал чаще падать. Думаю, в Дубы-у-воды я добрался уже очень поздно. На меня залаяла собака, и кто-то прикрикнул на нее. Колея от телеги привела к конюшням. Внутри меня не пустили, но снаружи была куча соломы и навоза. – Он поджал губы на мгновение и сухо пояснил: – Я уже знал, что в соломе с навозом можно согреться.

Я кивнул, потом спохватился, что он не видит меня, и сказал:

– Да, это правда.

– Я немного поспал, потом встал и пошел. В городе началась суета. Какая-то девушка пела старую песню из тех, что мне доводилось слышать в Баккипе по случаю Зимнего праздника. И я подумал, что, возможно, в такой день будут хорошо подавать. Праздники порой смягчают сердца. Я решил попробовать вымолить немного еды и поесть, а потом, если попадутся добрые люди, попросить их отвезти меня в Ивовый Лес.

– Так ты шел ко мне!

Шут медленно кивнул. Его рука ощупью проползла по столу, нашла кружку. Сделав скупой глоток, Шут поставил ее на место.

– Конечно, к тебе. Так вот, я стал просить подавание, но хозяйка лавки, возле которой я остановился, все разорялась, гоня меня прочь. Я и сам понимал, что надо идти. Но я так устал, а то место, у лавки, давало укрытие от ветра. Ветер бывает страшен, Фитц. Стоит подняться ветру, и вполне сносный день превращается в пытку.

Он замолчал и обхватил себя за плечи, словно ему стало зябко при одной мысли о ветре.

– А потом... – продолжил Шут, – потом подошел мальчик. Он дал мне яблоко. Тут лавочница снова стала браниться и крикнула мужу, чтобы прогнал меня скорее. Тогда мальчик помог мне отойти от двери...

Шут снова умолк. Голова его поворачивалась из стороны в сторону. Думаю, он не осознавал этого. В эту минуту он походил на гонимую, пытающуюся почуять потерянный след. И вдруг его словно прорвало:

– Это было так ярко, Фитц! – воскликнул он с горечью. – Это был сын, которого я искал! Мальчик коснулся меня, и я стал видеть его глазами. Я видел, каким сильным он может стать однажды, если обучить его правильно, если не дать Слугам поразить его своей порчей. Я нашел его и не мог сдержать радости. – Желтоватые мутные слезы хлынули по его исчерченным шрамами щекам.

Я сразу вспомнил просьбу Шута, которую он пытался передать с многочисленными посланцами: найти Нежданного Сына. Неужели у Шута был сын? Неужели Шут стал отцом вопреки всему, что я знал о нем? С того дня, когда посланница передала мне его слова и умерла, я перебрал и отверг десятки предположений о том, кто мог быть матерью этого ребенка.

– Я нашел его, – печально проговорил Шут. – И тут же потерял. Когда ты ударил меня ножом.

Стыд и вина окатили меня жгучей волной.

– Шут, прости меня. Я бы никогда не причинил тебе зла. Но я не узнал тебя.

Он покачал головой. Рука, похожая на клешню, нашла салфетку. Шут вытер лицо. Следующие слова прозвучали хрипло, как вороний гай:

– Что произошло, Фитц? Почему ты пытался убить меня?

– Я испугался за ребенка. Я вышел из таверны в поисках моей малышки и увидел тебя...

– Твоей малышки? – недоверчиво воскликнул он, перебив мои попытки объясниться.

– Да. Моей Би. – Невзирая на все ужасы, я невольно улыбнулся. – У нас с Молли родился ребенок, Шут. Крошечная девочка.

– Нет, – заявил он с железной уверенностью. – Я видел много вариантов будущего, но ни в одном из них у тебя больше не было детей.

Его лоб прорезали морщины. На изуродованном шрамами лице трудно было прочесть что-нибудь, но мне показалось, что Шут еле сдерживает гнев.

– Если бы это было правдой, я бы знал! Я бы провидел это! Я – истинный Белый Пророк, я бы провидел!

Он ударил по столу, дернулся от боли и прижал ушибленную руку к груди.

– Я бы провидел, – повторил он с прежней настойчивостью, но уже тише.

– Но это правда, – мягко сказал я. – Понимаю, в это трудно поверить. Мы и сами думали, что у нас уже не будет детей. Молли сказала, что годы, когда она могла понести, позади. А потом появилась Би. Наша малышка.

– Нет, – упрямо повторил Шут. Он поджал губы, и вдруг подбородок его задрожал, будто у ребенка. – Этого не может быть. Этого не может быть, Фитц. Как же так? Если я не провидел столь важного события в твоей жизни, что еще я мог упустить? Сколько еще ошибок я сделал? Что, если я и насчет себя заблуждался?

Он опять замолчал. Его слепые глаза двигались, словно пытаясь отыскать меня.

– Фитц... Не сердись, но я должен спросить. – После минутного колебания он прошептал: – Ты уверен? Совершенно уверен? Ты точно знаешь, что это ваш с Молли ребенок? Не может быть так, что она дочь Молли, но не твоя?

– Би – моя дочь, – сказал я без выражения. Я и сам не ожидал, что его вопрос так уязвит мое самолюбие. – Точно моя, – добавил я с вызовом. – Она унаследовала от моей матери черты жителей Горного Королевства.

– Ты едва помнишь свою мать.

– Я помню достаточно, чтобы не сомневаться: моя дочь похожа на нее. И я достаточно хорошо помню Молли, чтобы не сомневаться в ней. Ни на миг. Шут, это было недостойно с твоей стороны спрашивать такое.

Он опустил голову, словно усталился себе на колени.

– Теперь я вообще мало чего достоин, – заключил он и встал так резко, что едва не опрокинул стол. – Пойду лягу. Мне нехорошо.

И он поковылял прочь от меня, вытянув перед собой одну изуродованную руку и прижав другую к подбородку, словно защищаясь.

– Я понимаю, ты плохо себя чувствуешь. – Мне вдруг стало стыдно за свою резкость. – Ты сейчас сам на себя не похож, Шут. Но скоро ты снова станешь собой. Вот увидишь.

– Думаешь? – Шут не обернулся, а говорил в пустоту перед собой. – Я вот не уверен. Десять лет меня убеждали, что я вовсе не тот, кем себя считал. Не Белый Пророк, а мальчишка с разыгравшимся воображением. И то, что ты только что рассказал, заставляет задуматься – вдруг они правы?

Мне было невыносимо видеть его таким раздавленным.

– Шут! Вспомни, что ты говорил мне много лет назад. Мы уже живем в будущем, которого ты не провидел. В будущем, где ни ты, ни я не умерли.

Он ничего не ответил. Добравшись до кровати, ощупал ее, потом сел на краешек. И не лег, а рухнул на постель, натянул на голову одеяла и затих.

– Я сказал правду, старый друг. У меня есть малышка-дочь, и я нужен ей. Я не могу оставить ее. Я должен быть рядом, чтобы растить ее, учить и защищать. Я не могу пренебречь отцовским долгом. И не хочу.

Продолжая говорить, я прибрался на столе – вытер лужи и крошки, оставшиеся после Шута, и закупорил недопитую бутылку. Я ждал ответа, но Шут молчал, и с каждым мгновением на душе у меня становилось все тяжелее.

Наконец я не выдержал и добавил:

– Что до того, о чем ты просил ночью... Я бы сделал это ради тебя. Ты же понимаешь. Если бы только мог. Но теперь я прошу тебя, как вчера просил ты: ради меня, пойми, что я вынужден сказать нет. По крайней мере, сейчас.

Молчание тянулось и тянулось, словно нить укатившегося клубка. Я сказал то, что должен был сказать, и рано или поздно Шут поймет. Он не самолюбив и не безжалостен, чтобы не понять. Он признает, что я сказал правду. Я не могу отправиться с ним, как бы отчаянно ни требовалось убить всех, кого он хотел видеть убитыми. У меня есть дочь. Я должен быть ей опорой и защитой. Би превыше всего. Я разгладил простыню и одеяло на своей половине постели. Возможно, Шут уже заснул.

Я сказал негромко:

– Вечером мне придется уйти – Чейд нашел для меня поручение. Возможно, я вернусь очень поздно. Ничего, если тебе придется побыть одному?

Снова никакого ответа. То ли Шут и правда мгновенно провалился в сон, то ли просто дулся и не хотел разговаривать. «Оставь это, Фитц, – сказал я себе. – Шут болен. Отдых ему сейчас нужнее всего».

Глава 2. Лорд Фелдспар

Что есть тайна? Нечто большее, чем сведения, известные лишь немногим или даже одному-единственному человеку. Тайна – это власть. Это узы. Она может быть проявлением величайшего доверия или ужаснейшей из угроз.

Тайна сокрытая дает власть, но и открыв тайну, можно обрести власть. Порой бывает непросто понять, какой выбор даст больше власти и силы.

Всякий человек, стремящийся к власти, должен стать собирателем тайн. Даже самый крошечный секрет может дорого стоить. Людям свойственно ценить собственные тайны дороже, чем чужие. Посудомойка способна предать принца, лишь бы только не прозвучало во всеулышание имя ее тайного любовника.

Не следует разбрасываться тайнами, кои удалось собрать. Немало людей лишились всякой власти из-за излишней расточительности. Однако лучше того следует оберегать собственные тайны, иначе всю жизнь придется плясать под чужую дудку.

Конфиденс Мейхен, «Иное орудие убийцы»

Я так толком и не поел, а теперь и вовсе расхотелось. Пока я прибирал после трапезы, Шут либо спал, либо очень убедительно притворялся. Я смирился с тем, что он не желает говорить со мной, и стал переодеваться в наряд лорда Фелдспара, присланный Чейдом. Признаться, я немного нервничал. Одежда пришлась мне впору, хотя и оказалась несколько свободнее в груди и талии, чем я ожидал. К моему удивлению, наряд был очень удобным. Переложив кое-какие мелочи в потайные карманы, я сел, чтобы переобуться. Каблуки были непривычно высоки, а загнутые мыски выдавались далеко вперед и венчались маленькими кисточками. Я пять раз прошелся из конца в конец комнаты, прежде чем почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не споткнуться в самый неподходящий момент.

В комнате Чейда было большое, отлично отполированное зеркало. Он и сам немало им пользовался, и заставлял упражняться перед ним своих учеников. Однажды по его настоянию мне пришлось целую ночь отрабатывать перед зеркалом разные улыбки – искреннюю, обезоруживающую, насмешливую, скромную... Перечень казался бесконечным, и под утро у меня ныли все мышцы лица. И вот теперь я взял канделябр и подошел к зеркалу, чтобы взглянуть на лорда Фелдспара, владельца Высокой Кручи. К наряду прилагалась мягкая шапочка, отделанная золотым шитьем и пуговицами, в которую был вшит парик с каштановыми локонами. Я примерил ее, гадая, как носят этот головной убор и насколько сильно он должен свисать набок.

В шкафу Чейда хранился целый поднос причудливых украшений. Я выбрал два вызывающе больших и ярких перстня, понадеявшись, что пальцы от них не окрасятся зеленою. Потом согрел воды, побрился и снова оглядел себя в зеркале. Я уже хотел тихо выбраться из комнаты через гардероб, набитый затхлыми платьями леди Тайм, когда почувствовал слабое дуновение сквознячка. Тогда я замер, прислушиваясь, и точно в нужный момент спросил:

– Не пора ли уже начать мне доверять хотя бы настолько, чтобы сказать, в чем секрет той двери?

– Наверное, придется, раз уж ты лорд Фелдспар и комната внизу теперь в твоём распоряжении. – Чейд вышел из-за угла, остановился, оглядел меня и одобрительно кивнул. – Ни за что не догадаешься, где кроется ее механизм. Он даже не в этой стене. Смотри. – Чейд подошел к камину и вынул один из его кирпичей вместе с раствором, скрепляющим кладку. За кирпичом оказался черный железный рычаг. – Туговато ходит. Я позже пришлю мальчика, чтобы смазал. – С этими словами он потянул за рычаг, и сквозняк тут же прекратился.

– А как ты открывал эту дверь из моей старой комнаты?

В детстве я провел бесчисленные часы, пытаясь отыскать механизм, открывающий потайную дверь в моей спальне.

Чейд вздохнул:

– Один за другим мои секреты падают под твоим напором. Признаться, меня всегда удивляло, как это ты сам не догадался насчет той двери. Я был уверен, что рано или поздно ты наткнешься на разгадку по чистой случайности. Дверь открывается шнурком от штор. Надо потянуть так, чтобы шторы полностью задернулись, а потом потянуть еще раз. Ничего не произойдет, ни звука не раздастся, но если толкнуть потайную дверь, она откроется. Вот теперь ты знаешь.

– Теперь знаю, – согласился я. – После того, как полвека бился над этой загадкой.

– Ну уж не полвека.

– Мне шестьдесят, – напомнил я. – А ты взял меня в ученики, когда мне не было и десяти. Так что выходит даже больше, чем полвека.

– Не напоминай мне про мои годы, – сказал Чейд, со вздохом опускаясь в кресло. – Не тебе пенять на скоротечное время, тебя-то оно почти не тронуло... Сдвинь шапку чуть дальше на затылок. Да, вот так. Прежде чем ты пойдешь на пир, надо чуть подрумянить твои щеки и нос, чтобы казалось, что ты начал пить еще с утра. А брови сделаем погуще.

Он еще раз критически оглядел меня, склонив голову набок.

– Этого должно хватить, чтобы никто не узнал тебя... А это что? – Он подтянул к себе мои покупки для дочери.

– Это посылка, которую мне хотелось бы как можно скорее отправить в Ивовый Лес. Для Би. Мне пришлось оставить дочку так неожиданно, да еще и при весьма пугающих обстоятельствах. А ведь это первый Зимний праздник, который ей придется встречать без матери. Я надеялся быть с малышкой в эти дни.

– Отправим сегодня же, – серьезно пообещал Чейд. – Если бы я знал, то передал бы твою посылку с небольшим отрядом, который выслал туда утром. Они поедут быстро.

– Это всякие мелочи, купленные на рынке. Запоздалые подарки к Зимнему празднику... Погоди, ты послал в Ивовый Лес солдат? Но зачем?

– Фитц, где твоя голова? Ты бросил Шун и Фитца Виджиланта без защиты. У тебя даже ворота не охраняются. Хорошо еще, у меня поблизости есть один или двое знакомцев, которые что-то соображают. Боевыми навыками они похвастаться не могут, но смотреть в оба умеют. Если заметят опасность, предупредят Ланта. А если погода не испортится, дня через три подоспеет и мой отряд. Те еще разбойники, но командир свое дело знает. Капитан Стаут держит их на коротком поводке, а когда надо, спускает с привязи, и уж тогда их ничто не остановит. – В голосе Чейда послышалось удовлетворение. Он побарабанил по столу пальцами. – Голубь сегодня еще не прилетал, но по плохой погоде такое бывает.

– Голубь?

– Фитц, я ничего не упускаю. Я присматриваю за всем и всеми, кто находится в моем ведении. Как присматривал и за тобой все те годы, пока ты жил здесь. И вот теперь я позаботился, чтобы из Ивового Леса каждый день присылали голубя без письма, давая мне знать, что с Шун и Лантом все хорошо. Разумная предосторожность, не более!

Я и раньше знал, что у Чейда есть свой человек в Ивовом Лесу. А теперь выясняется, что ему каждый день шлют донесения. Ну хорошо, не донесения. Просто голубя, без письма. Означающего, что все в порядке.

– Чейд, мне стыдно, что я даже не подумал о безопасности Шун и Ланта, когда спешил принести сюда Шута. Ты поручил мне заботиться о них, но, боюсь, я так испугался за Шута, что все остальное просто вылетело у меня из головы.

Пока я говорил, Чейд кивал с мрачным видом, поджав губы. Лицо его окаменело. Я разочаровал его.

Потом он очень осторожно сменил тему:

– Ну что ж... Как думаешь, получится у тебя прикинуться лордом Фелдспаром на сегодняшний вечер, а может, еще завтра и послезавтра? Мне бы очень помогло, если бы среди гостей покрутился кто-то, умеющий слушать и поворачивать беседу в нужную сторону.

– Думаю, я еще не разучился. – Я чувствовал себя страшно виноватым, что подвел его. Выполняя это поручение, я смогу хоть как-то искупить свой промах. – Что тебя интересует?

– О, как обычно. Все мало-мальски любопытное. Кто пытается заключать сделки за спиной короля? Кто предлагает взятки, чтобы получить более выгодные условия? Кто берет взятки? Что вообще думают люди насчет умиротворения драконов? Ну и конечно, самое ценное – это любые мелочи, неожиданные для нас.

– У тебя есть на примете кто-то, к кому надо присмотреться особо?

– Пятеро. Нет, шестеро. – Он почесал за ухом. – Я полностью полагаюсь на твоё чутьё. Поделюсь кое-какими предположениями, но держи ушки на макушке, чтобы не пропустить ничего интересного.

Следующие несколько часов он посвящал меня в хитросплетения власти и влияния в нынешних Шести Герцогствах. Он подробно рассказал мне о четырех мужчинах и двух женщинах, к которым я должен был украдкой приглядеться – вплоть до того, какие напитки они предпочитают, что курят и с кем крутят романы за спиной своих супругов (таких изменников среди них было двое). Чейд вкратце описал, как добывают медную руду, чтобы я мог хотя бы поддержать разговор на эту тему, но посоветовал многозначительно помалкивать, если кто-то начнет выпытывать подробности и расспрашивать о новой жиле, которую мы якобы нашли.

И я снова, как когда-то, позволил Чейду решать все за меня. Нет, боль от утраты Молли осталась со мной, я не перестал переживать за Би и волноваться за здоровье Шута. Но я словно на время оставил свою настоящую жизнь и погрузился в прежнюю, где от меня требовалось лишь выполнять приказы Чейда и докладывать ему о том, что удалось узнать. Так было намного легче. Было даже утешительно обнаружить, что, несмотря на все мои потери и повседневные страхи, я остаюсь все тем же Фитцем и по-прежнему хорошо знаю свое дело.

Закончив наставлять меня перед работой, Чейд кивком указал на кровать:

– Как он?

– Плохо. Страдает от боли, впадает из крайности в крайность. Я обидел его, он лег и сразу заснул.

– Неудивительно. Ты правильно сделал, что не стал его будить. Пусть отсыпается. – Он взял сверток для Би, взвесил его на руке и благосклонно улыбнулся. – Эти подарки весят больше, чем те, что достались любому из детей в Оленьем замке. У меня есть прекрасный гонец. Он отправится сегодня же вечером.

– Спасибо, – сказал я, ощутив некоторую неловкость.

Чейд отмахнулся от благодарности и ушел, забрав сверток с собой. А я спустился по потайной лестнице в комнату, где жил ребенком, и закрыл дверь за собой. Для начала я просто постоял, с наслаждением оглядывая обстановку. В комнате появился дорожный сундук, очень добротный, но пыльный и побитый, словно приехал издалека. Он стоял нараспашку, часть вещей была вынута и небрежно брошена на стул. Некоторые обновки щеголяли изобилием пуговиц. Я бегло оглядел содержимое сундука. Кроме нескольких смен одежды по моей мерке, на вид новой, но не чрезмерно, тут было все, что обычно берет с собой мужчина, когда собирается долгое время где-то гостить. Любой, кому вздумается пробраться в мою комнату и порыться в вещах, убедится, что я и впрямь лорд Фелдспар – тут имелись даже платки с монограммами. Сунув один такой в карман, я отправился вниз, чтобы присоединиться к веселью в честь Зимнего праздника в Оленьем замке.

Как же там было здорово! Играла музыка, еда была превосходна, напитки, каких только душа пожелает, лились рекой. Некоторые гости вдыхали дым из крошечных жаровен на столах.

Девушки в бальных платьях отчаянно заигрывали с юношами в ярких и непрактичных нарядах. Пуговиц на этих нарядах было немало. И я был далеко не единственным гостем в остроносых туфлях на каблуках. На фоне остальных мой наряд смотрелся очень даже скромно. Новая мода превратила традиционные танцы в настоящее состязание в ловкости, и не всем молодым людям удалось пройти его, устояв на ногах.

За весь вечер я пережил лишь один неприятный момент, когда заметил на другом конце зала Уэба. Не могу описать, как мне удалось почувствовать присутствие придворного мастера Дара. Должно быть, он потянулся ко мне, гадая, почему мое лицо кажется ему таким знакомым, и я ощутил это магическое прикосновение. Я отвернулся и под благовидным предлогом отошел подальше. В тот вечер я Уэба больше не видел.

Я разыскал тех, на кого Чейд просил обратить внимание, и ввязался в их разговоры, притворяясь, что принял на грудь куда больше, чем на самом деле. Я с наслаждением играл роль подвыпившего мелкого лорда, который безудержно хвастается недавно обнаружившимися на его земле богатствами. При этом я проводил больше времени среди людей торгового сословия, чем у высокого стола, где знать Шести Герцогств завязывала знакомства с гостями из Удачного, Джамелии и Кельсингры. Леди Кетриккен, в скромном бледно-желтом платье с оборками королевского темно-синего цвета, лишь мельком скользнула по мне взглядом.

Король Дьютифул с королевой Эллианой степенно прошли через зал, здороваясь с мелкими аристократами и преуспевающими торговцами. Дьютифул хранил подобающий королю торжественный и серьезный вид. Ухоженная бородка, которую он начал отращивать с недавних пор, добавляла ему солидности. Королева улыбалась, ступая рука об руку с супругом. Черные кудри на ее увенчанной короной голове были ненамного длиннее, чем мои собственные волосы. Я слышал, что королева стрижется так коротко с тех пор, как ее дочь умерла во младенчестве. Такое зримое свидетельство незаживающей душевной раны тронуло меня – кому как не мне было понять боль утраты. Я порадовался, что королева все же решила посетить празднество.

Девочка-дикарка, которую я видел когда-то скачущей верхом на пони через препятствия, выросла и стала женщиной. Эллиана была маленького роста и смуглой. Казалось бы, высокая светловолосая Кетриккен, бывшая королева Шести Герцогств, должна затмевать супругу своего сына на празднике – но ничего подобного. Кетриккен и Эллиана много лет назад пришли к согласию и теперь гармонично уравнивали друг друга. Если Кетриккен всячески подталкивала королевство на путь обновления, поощряла новые торговые связи и новые подходы к делам, то Эллиана придерживалась традиций. Она выросла на Внешних островах, где испокон веку главными были женщины, и с молоком матери впитала, что рождена для власти. За спиной королевы шли двое ее сыновей. Наряды обоих были подобного синего цвета – цвета Оленьего замка, однако на каждой пуговице красовался нарвал, выпрыгивающий из воды, символ материнского клана. В последний раз я видел их еще детьми, теперь это были два взрослых юноши. Принц Интегрита носил скромную корону будущего короля, принц Проспер был любимцем матери, однако с возрастом стало заметно, что он унаследовал высокий лоб Видящих. Я проводил королевскую семью взглядом, и на моих глазах выступили слезы гордости. Это была наша с Шутом заслуга – долгожданный мир между Шестью Герцогствами и Внешними островами. Спohватившись, что мои увлажнившиеся глаза выглядят неуместно, я притворился, будто закашлялся, торопливо отвернулся и затесался подальше в толпу. На миг я уронил маску лорда Фелдспара. «Держи себя в руках, Фитц», – напомнил я себе.

Мы с Чейдом решили, что в благородной груди лорда Фелдспара бьется каменное сердце. Он не питает никаких чувств к правящему семейству, руководствуясь лишь твердым намерением заплатить в казну как можно меньше налогов. Я хорошо справлялся с ролью. Всякому мелкому аристократу, соизволившему представиться мне, я вполголоса жаловался на то, как много моих кровных денежек уходит на все эти празднования. А теперь придется еще и опла-

чивать стада, предназначенные на прокорм драконов. Драконы! Вот пусть те, кому не повезло жить рядом с их охотничьими угодьями, и кормят этих тварей. Или перебираются в другие земли. Почему я должен расплачиваться за их невезение? Я заводил подобные разговоры в группках поблизости от тех, за кем поручил следить Чейд, и говорил достаточно громко, чтобы эти люди меня слышали.

Я ожидал, что рано или поздно кто-нибудь откликнется предложением найти обходные пути, чтобы не платить деньги в казну. Но когда такое предложение и впрямь поступило, оно исходило не от одного из подозреваемых Чейда, а от молодого человека из Фарроу. Он не принадлежал ни к аристократам, ни к торговцам – его отец буксировал баржи по реке. Юноша улыбался, любезничал со мной и очень старался напоить чем покрепче, при этом тонко намекая, что если знать, как избежать внимания сборщиков налогов в речных и торговых портах, то можно хорошо заработать. Я решил, что эту ниточку стоит отследить, и связался с Чейдом при помощи Силы. Однако оказалось, что мой наставник, опираясь на Олуха, внимательно отслеживает все, что происходит с королем Дьютифулом и еще несколькими магами из королевского круга Силы. Я не стал долго отвлекать его или делиться с кем-то еще и лишь мысленно показал Чейду своего собеседника.

А, хорошо, – коротко отозвался он, но я почувствовал нотку удовлетворения в его голосе и понял, что помог ему приблизиться к ответу на какой-то непростой вопрос.

Ускользнув от юноши из Фарроу, я еще несколько часов бродил среди гостей. Зимний праздник – большое событие, и на пиру присутствовали правители всех Шести Герцогств и их супруги. Оставаясь неузнанным, я замечал в толпе многих друзей и знакомцев времен своей юности. Герцогиня Целерити из Бернса превратилась в красивую пожилую даму. Когда-то, целую вечность назад, совсем в другой жизни, она питала чувства к Фитцу Чивелу. Теперь за ней семенил маленький мальчик – должно быть, внук. Или даже правнук. В зале были и другие люди из моей прошлой жизни, не только благородные лорды и леди, но и торговцы и слуги. А многие из тех, кого я знал, уже не смогли бы прийти, поскольку давно покинули этот мир.

Была глубокая ночь. В многолюдном зале сделалось жарко от дыхания гостей и разгоряченных тел танцующих. Я не удивился, когда молодой речник отыскал меня, чтобы представить своего хорошего знакомого, капитана из Удачного. Тот пояснил, что принадлежит к одному из новых купеческих семейств и его раздражают десятины и сборы, которыми в Удачном обкладывают все иноземные товары.

– Старинные торговые семейства цепляются за прошлые традиции. Что ж, если они не понимают, что пришла пора взглянуть в будущее и распахнуть двери для более свободной торговли, найдутся те, кто пролезет и в окно.

Я кивнул и предложил встретиться после окончания празднества. В ответ он вручил мне гладкую дощечку, на которой значилось его имя и название корабля. Капитан сказал, что остановился в «Кровожадных гончих», гостинице в портовом районе, и будет рад меня видеть. Еще одна рыбка попала в сети Чейда.

Желая отдохнуть, я присел у одного из малых каминов послушать менестреля, развлекавшего гостей сказанием из тех, что по традиции вспоминают на Зимний праздник. Когда я отправился на поиски кружки холодного сидра, меня перехватила молодая женщина, чуть перебравшая вина, и потребовала, чтобы я станцевал с ней. На вид ей нельзя было дать больше двадцати, и она показалась мне неразумным ребенком, забравшимся куда не надо. Интересно, где ее родители и почему они оставили ее в таком состоянии одну в разгар праздника?

Однако я станцевал с ней один из старомодных парных танцев и даже умудрился не сбиться с ритма и не перепутать шаги, несмотря на свои модные туфли на высоком каблуке. Танец был быстрым и веселым, а моя партнерша – весьма хороша собой: черные локоны, карие глаза и многочисленные юбки разных оттенков синего и голубого, одна поверх другой. Но к концу танца горло мое сдавило тоска и одиночество – столько лет я был счастлив, а теперь

счастье навсегда осталось в прошлом. Поблагодарив девушку, я проводил ее к креслу у камина и улизнул. Мой канун Зимнего праздника, подумал я, давно прошел. Мне вдруг остро захотелось ощутить в своей руке крошечную ручку и поймать взгляд небесно-голубых глаз, смотрящих на меня снизу вверх. Впервые в жизни я пожалел, что моя младшая дочь не наделена Силой – тогда бы я мог дотянуться до нее сквозь снежные просторы и сказать, как я люблю ее и скучаю по ней.

Возвращаясь в свою комнату, я думал о том, что на слово Чейда можно положиться. Без сомнения, гонец уже скачет в Ивовый Лес с моими подарками и письмом. Но пройдет несколько дней, прежде чем Би получит послание и убедится, что я не забывал о ней даже в разгар праздника. Почему, ну почему я не послушался Чейда, когда он предлагал взять наделенного Силой мага-ученика, чтобы тот жил с нами в Ивовом Лесу? Такой маг мог бы рассказать мне сейчас, что там происходит. Конечно, это далеко не то же самое, что держать дочь на руках или кружить ее в танце на праздничном вечере, но все-таки лучше, чем ничего.

Я люблю тебя, Би! – выкрикнул я при помощи Силы, словно мое послание могло само отыскать дорогу к ней. И почувствовал мягкое касание Неттл и Чейда – они намекали, что на сегодня я уже выпил достаточно. Возможно, они были правы, потому что в ответ я сказал им:

Я так скучаю по ней.

Никто мне не ответил, и я пожелал им доброй ночи.

Глава 3. Похищение Би

Это верно: порой появляется великий вождь, столь внушительный и незаурядный, что одной лишь силой своего обаяния увлекает за собой тысячи последователей к великой и благой цели. Некоторые скажут вам, что надо быть таким великим вождем, чтобы добиться решительных перемен в мире.

Правда же состоит в том, что великий вождь не может вознестись к вершинам власти без тайной помощи десятков, сотен, тысяч людей. Повитуха, помогшая появиться на свет его прабабке, столь же важна, как и кузнец, подковавший лошадь, на которой вождь возглавит великий поход. Без любого из этих людей бразды правления вырвутся из рук вождя с той же неизбежностью, как если бы стрела поразила его в сердце.

И потому, чтобы изменить мир, нет нужды ни копить войско, ни прибегать к грубым убийствам. Не нужно и обладать особым талантом. Записи сотен талантливых Белых позволяют любому стать Изменяющим. Каждый способен предсказать незначительную перемену, которая приведет к тому, что один человек падет с трона, а иной вознесется на его место. Это стало возможным благодаря труду сотен Слуг, живших прежде нас. Нам более нет необходимости полагаться на единственного Белого Пророка, чтобы найти лучший путь для этого мира. Теперь сами Слуги могут выстлать дорогу, желанную для всех нас.

Слуга Имакиахен, «Наставления»

Шел снег. Белые хлопья сыпались с черного неба. Я лежала на спине и смотрела вверх, в темноту ночи. Меня разбудили холодные прикосновения снежинок, таявших на лице. Я очнулась, но не ото сна. Это был не покой, а странное оцепенение, подумала я. Я медленно села – голова кружилась, меня тошнило.

Перед этим я слышала звуки и запахи. В забытии меня манил чудесный аромат жарящегося к Зимнему празднику мяса и треск поленьев в огромном камине Большого зала. Менестрель наигрывал что-то на морской свирели, самом басовитом из народных инструментов.

Но вот я очнулась и в ужасе уставилась перед собой. Никакого Зимнего праздника или его кануна, когда люди собираются вместе, чтобы отогнать тьму, не было. Вокруг творилось нечто противоположное. Мир качался на волнах беды. Конюшня горела. Запах жарящегося мяса исходил от трупов людей и лошадей, оставшихся там. А низкие, протяжные звуки, которые показались мне зачином мелодии, были растерянными стонами людей из Ивового Леса.

Моих людей.

Я протерла глаза, силясь понять, что случилось. Руки оказались тяжелыми и бессильными, словно слепленными из теста. Кисти скрывались в непомерно больших меховых рукавицах. Или это не мои руки, а огромные звериные лапы?

Да я ли это?

Страх ударил, как кнут. А вдруг я – не я, а кто-то другой, думающий мои мысли? «Я – Би, – прошептала я. – Я – Би Видящая. Кто напал на мой дом? Как я тут очутилась?»

Я сидела, как королева на троне, в огромных открытых санях, тепло укутанная от мороза. Сани были великолепны. Две белые лошади в красной с серебром сбруе терпеливо ждали, чтобы помчать их. По обе стороны от облучка на искусно кованых крючьях, украшенных изображениями свитков, висели стеклянные фонари. Свет их падал на мягкие сиденья и изящные обводы. Я хотела провести рукой по гладкому дереву – и не смогла. Груда мехов и одеял укутывала и сковывала мое налитое сонной тяжестью тело надежнее любых веревок. Сани стояли в конце подъездной дорожки, у некогда парадного крыльца Ивового Леса. Теперь парадные двери были выломаны, дом стоял настежь.

Я трянула головой, силясь сбросить с разума путы. Я должна что-то сделать! Мне нужно что-то сделать, но тело такое теплое и тяжелое, как груда постиранного белья... Я не помнила, как мы вернулись в Ивовый Лес, не говоря уже о том, когда меня успели закутать в шубу и усадить в сани. Я попыталась восстановить в памяти минувший день, словно возвращаясь по своим следам в поисках оброненной перчатки. Вот я в классе с другими детьми. Вот управляющий Ревел – он умирает, но успевает предупредить, чтобы мы спасались. Вот я показываю детям вход в тайные лабиринты в стенах Ивового Леса, но дверь захлопывается передо мной. Вот мы бежим с Персивирансом. Он ранен стрелой. Меня хватают – и я почему-то бесконечно счастлива этим. Больше я ничего не помню. Но кто-то привез меня обратно, нарядил в шубу и укутал десятком одеял. И вот теперь я сижу и смотрю, как горит наша конюшня.

Я перевожу взгляд от танцующих языков огня на дом. Людей, всех, кого я успела узнать за свою недолгую жизнь, согнали перед его крыльцом. Ни на ком из них не было верхней одежды – они стояли в том, что надели с утра для домашней работы. Люди жались друг к другу, обнимали себя за плечи, пытались согреться. Некоторые из них были гораздо ниже ростом, и когда наконец зрение чуть прояснилось, стало понятно, что это дети. Я спрятала их, велев ни в коем случае не выходить из убежища, но они не послушались – и попались. Потом мой полуоцепеневший рассудок вспомнил о пылающей конюшне, и я подумала: возможно, дети поступили правильно. Если враги подожгли конюшню, то могли поджечь и дом.

Враги. Я крепко зажмурилась и вновь открыла глаза в надежде, что от этого мысли и все, что передо мной, обретет четкость.

Я не понимала, почему на нас напали. Если у нас и были враги, я о них не знала. Наши земли расположены далеко от моря, в герцогстве Бакк, и Шесть Герцогств сейчас ни с кем не воюют. И все же какие-то чужеземцы напали, огнем и мечом пройдя по нашему дому. Почему?

Им нужна была я.

В это трудно поверить, однако ничего иного не оставалось. Они явились, чтобы похитить меня. Верховые вражеские воины догнали меня. Догнали нас. Персивиранс... Он зажимал рану, и кровь сочилась сквозь пальцы. Жив ли он? Спрятался ли? И как я снова очутилась здесь, в Ивовом Лесу? Один из налетчиков схватил меня и стащил с лошади. Женщина, которая, похоже, была у них за главную, очень обрадовалась, что нашла меня. Она сказала, что отвезет меня домой. При этом воспоминании я нахмурилась: почему меня в ту минуту охватило такое неизбежное счастье и ликование? Что на меня нашло? Туманный человек тоже обрадовался мне и назвал своим братом.

Но я девочка. И я им об этом не сказала. От восторга я лишилась дара речи. Я раскрыла объятия навстречу туманному человеку и пухленькой, по-матерински заботливой женщине, которая спасла меня из рук налетчика, едва меня не задушившего. Дальше... в памяти сохранилась лишь теплая белизна. Больше ничего. И все-таки мне было стыдно. Я приветствовала ту, кто привел убийц к моему дому, я радовалась ей.

Я медленно повернула голову. Похоже, я ничего не могла теперь делать быстро – ни двигаться, ни думать. Медленно проступило воспоминание: я упала с лошади и сильно ударилась. Может, я ударилась головой? Может, в этом все дело?

Мои невидящие глаза уставились на горящую конюшню, зрение прояснилось. К конюшне шли двое мужчин. На них была одежда цветов Ивового Леса, желтого и зеленого. Значит, они из поместья. На них праздничные наряды. Одного я узнала – Лин, наш пастух. Мужчины что-то тащили вдвоем. Что-то тяжелое, сочащееся. Мертвое тело. Снег вокруг конюшен растаял, и они побрели, увязая в грязи. Ближе и ближе. Они что, так и войдут прямо в огонь? Но они остановились.

– Раз, два, три! – хрипло скомандовал Лин.

И они, качнув пару раз, на счет «три» бросили тело в пламя. Потом, словно марионетки, повернулись и пошли прочь от горящего здания.

Так вот зачем подожгли конюшню? Чтобы избавиться от трупов? Жаркий костер позволяет надежно спрятать следы убийства. Меня научил этому отец.

– Папа? – прошептала я.

Где он? Придет ли он, чтобы спасти меня? Сможет ли он выручить наших людей? Нет. Он бросил меня и отправился в Олений замок, чтобы попытаться спасти старого слепого нищего. Он не придет спасти меня и наших людей. Никто не придет.

– Я не настолько глупая, – тихонько проговорила я.

Слова будто сами собой сорвались с моих губ. Словно какая-то часть меня силилась достучаться, разбудить сонное, отупелое создание, в которое я превратилась. Я испуганно огляделась – не слышал ли кто моих слов? Нельзя, чтобы слышали. Потому что... если услышат... они поймут. Что поймут?

– Что они больше не управляют мной.

Эти слова я прошептала едва слышно. Я снова становилась собой, восстанавливала себя по частям. Тихо-тихо замерев в своем теплом гнезде, я собиралась с мыслями и силами. Нельзя выдать себя до тех пор, пока я не смогу действовать. Гора меховых и шерстяных одеял в санях была из нашего дома. А вот тяжелая белая шуба мягкого и длинного меха была не отсюда. От нее пахло по-чужеземному, и зверей таких у нас не водилось. На голове у меня была шапочка под стать шубе. Я вытащила руки в рукавицах из-под одеял. Меня везли, как похищенное сокровище. Это меня они хотели украсть. Меня, и почти ничего больше. Если бы они явились за добычей, рассуждала я, перед домом уже стояли бы все наши телеги и подводы, груженные добром из особняка. Но ни одной телеги рядом не было, чужаки даже не увели наших верховых лошадей. Им нужна была только я. Они убили Ревела из-за меня.

Так как же они поступят с остальными?

Я подняла глаза. Силуэты людей, согнанных в кучу, вырисовывались на фоне костров. Пленники стояли посреди метели, как скот в загоне. Некоторых поддерживали те, кто стоял рядом. Боль и ужас исказили лица до неузнаваемости. В кострах горела прекрасная мебель Ивового Леса. Чужаки разожгли их не чтобы согреть людей, а чтобы осветить ночь и не дать пленникам разбежаться. Большинство захватчиков были верхом. И лошади, и седла были чужеземные. Я раньше никогда не видела седел с такой высокой задней лукой. Преодолевая оцепенение, я попыталась сосчитать врагов – оказалось, их немного, всего около десятка. Но они были вояками, грубыми и безжалостными. Большинство – блондины с желтоватыми волосами и белыми бородами. Высокие и крепкие. Некоторые расхаживали, обнажив мечи. Убийцы, солдаты, явившиеся сюда по приказу. А волосы у них светлые, как у меня. Вот громила, который нагнал меня и поволок, едва не задушив, обратно к дому. Он стоит нос к носу с толстушкой, которая тогда накричала на него и заставила отпустить меня. А рядом с ними, если очень присмотреться... Да, это он. Туманный человек.

Я уже видела его сегодня.

Он был на ярмарке в Дубах-у-воды. Он был там и окутывал туманом весь городок. Люди шли мимо, будто не замечая его. Он стоял в переулке, и прохожие не сворачивали туда. А что было у него за спиной? Враги? Нет, я ничего не смогла тогда разглядеть, я и его-то едва различала. И сейчас тоже видела с трудом. Он стоял рядом с женщиной.

Туманный человек чем-то занят. Дело дается ему нелегко. Так нелегко, что ему пришлось ослабить свои чары вокруг меня. Поэтому я смогла изгнать его разум из своего. С каждой минутой мои мысли все больше прояснялись. Тело начинало слушаться. Я снова ощутила боль от свежих ушибов. Голова тоже заныла. Нашупав языком то место, где прикусила щеку, я разбредила ранку, чтобы почувствовать вкус крови. И сразу же вновь стала собой.

«Сделай что-нибудь! Расселась тут в тепле, пока сжигают трупы твоих друзей, а выжившие жители Ивового Леса дрожат под снегом!» Я чувствовала, что пленники ничего не могут поделать, их разум окутан туманом точно так же, как еще недавно был окутан мой. Возможно,

я сама смогла прийти в себя лишь потому, что долгие годы противостояла давлению отцовских мыслей, и это вошло у меня в привычку. А люди стояли посреди всего этого ужаса, сбившись в кучу, словно овцы, заблудившиеся в метели. Чувствовали, что дело плохо, но все равно не пытались ничего сделать. Только стонали и мычали, как стадо на бойне. Снова пришли Лин и его напарник. Явились откуда-то из темноты, неся очередное мертвое тело. С каменными лицами они тяжело ступали вперед. Выполняли приказ. Должно быть, им велели не задумываться о том, что это за приказ.

Я присмотрелась к туманному человеку. Оказалось, это скорее туманный юноша или даже мальчишка. Черты его круглого лица выглядели чуть несформировавшимися, подбородок был по-детски вялым, тело – полным и дряблым, непривычным к работе. Зато, наверное, про его разум такого не скажешь, подумалось мне. Юноша сосредоточенно морщил лоб. «Солдаты, – вдруг поняла я. – Вот на кого он бросил все силы». Оставил в покое слуг из Ивового Леса, решив, что хватит и уже наведенного тумана. Сейчас он заставлял солдат стоять тихо и слушать убедительную речь женщины. Туман окутывал старика на черном коне.

Старик держал в руке меч, и с острия его, направленного в землю, сочилась тьма. Туман выглядел почти зримой дымчатой завесой. А потом я поняла, что сквозь завесу плохо видно. Она отражала свет, и старик был окружен красноватым ореолом от огня. Его морщинистое лицо внушало ужас. Казалось, его черты расплавились и потекли, да так и застыли. Кости, выступающие сквозь кожу. Бледные глаза... От него исходило ощущение злобы и ненависти ко всем, кто имел неосторожность быть менее несчастным, чем он. Я нащупала стены своего разума и проделала крохотную щелку, чтобы сквозь нее посмотреть, *что* туманный человек насылает на старика. Оказалось, тот окутывал старого вояку ощущением самодовольства. Все хорошо. Дело сделано. Старика за это вознаградят, вознаградят даже лучше, чем он ожидал. Все узнают, что это его заслуга. Они услышат о его свершении и сохраняют его в памяти. Они пожалеют о том, как с ним обращались. Будут падать перед ним на колени и молить о пощаде.

А теперь? Теперь ему и его людям пора взять то, за чем они пришли, и отправляться домой, а не увлекаться грабежами и насилием. Если они задержатся, все только усложнится. Будут новые схватки, новые смерти... Нет! – туман внезапно переменялся. *Не подбрасывай ему эту мысль.* Вместо этого туман наполнился ощущением темноты, холода и усталости. Меч в руке старика налился тяжестью. Доспехи грузом легли на плечи. Они нашли то, за чем пришли. Чем скорее они вернутся в Калсиду, тем раньше он очутится в теплых землях и обретет свою награду. Тем раньше он сможет взглянуть свысока, восседая в седле, на людишек, которые смели оскорблять его.

– Сожжем здесь все. Убьем всех и сожжем, – предложил один из его людей.

Он был верхом на гнедой лошади. И улыбался, выставя напоказ крепкие белые зубы. Его светлые волосы были заплетены в две длинные косы, чтобы не падали на лицо. Широкий лоб, волевой подбородок... красавец, да и только. Он направил лошадь на жмущихся друг к другу пленников, и толпа раздалась перед ним, как масло под горячим ножом. В центре толпы он развернулся и крикнул старику:

– Военачальник Эллик! Почему бы нам не разнести тут все в щепки?

В ночи раздался ясный голос полнозвучной женщины:

– Нет. Нет, Хоген, это было бы неразумно. Не стоит рубить сплеча. Слушайся своего командира. Эллик знает, что делать. Сожгите конюшню и трупы. А об остальном позаботится Виндлайер. Лучше мы отправимся домой в уверенности, что никто нас тут не вспомнит и не станет преследовать. Мы получили то, за чем пришли. Теперь пора уходить. Если не надо будет беспокоиться о погоне, мы сможем быстрее вернуться в теплые края.

Я с трудом выбралась из-под груды одеял и тряпья. Оказалось, кто-то снял с меня башмаки и я осталась в одних носках. Поискать обувь? Но так можно упустить возможность бежать... Тяжелый балахон из белого меха доходил мне ниже колен. Подобрал его, я отползла

к краю саней и перевалилась через бортик. Колени подогнулись, я рухнула лицом в снег. Придерживаясь за край саней, мне удалось встать. Все тело болело, но дело было даже не в этом – я как будто не могла докричаться до своих мышц. Несколько драгоценных мгновений ушло на то, чтобы заставить ноги двигаться. Наконец я почувствовала, что смогу идти и не упаду при первом же шаге.

Тогда я встала. Да, идти я могла. Но что с того? В эту минуту я как никогда сильно пожалела, что уродилась такой крошечной. Однако будь я даже статным воином на могучем боевом коне, много ли я могла поделать против большого вооруженного отряда?

Тут я поняла, что на самом деле все еще хуже, и меня затошнило от собственной беспомощности. Даже армия не смогла бы исправить то, что уже произошло. Ничто и никто не вернет управляющего Ревела, не сделает так, чтобы кровь Фитца Виджиланта, запятнавшая снег, вновь заструилась в его жилах, не восстановит из пепла конюшню. Пусть я еще жива, но я – всего лишь уцелевший осколок разбитой жизни. От всех нас остались одни лишь осколки. Никто из нас больше не будет прежним.

Что же делать? Холод пробирает до костей. Можно забраться обратно в сани, зарыться в одеяла и отдаться на милость судьбы. Можно убежать в темноту и попытаться отыскать Персивиранса и плащ. Можно кинуться к пленникам, но тогда меня снова поймают и погрузят в сани. Интересно, хватит ли у меня духу броситься в пылающую конюшню, чтобы сгореть? Это очень больно?

Загнанный в ловушку волк будет драться. Даже волчонок.

Мысль пронеслась у меня в голове и вдруг обледенела и разлетелась вдребезги от пронзительного протяжного крика. Я сама удивилась тому, что узнала голос. Кричала Шун. Прячась за санями, я выглянула из-за бортика. Воин, который недавно бросал вызов толстушке, схватил за волосы Шун.

– Мы уедем, – любезно согласился он. – Но сперва я потешусь. Мне причитается награда.

Он дернул Шун так, что ей пришлось встать на цыпочки. Она визжала, как поросенок. В иных обстоятельствах это было бы очень смешно. Обеими руками она вцепилась себе в волосы, чтобы чужак не вырвал их с корнем. Платье ее было разорвано на груди. Оно было алое, как кровь, это платье, расшитое кружевом в виде снежинок. Чужак снова потрянул ее, без всякой жалости.

– Вот этой. Эта кошечка пыталась пырнуть меня ножом. В ней и сейчас еще остался задор. Я до сих пор ее не опробовал. В таких делах я спешки не люблю.

Он слез с коня, не выпуская волос Шун. Она попыталась вырваться, но он просто перехватил волосы у самого ее затылка. Чужак был выше ее, и сколько Шун ни размахивала кулаками, она не могла до него дотянуться. Мужчины из Ивового Леса просто стояли и смотрели. На лицах у них застыло оупение, челюсти вяло отвисли. Никто не двинулся, чтобы помочь ей. Фитц Виджилант попытался бы спасти ее. Но я знала, что он лежит на снегу, залитом кровью. Шун тщетно пыталась сопротивляться, такая же беспомощная, какой была бы я на ее месте.

Красавчик засмеялся и крикнул, перекрывая ее вопли:

– Я позабочусь о ней и догоню вас. Еще до утра.

Остальные конники оживились, взламывая равнодушие, которое напустил на них туманный человек. Их глаза были прикованы к трепыхающейся жертве – так охотничьи псы смотрят, как хозяин обдирает последний кусок мяса с кости.

Толстушка с требовательным отчаянием посмотрела на туманного человека – Виндлайера. Он вытянул губы, получилось похоже на утиный клюв. Даже я, стоя в отдалении, никем не замеченная, ощутила его удушающую хватку. Мои мысли расплылись, потеряли очертания, словно свеча, поднесенная слишком близко к огню. Я вроде бы собиралась что-то сделать, но это подождет. Лень связываться. Столько лишней мороки... День выдался трудный, я устала. Вокруг темно и холодно. Надо бы найти тихое убежище и отдохнуть. Отдохнуть.

Я повернулась к саням и ухватила за борт, чтобы забраться внутрь. Руки в огромных меховых рукавицах соскользнули, и я сильно ударила лбом о доски бортика.

Проснись! Сражайся. Или беги. Но только не засыпай. Волк-Отец тряхнул меня, как пойманного зайца, возвращая ясность мысли. Я передернулась и пришла в себя. *Оттолкни его чары. Оттолкни прочь от себя. Но тихонько. Нельзя, чтобы он заметил, что ты сопротивляешься.*

Легко сказать... Туман, липкий, как паутина, опутывал меня, приглушал звуки и затуманивал зрение. Подняв голову, я посмотрела вверх саней. Виндлайер крепко держал солдат. Не то чтобы он принуждал их. Просто повернул мысли так, что отдых и сон стали казаться более заманчивыми, чем любые действия. Даже пленники почувствовали эти чары. Некоторые безвольно повалились на снег прямо там, где стояли.

Шун перестала отбиваться, однако туман не одурманил ее. Зло оскалившись, она смотрела на чужака. Хоген посмотрел на нее в ответ, встряхнул и ударил раскрытой ладонью. Она уставилась на него с ненавистью, однако не шелохнулась, понимая, что ее попытки сопротивляться только забавляют его. Он засмеялся, жестоко и громко. Схватил за горло и резко дернул назад. Шун упала навзничь, юбки разметались по снегу, словно лепестки розы. Туманный человек, несмотря на все усилия, ничего не мог поделать с насильником. Хоген наступил на юбки Шун, чтобы она не могла встать, и стал расстегивать свой ремень.

Его командир, сидя в седле, равнодушно смотрел на насильника. Военачальник громко заговорил, чтобы его люди слышали. Голос его был старческим и дребезжащим, но это не имело значения. Он знал – его послушаются.

– Заканчивай здесь. Потом брось тела в огонь и догоняй нас. Мы уезжаем. – Он встретился с красавчиком глазами. – Не задерживайся, Хоген.

Он развернул лошадь и вскинул руку. Его конники последовали за ним, не оборачиваясь. Из темноты появились еще воины, некоторые на лошадях, другие пешие. Их было больше, чем я думала. Толстушка и Виндлайер огляделись по сторонам. Тут-то я и поняла, что они здесь были не одни такие. Их спутники оставались незамеченными для меня, как Виндлайер и хотел.

Они были в белом. Так мне показалось вначале. Но когда они миновали круг света от пожара и выстроились вокруг толстушки и Виндлайера, я разглядела, что их одежды были желтыми и цвета слоновой кости. Все были одеты одинаково, в облегающие куртки и стеганные штаны, словно в странного вида ливреи. Шапки тоже были одинаковые, вязаные, закрывающие уши. Сзади имелся отворот, который можно было обернуть вокруг шеи, как шарф. Никогда прежде не видела таких шапок. И на лицо эти люди были похожие, словно все приходились друг другу братьями и сестрами, – белая кожа, светлые волосы, круглые подбородки, розовые губы. Я не могла понять, мужчины это или женщины. Они двигались, словно онемев от изнеможения, уголки их губ были опущены. Им пришлось пройти мимо красавчика – он все еще сражался с заскорузлым от холода ремнем, нависая над Шун. Бледные люди косились на Шун с жалостью, но без милосердия.

Когда они все собрались вокруг толстушки, она обратилась к ним:

– Мне жаль, что так вышло, небелы. Я не меньше вашего хотела бы этого избежать. Но вы не хуже меня знаете: начатое следует доводить до конца. Было предсказано, что подобное может случиться, однако не удалось ясно провидеть картину будущего, где мы бы нашли мальчика без всего этого. Поэтому сегодня нам пришлось выбрать путь, пусть и кровавый, но ведущий к цели. Мы нашли того, кого искали. А теперь нужно отвезти его домой.

Их юношеские лица окаменели от ужаса. Один спросил:

– А что будет с остальными? С теми, кто еще жив?

– Не бойтесь за них, – утешила толстушка своих последователей. – Для них самое худшее уже позади, а Виндлайер почистит их разум. В их памяти не сохранится почти ничего из случившегося этой ночью. Они сами придумают, откуда взялись их ушибы и раны, но забудут

истинную причину. Соберитесь, пока он работает. Киндрел, приведи лошадей. Сула и Реппин пусть помогут тебе. Алария, ты будешь править саниями. Я запредельно устала, а мне еще надо позаботиться о Виндлайере, когда все будет кончено.

Я заметила, как от толпы пленников отделились пастух Лин и его напарник. Они несли очередное тело. На лицах их ничего не отражалось, словно они волокли мешок зерна. Тем временем красавчик упал на колени. Он уже расстегнул штаны и теперь задирает нарядные красные юбки Шун.

Может, она нарочно выжидала этого момента? Как бы там ни было, она с отчаянной силой попыталась лягнуть насильника ногой в лицо. Удар пришелся ему в грудь. С губ Шун сорвался низкий бессловесный вопль, она перекатилась на бок и попыталась вскочить, но красавчик ухватил ее за ногу и дернул обратно. Он громко засмеялся – ему нравилось, что жертва пытается драться, ведь она непременно проиграет, а он победит. Шун схватила его за одну из кос и рванула. Он хлестнул Шун ладонью, и она замерла на миг, оглушенная ударом.

Мне никогда не нравилась Шун. Но она была моим человеком. Как был, а теперь уже никогда не будет, Ревел. Как Фитц Виджилант. Они оба умерли, защищая меня, пытаясь не дать чужакам похитить меня. Пусть даже сами этого не знали. А я знала, знала совершенно точно, что насильник сделает с Шун, после того, как вдоволь натешится, причиняя ей боль и унижения. Он убьет ее, и пастух Лин с помощником бросят ее тело в огонь.

Совсем как мы с отцом сожгли тело посланницы.

Я сдвинулась с места. Я побежала – так быстро, как только может бежать крохотный человечек в мокрых носках, быстро покрывающихся коркой льда, и длинной, тяжелой шубе. То есть на самом деле я с трудом перебиралась через низкий мокрый сугроб. Это было все равно что бежать в мешке.

– Прекрати! – кричала я. – Перестань!

Но рев пламени, бормотания и стоны пленников и отчаянные вопли Шун заглушали мои слова.

И все же она меня услышала, та маленькая полная женщина. Она обернулась ко мне. А туманный человек по-прежнему смотрел на толпу пленников, продолжая плести свои чары. Красавчик-насильник был ко мне ближе, чем толстушка и ее спутники. Я бежала к нему, крича без слов, и крики мои странным образом были созвучны воплям Шун. Он уже разорвал ее нарядный корсаж, подставив грудь девушки холоду и снегу. Теперь насильник пытался стащить с нее красные юбки, но ему приходилось делать это одной рукой, второй защищаясь от ее попыток ударить или расцарапать ему лицо. Несмотря на все усилия, я бежала не слишком быстро, но я налетела на него, выставив руки, и толкнула со всей силой, какую смогла собрать.

Он негромко крикнул, повернулся и отвесил мне затрепину. Вряд ли он вложил в этот удар все силы – большая часть усилий уходила у него на то, чтобы удерживать Шун. Однако мне многого и не требовалось. Меня отбросило назад, в глубокий сугроб. Ударом мне вышибло воздух из легких, но я чувствовала скорее негодование, чем боль. Он оскорбил меня. Хватая воздух ртом и кашляя, я ворочалась в снегу, пока наконец не сумела встать на четвереньки. Преодолевая боль в груди, я вдохнула побольше воздуха и выкрикнула слова, которые мне самой казались почти бессмыслицей, но ничего более угрожающего я придумать не могла:

– Не трожь ее, или я убью себя!

Насильник и ухом не повел, зато со стороны спутников полной женщины раздались возмущенные крики. Она громко обратилась к ним на незнакомом мне языке, и бледнолицые чужаки вдруг толпой бросились к нам. Трое схватили меня, поставили на ноги и принялись отряхивать снег так усердно, словно выбивали ковер от пыли. Оттолкнув их, я поковыляла к Шун. Мне не было видно, что с ней, все заслонили дерущиеся. Вырываясь из рук своих помощников, я кричала:

– Шун! Спасайте Шун, а не меня! Шун!

Дерущаяся куча-мала пронеслась по Шун и откатилась дальше. Бледные не очень-то умели сражаться, зато их было много, а насильник один. Из кучи то и дело раздавались звучные удары кулаков и крики боли, и после один из спутников толстушки выбирался из драки, зажимая разбитый нос или прижимая руки к животу. Но они навалились на красавчика все вместе, прижали к заснеженной земле, не давая встать.

Кто-то крикнул:

– Осторожно! Он кусается! – И куча-мала на насильнике тревожно зашевелилась.

А пока они сражались, я брела по глубокому снегу вперед, падая и поднимаясь снова. Наконец я выбралась на утоптаный снег и упала на колени возле распростертой на нем Шун.

– Живи, – всхлипывала я. – Живи...

Но нет. Я не чувствовала в ней ничего. И лишь когда я коснулась ее щеки, блестящие глаза Шун моргнули. Она посмотрела на меня, не узнавая, и стала вскрикивать, коротко и резко, как испуганная наседка.

– Шун! Не бойся! С тобой все будет хорошо! Я буду защищать тебя!

Я и сама слышала, как нелепо звучат мои заверения. Я попыталась прикрыть ей грудь, взялась за обрывки корсажа, украшенного кружевом, и снег с моих меховых рукавиц посыпался на ее голую кожу. Шун вскрикнула и резко села, прикрывая грудь остатками корсажа. Она опустила взгляд на разорванную ткань и сказала убитым голосом:

– Это было самое лучшее и дорогое платье. Самое красивое.

Она расплакалась. Плечи ее содрогались от ужасных рыданий, но глаза оставались сухими.

– Оно и сейчас самое красивое, – утешала я ее. – И ты тоже.

Я хотела погладить ее, чтобы успокоить, но спохватилась, что меховые рукавицы до сих пор облеплены снегом, и попыталась снять их. Не тут-то было – они оказались пристегнуты к рукавам шубы.

Позади нас толстуха говорила с поверженным насильником:

– Нет, ты ее не получишь. Ты слышал, что сказал шейзим. Он ценит ее жизнь выше своей. Ее нельзя трогать, иначе он навредит себе.

Обернувшись к ним, я увидела, что толстуха расталкивает своих подопечных и те постепенно встают и отходят, высвобождая насильника. Тот в ответ только ругался. Язык был мне незнаком, но я и так чувствовала его злость. Красавчик встал на ноги, и бледные попятнулись от него, сошли с утоптанной площадки и увязли в снегу. У двух из них были в кровь разбиты носы. Насильник сплюнул в снег, снова выругался и размашистым шагом ушел в темноту. Я услышала, как он зло прикрикнул на кого-то, потом тяжело топнула испуганная лошадь – и застучали копыта, как будто он бросил коня с места в галоп.

Я отчаялась стащить рукавицы и опустилась на корточки рядом с Шун. Мне хотелось поговорить с ней, но я не знала, что сказать. Не лгать же снова, что теперь все будет хорошо. Ни с кем из нас уже не будет все хорошо. Она съежилась в комочек, стараясь сделаться как можно меньше – подтянула колени к груди и низко опустила голову.

– Шейзим. – Полная женщина присела на корточки напротив меня. Я старалась не смотреть на нее. – Шейзим, – повторила она, коснувшись меня. – Эта женщина важна для тебя, да? Ты видел ее? Видел, как она делала нечто важное? Она нужна тебе, без нее никак? – Она положила руку на шею Шун – словно собаке на заговор. Шун съежилась еще больше, пытаясь избежать прикосновения. – Тебе нужно, чтобы она всегда была рядом, да?

Мой разум впитал слова, как до этого снег впитал кровь Фитца Виджиланта. Слова проникали в меня, оставляя пустоты. От моего ответа зависело очень многое. Чего ждет от меня эта женщина? Что мне сказать, чтобы она оставила Шун в живых?

Я по-прежнему не смотрела на нее.

– Шун нужна мне. И важна. – Я обвела рукой пленников и сердито крикнула: – Они все мне нужны! Все важны!

– Ну конечно. – Она говорила со мной ласково, будто с маленьким ребенком.

Тут я вдруг поняла, что, возможно, эта женщина думает, будто я куда младше, чем на самом деле. Можно ли это как-то обернуть нам на пользу?

Пока я лихорадочно строила планы, женщина продолжала:

– Все нужны. И все важны. Но некоторые люди важны особенно. Они создают перемены. Большие перемены. Или маленькие перемены, которые потом повлекут за собой большие. Если знать, как приложить их к делу. – Она присела еще больше, так что ее лицо оказалось ниже моего, и посмотрела мне в глаза снизу вверх. – Ты ведь понимаешь, о чем я, да, шейзим? Ты видел пути и людей на перекрестках, правда?

Я отвернулась. Она взяла меня за подбородок и заставила посмотреть ей в лицо, но я упрямо опустила взгляд, уставившись на ее губы. Она не заставит меня смотреть ей в глаза.

– Шейзим, – произнесла она с мягким упреком. – Посмотри на меня. Скажи, эта женщина важна? По-настоящему важна?

Я понимала, что она имеет в виду. Я увидела это мельком, когда нищий на ярмарке коснулся меня. Бывают люди, подталкивающие перемены. Все люди меняют ход событий, но есть такие, кто, словно огромный валун, перекрывает течение и направляет реку судьбы в новое русло.

Не зная, правда это или ложь, я сказала:

– Она важна. Она очень для меня важна. – И что-то – то ли озарение, то ли хитрость – заставило меня добавить: – Без нее мне не дожить и до десяти лет.

Полная женщина негромко ахнула от испуга.

– Мы возьмем ее с собой! – крикнула она своим приспешникам. – Обращайтесь с ней бережно! Исцелите все ее раны, утешьте ее горе! Смотрите в оба, небелы! Ее жизнь нужно сохранить любой ценой. Нельзя подпускать к ней Хогена – а после того, как сегодня мы сорвали его планы, он возжелает ее сильнее. Он станет упорно добиваться своего, а мы станем противостоять ему с еще большим упорством. Надо поискать в свитках, чем его можно остановить. Кардеф и Реппин, сегодня же вечером поговорите с запоминателями, может, они сумеют подсказать что-то, потому что мне ничего подходящего на ум не идет.

– Позволь сказать, Двалия. – То ли юноша, то ли девушка в сером одеянии склонился перед толстушкой, замерев в этой позе.

– Говори, Кардеф.

Кардеф выпрямился – или выпрямилась:

– Шейзим зовет ее «Шун». В его языке это слово означает «избегать» или «остерегаться опасности». Во многих сновидческих рукописях нас многократно предупреждают не бросать важного в огонь. Если же перевести эти предупреждения на язык шейзима, разве не получится не «Шун огня», но «Шун не в огонь»?

– Кардеф, ты притягиваешь объяснения. Так можно только навредить пророчествам. Остерегайся, остерегайся искажать слова древних, в особенности так грубо, только чтобы блеснуть знаниями перед своими товарищами.

– Лингстра Двалия, я...

– Неужели похоже, что у меня есть время стоять тут и спорить с тобой? Нам нужно покинуть это место до наступления ночи. С каждым мигмом промедления растет опасность, что кто-нибудь заметит пламя и явится посмотреть, что произошло. Тогда Виндлайеру придется распределить свое влияние еще шире, и оно ослабеет. Слушайте же и делайте, как я говорю. Усадите шейзима и эту женщину в сани. Сами садитесь на лошадей, но прежде двое из вас пусть помогут Виндлайеру забраться в повозку, он почти обессилел. Мы должны выдвигаться сейчас же.

Раздав указания, она повернулась и сверху вниз посмотрела на меня, по-прежнему сидящую на корточках рядом с Шун.

– Что ж, малыш-шейзим, вот все твои желания и исполнены. А теперь пора садиться отправляться в путь.

– Я не хочу уезжать.

– Однако же ты поедешь с нами. Мы все знаем, что ты поедешь. Ты и сам знаешь. Из этого мгновения, как сказано в хрониках, есть только два пути: на одном ты отправляешься с нами, на другом – умираешь здесь и сейчас. – Женщина говорила со спокойной уверенностью, словно утверждала, что дождя не будет, если небо безоблачно. Она ни на миг не усомнилась в своей правоте, я слышала это по ее голосу.

Однажды мой названный брат Нед долго развлекал меня тем, что касался струн и давал послушать звуки, которые еще долго отдавались в корпусе его лютни. Теперь я испытала нечто подобное – слова женщины пробудили созвучие внутри меня. Она говорила правду, потому-то они все так испугались, когда я пригрозила своей смертью. Сейчас я либо поеду с ними, либо умру. Любые события, которые могли бы повернуть судьбу иначе, с этого мгновения слишком далеки, слишком нереальны, чтобы надеяться на них. И я знала это. Возможно, знала с той самой минуты, как проснулась сегодня утром... Тут я сморгнула и по спине у меня пробежал холодок: происходит ли это все сейчас на самом деле, или я всего лишь вспоминаю сон?

Чьи-то руки выдернули меня из глубокого снега. Вокруг заохали, обнаружив, что мои промокшие носочки покрылись коркой льда. Тот, кто нес меня, говорил что-то успокаивающее, но я не понимала его. Приподняв голову, я увидела, что еще четверо несут Шун. Не то чтобы она была такой тяжелой, что двоим не поднять, просто, когда ее несли, она странно подергивалась, словно ее руки и ноги жили собственной жизнью.

Женщина по имени Двалия уже прошла к саням и стала заново обустраивать гнездо из мехов и одеял. Меня передали ей с рук на руки, и она прижала меня спиной к своему животу, обхватив коленями и обняв за плечи. Мне было неприятно находиться так близко к ней, но я оказалась зажата со всех сторон и не могла двинуться. Шун погрузили в сани, как тюк сена, и навалили сверху одеяла. Как только чужие руки выпустили ее, она перестала дергаться и затихла. Подол разорванной юбки свешивался через борт саней. Казалось, красный язык высунулся наружу и дразнит кого-то.

Кто-то прикрикнул на лошадей, и сани тронулись. Я сидела лицом против движения, поэтому не видела лошадей, только слышала глухой стук копыт по снегу, скрип широких деревянных полозьев и треск пламени, уже почти пожравшего конюшню. Люди Ивового Леса, мои люди, начали заходить обратно в дом. На нас они не смотрели. Мы выехали из круга света от пожара и двинулись по длинной подъездной дороге, ведущей прочь из поместья. Фонари у передка саней раскачивались, пятна света от них плясали, пока мы ехали под сенью заснеженных берез.

Тут туманный человек заговорил, и я поняла, что он тоже с нами в санях.

– Ну вот, дело сделано, – заявил он и протяжно, с удовлетворением вздохнул. Ну точно, мальчишка, убедилась я. И совсем уж мальчишеским голосом добавил: – Наконец-то домой, прочь от этого холода. И прочь от убийства. Лингстра Двалия, я не думал, что прольется так много крови.

Я почувствовала, как женщина позади меня обернулась к нему, сидевшему на облучке рядом с возницей. Она заговорила вполголоса, словно боялась разбудить меня. Но я не спала. Я не осмеливалась нырнуть в сон.

– У нас не было цели убивать кого-то. Однако и возможности обойтись вовсе без крови считай что не было. Приходится использовать те орудия, которые оказываются под рукой, а Эллик полон сожалений и ненависти. Он надеялся в преклонном возрасте почивать на лаврах в богатстве и довольстве, а ему выпала иная судьба. Он лишился и высокого поста, и богатства, и

всего, чем мог бы утешиться. И винит в этом весь мир. Он хочет за несколько лет восстановить то, что строил всю жизнь. И потому всегда ведет себя более грубо, жестоко и безжалостно, чем нужно. Он опасен, Виндлайер. Помни об этом. И особенно опасен он для тебя.

– Я не боюсь его, лингстра Двалия.

– И напрасно. – В ее словах прозвучали разом и предостережение, и упрек.

Двалия натянула на нас побольше одеял. Ее прикосновения были мне отвратительны, но я чувствовала себя слишком опустошенной, чтобы воспротивиться и отстраниться. Сани мчались вперед. Я смотрела на наш лес, проносящийся мимо. У меня не хватило духу даже попрощаться со своей землей. Надежды нет. Отец никогда не узнает, кто и куда увез меня. Мои собственные слуги выдали меня захватчикам: стояли и смотрели, как меня похищают, а потом повернулись и пошли в дом. Никто не крикнул, что не позволит забрать меня. Никто не попытался отвоевать меня у чужаков. Что же, я всегда была для них чужой и странной. Они с легким сердцем согласились пожертвовать мной, лишь бы чужаки убрались восвояси, никого больше не убив. И правильно. Хорошо, что никто не стал драться за меня. Жаль, не нашлось способа спасти Шун так, чтобы ее не увезли вместе со мной.

Краем глаза я заметила какое-то движение. В свете раскачивающихся фонарей на санях ветки берез по краям дороги отбрасывали тени, похожие на кованое кружево ворот. Но движение, которое привлекло мое внимание, не было игрой теней. Чья-то черная от крови рука держалась за белый древесный ствол. Бледное лицо с блестящими глазами было обращено ко мне. Я не повернула головы, не вскрикнула, не сбилась с дыхания. Ничем не выдала Персивиранса, который, кутаясь в плащ Элдерлингов, смотрел мне вслед.

Глава 4. Рассказ Шута

Когда попряталось зверье
В лесу, трещит мороз,
Певец стремится к очагу
Согреть озябший нос.

Но по долинам и холмам,
Куда честней людей,
Скользят охотники в снегах,
Пар валит из пастей.

Ведь на охоте завтра нет,
Как жертва ни кружи, —
Кровь хлещет черная на снег,
И смерть питает жизнь.

Нед Счастливого Сердце, «Песня для Ночного Волка и его друга»²

Лестница казалась круче, чем я помнил. Добравшись до своей старой спальни, я вошел со всеми предосторожностями опытного убийцы. Заперев за собой дверь, я подбросил в камин дров и на минуту чуть не поддался искушению завалиться спать. Потом потянул за шнурок, полностью задернув шторы, и осмотрел, как они крепятся к карнизу. Ну точно! Я наконец разглядел то, чего не замечал столько лет. Когда я потянул за шнурок еще раз, не раздалось ни шороха, ни скрипа, — механизм, отпирающий потайную дверь, сработал беззвучно. Только когда я толкнул ее, дверь распахнулась, открыв узкую темную лестницу.

Я взобрался наверх, слегка споткнувшись, когда зацепился остроносой туфлей за ступеньку. Очутившись в старой комнате Чейда, я понял, что Эш успел побывать здесь. Грязные тарелки исчезли, в очаге тихо попыхивал новый котелок. Шут лежал в той же позе, что и днем, и я в тревоге бросился к нему.

— Шут? — ласково окликнул я, склонившись, и вдруг он с криком сел и в панике взмахнул руками, мазнув меня по щеке, а потом заслонился ими.

— Прекратите! Не мучьте меня больше!

— Это я, Фитц. — Я старался говорить спокойно, не выдавая боль, сдавившую мое сердце.

Шут, Шут... Оправишься ли ты когда-нибудь от того, что тебе довелось пережить?

— Прости, — сказал он, тяжело дыша. — Прости меня, Фитц. Когда я был у них... Меня никогда не будили по-доброму. Я стал так бояться сна, что кусал себя, лишь бы не заснуть. Но рано или поздно сон одолевает любого. И когда я засыпал, меня будили, порой всего через несколько мгновений. Маленьким зазубренным клинком. Или раскаленной кочергой. — Гримасу, исказившую его лицо, с трудом можно было назвать улыбкой. — С тех пор я ненавижу запах дыма. — Он снова откинулся на подушку.

Ненависть волной накрыла меня — и отхлынула, оставив лишь пустоту. Я не мог отменить того, что с ним сделали.

Спустя какое-то время Шут повернул голову ко мне и спросил:

— Сейчас день?

² Перевод Анастасии Кузнецовой.

Во рту у меня было сухо, в голове – пусто. Я откашлялся, прежде чем сумел ответить:

– Сейчас или очень поздно, или совсем рано – как посмотреть. В прошлый раз мы с тобой разговаривали вскоре после полудня. Ты что, так и спал, пока меня не было?

– Точно не знаю. Порой мне бывает трудно понять. Дай мне немного времени, чтобы прийти в себя, пожалуйста.

– Ну конечно.

Я удалился на другой конец комнаты и устроился там, старательно не обращая внимания на то, как он неуклюже встает и ощупью ковыляет в уборную. Выйдя оттуда, он спросил, не найдется ли тут воды, чтобы умыться.

– На столике у твоей кровати есть кувшин и тазик. Но если хочешь, я могу согреть тебе воды.

– О, горячая вода... – протянул он таким тоном, будто я предложил ему золотые горы.

– Сейчас, – сказал я и занялся делом.

Шут тем временем устроился в кресле у очага. Я только диву давался, как быстро он освоился в комнате. Когда я принес теплой воды и полотенце, Шут сразу протянул руки. Должно быть, он отслеживал, что я делаю, на слух, потому и молчал все это время. Я наблюдал, как он умывается, ополаскивает исполованное шрамами лицо, долго трет глаза, пытаюсь смыть с век вязкую слизь... У меня было такое чувство, будто я подглядываю за ним. После умывания веки Шута стали чистыми, но красными по краям.

Я спросил без обиняков:

– Что они сделали с твоими глазами?

Шут отложил полотенце в таз и, сложив перед собой искалеченные руки, стал гладить опухшие суставы. Он молчал, а я тем временем убрал таз со стола. Ясно. Значит, еще рано начинать этот разговор.

– Есть хочешь?

– Разве пора ужинать? Или завтракать?

– Если ты голоден, значит пора. Я-то уже наелся до отвала. И возможно, выпил больше, чем следовало.

Его следующие слова потрясли меня.

– У тебя правда есть еще одна дочь, кроме Неттл?

– Да. – Я опустился в кресло и снял с ноги туфлю. – Ее зовут Би. Ей девять лет.

– Правда?

– Ну зачем мне тебе лгать, Шут?

Он промолчал. Я расстегнул и снял вторую туфлю, после чего с наслаждением поставил босую ногу на пол. Левую лодыжку вдруг свело судорогой, я вскрикнул и спешно стал растирать ее.

– Что случилось? – встревоженно спросил Шут.

– Да всё эти дурацкие туфли, которые мне любезно подсунул Чейд. На высоких каблуках и с загнутыми сверху длинными носами. Ты бы со смеху умер, если б увидел. А еще к ним прилагается камзол длиной до колена, весь в пуговках в виде голубых цветочков, и шапка, похожая на мешок. Про кудрявый парик я уж и не говорю.

Улыбка тронула его губы.

– Ты даже не представляешь, с какой радостью я бы на это посмотрел.

– Шут, я ведь не из пустого любопытства спросил, что у тебя с глазами. Если я буду знать, то, возможно, сумею помочь.

Он снова промолчал. Я снял шапку, положил ее на стол, встал и начал расстегивать камзол. Он был самую малость тесен в плечах, и это вдруг стало невыносимым. С громким вздохом облегчения я плюхнулся обратно в кресло. Шут взял шапку и повертел ее в руках, ощу-

пывая. Потом легко и непринужденно нацепил на голову парик и шапку и одним выверенным движением поправил ее так, чтобы она сидела набекрень, точно как надо.

– На тебе это смотрится куда лучше, чем на мне.

– Мода приходит и уходит. Когда-то у меня была почти такая же шапочка. Много лет назад.

Я молча ждал продолжения.

Шут тяжело вздохнул:

– О чем я тебе уже успел рассказать, а о чем еще нет? Фитц, я блуждаю во тьме, и мысли ускользают от меня – я уже сам себе не верю.

– Ты почти ничего не говорил.

– Правда? Возможно, тебе и в самом деле мало что известно, но поверь, долгими ночами в плену я рассказывал тебе все, снова и снова, во всех подробностях. – Его губы изогнулись в подобии улыбки. Шут снял шапку вместе с париком и положил на стол. Мягкая ткань сложилась так, что казалось, будто зверек выглядывает из норки. – Каждый раз удивляюсь, когда ты о чем-то спрашиваешь меня. Мне-то казалось, ты почти все время был рядом. – Он покачал головой, откинулся в кресле и направил незрячий взгляд в потолок. Потом заговорил, обращаясь к темноте, окружавшей его. – Я покинул Аслевджал вместе с Прилкопом. Это ты знаешь. Мы отправились в Баккип. Но, наверное, ты не догадываешься, что мы воспользовались столпами Силы. Прилкопа научил пользоваться ими его Изменяющий, а у меня были посеребренные кончики пальцев, которыми я коснулся Верити. Так что мы направились в Баккип, и я не смог устоять перед искушением еще раз повидаться с тобой на прощанье.

Шут фыркнул, насмехаясь над собственной наивностью, и продолжил:

– Судьба подшутила над нами обоими. Мы с Прилкопом задержались в Баккипе ненадолго, но ему не терпелось отправиться дальше. Он позволил мне пробыть в городе десять дней, поскольку, как ты помнишь, я был очень слаб. К тому же он опасался использовать камни слишком часто. Но едва эти десять дней миновали, он стал сердиться и настаивать, чтобы мы продолжили путь. Каждый вечер он твердил мне, что пора идти. При этом напоминал о том, что я и сам прекрасно знал: мы с тобой уже совершили те перемены в мире, которые должен был совершить я. Наше время истекло, наша задача выполнена. Оставаясь подле тебя, я мог бы вызвать новые изменения, отнюдь не к лучшему. Прилкопу удалось убедить меня. Но не до конца. Я знал, что рискую, что поступаю малодушно, – знал, уже когда работал над своим подарком. Я изваял нас троих как единое целое, каким мы когда-то были: тебя, Ночного Волка и себя. Я высек эту фигурку из камня памяти и вложил в нее свое прощальное послание. Оставил тебе подарок, зная, что каждый раз, когда ты будешь касаться его, я буду вспоминать о тебе, чувствовать через любые расстояния.

Я был потрясен.

– Правда?

– Я же сказал тебе. Мне никогда не хватало мудрости.

– Но я-то совсем не чувствовал тебя.

Мне казалось, это было нечестно с его стороны: он сделал так, чтобы всегда знать, что я жив и здоров, а мне не оставил никакой возможности узнать, как обстоят дела у него.

– Прости. – Раскаяние в его голосе прозвучало искренне. Помолчав, Шут продолжил: – Из Баккипа мы снова отправились в путь через камни Силы. Это было как детская забава: мы прыгали от одного обелиска к другому. И каждый раз Прилкоп выжидал, прежде чем отправиться дальше. Это... сбивало с толку. У меня до сих пор голова идет кругом при одном воспоминании о нашем путешествии. Прилкоп понимал, какой опасности мы себя подвергаем. Однажды... мы очутились в покинутом городе... – Он осекся, потом заговорил снова, вполголоса. – Я никогда не был там. Но посреди города высилась огромная башня, на вершине кото-

рой я нашел карту. И разбитое окно, и отпечатки рук, испачканных в саже. – Он помолчал. – Уверен, это была та самая башня с картой, где побывал ты.

– Кельсингра. Так теперь зовут это место драконьи торговцы, – коротко вставил я, не желая отвлекать его от рассказа.

– По настоянию Прилкопа мы задержались там на пять дней. Воспоминания об этих днях у меня остались... странные. Даже зная, что такое камень памяти и как он действует, постоянно слышать его было очень утомительно. Куда бы я ни шел, бестелесный шепот сопровождал меня. Прилкоп утверждал, это из-за серебряных следов, оставленных Силой на моих пальцах. Город будто засасывал меня. Он нашептывал мне свои истории во сне, а когда я бодрствовал, пытался поглотить меня. Однажды я поддался его зову, Фитц. Стоя на площади, где когда-то, наверное, был рынок, я снял перчатку и коснулся стены. Когда я вновь осознал себя, я лежал у костра, а Прилкоп ждал, когда я очнусь, уложив в дорогу наши вещи. На нем была одежда Элдерлингов. Он и мне нашел такую же, даже разыскал для нас по плащу-невидимке. Он заявил, что надо продолжать путь немедленно, потому что оставаться здесь и дальше для меня опаснее, чем воспользоваться обелиском. По словам Прилкопа, у него ушло полтора дня, чтобы найти меня, и после того, как он вытащил меня, он сам проспал целый день. Мне же казалось, что я прожил в Кельсингре год. И мы покинули город.

Он умолк.

– Хочешь поесть? – спросил я.

Шут тщательно обдумал мой вопрос.

– Видишь ли, мой организм уже довольно давно отвык нормально питаться. Кажется даже странным, что, почувствовав голод, я могу просто попросить и ты дашь мне поесть. – Он закашлялся, отвернувшись в сторону и обхватив себя руками.

Я протянул ему чашку с водой. Шут выпил ее маленькими глотками, но тут же снова зашелся в тяжелом кашле и хрипе. Когда он наконец смог перевести дыхание и заговорить, лицо его было мокрым от слез.

– Вина, если можно, – попросил он. – Или бренди. Или еще воды. И что-нибудь поесть. Только немного. Мне придется привыкать постепенно, Фитц.

– Это правильно.

В котелке оказалась густая уха из сига, запавленная сливками, луком и корнеплодами. Я налил Шуту неглубокую миску и обрадовался, когда он нащупал ложку, которую я положил перед ним. Рядом я поставил чашку с водой. Мне было жаль только, что ужин заставил Шута оборвать рассказ – уж очень редко мой друг сам вызывался поведать о своей жизни. Я смотрел, как он ест – зачерпывает ложкой уху, осторожно несет ко рту. Еще ложку...

Шут замер.

– Ты смотришь на меня так пристально, что я отчетливо чувствую твой взгляд, – невесело заметил он.

– Это правда. Прости.

Я встал и налил себе немного бренди. Потом устроился в кресле, вытянув ноги к огню, осторожно отпил. И очень удивился, когда Шут заговорил снова. Я слушал его, глядя в огонь и не перебивая, а он вел свой рассказ дальше, прерываясь только на еду.

– Я помню, как ты предупреждал принца... хотя Дьютифул ведь уже король, верно?... как ты предупреждал его, что отправляться через камни Силы в незнакомые места может быть опасно. Ты был прав. Прилкоп думал, что все камни стоят, как стояли, когда он в последний раз ими пользовался. Мы вошли в обелиск в городе с картой и вдруг оказались лежа ничком, придавленные камнем сверху так плотно, что едва смогли выбраться.

Он поднес ко рту ложку ухи.

– Колонна лежала на земле. Думаю, ее опрокинули намеренно, и нам еще повезло, что тот, кто это сделал, не разрушил ее полностью. Верхняя часть камня упала на край фонтанной

чаши. Сам фонтан давно высох. Этот город был не таков, как Кельсингра. По нему явно когда-то прокатилась война, а потом, гораздо позже, прошлись вандалы. Они старательно портили все, что могли. Город стоял на высоких холмах на острове. В каких морях лежит этот остров, сказать не могу. Я никогда прежде не был там. Когда десятилетия назад я впервые направлялся сюда, мой путь был другим. Как и теперь, когда я шел к тебе. – Он покачал головой. – Когда мы с тобой отправимся назад, лучше не пользоваться этой дорогой. Что будет с нами, если та грань камня, из которой мы должны будем выйти, окажется лежащей на земле? Не знаю. И не хочу выяснять.

Еще ложка ухи. На этот раз немного бульона пролилось. Я ничего не сказал и лишь краем глаза смотрел, как Шут ищет салфетку, как вытирает подбородок и сорочку. Я отпил немного бренди и со стуком поставил бокал на стол.

– Когда мы выползли из-под опрокинутой колонны, у нас ушло полдня, чтобы выйти за пределы разрушенного города. Резьба на его руинах напомнила мне то, что я видел в Кельсингре и на Аслевджале. Многие статуи были разбиты, многие дома разрушены и разграблены. Город лежал в развалинах. До меня доносились смех, музыка, кто-то что-то нашептывал, но умолкал, не договорив, – и все это не в лад, не впопад, так что меня пробирала дрожь. Если бы пришлось задержаться в этом городе, я бы сошел с ума. Прилкоп был очень удручен. Когда-то, сказал он, этот город был прекрасным и дышал покоем. Прилкоп потащил меня прочь, невзирая на мою усталость. Похоже, ему больно было видеть эти руины... Ты что, пьешь бренди один? – вдруг спросил он.

– Да. Но это не слишком хороший бренди.

– В жизни не слышал худшего оправдания для того, чтобы не поделиться выпивкой с другом.

– Ты прав. Налить тебе?

– Да, пожалуйста.

Я достал второй бокал и плеснул Шуту немного бренди. Заодно, раз уж встал, подбросил полено в очаг. Меня вдруг охватило ощущение уюта и приятной усталости после насыщенного дня. Мы сидели в тепле и покое этой зимней ночью. Сегодня я хорошо послужил своему королю, а теперь мой старый друг сидит рядом и постепенно выздоравливает. Тут я ощутил укол совести, – каково там сейчас Би, одной, вдалеке от меня? Ну ничего, решил я, скоро она получит подарки и письмо. К тому же Ревел о ней позаботится, да и горничная у нее хорошая. Би наверняка чувствует, что я много думаю о ней. Шун и Лант после моих суровых отповедей вряд ли посмеют ее обижать. А тот паренек с конюшни будет учить Би ездить верхом. Хорошо, что у нее есть друг и что она обзавелась им сама, без моей помощи. Может, и кто-то еще из прислуги неплохо к ней относится и не откажется помочь. Напрасно я так волнуюсь. Би ведь очень способная девочка.

Шут прокашлялся и продолжил рассказ:

– Ту ночь мы провели в лесу на окраине разрушенного города, а на следующий день двинулись дальше и вскоре увидели большой порт внизу. Прилкоп сказал, что город у моря очень вырос с тех пор, как он был тут в прошлый раз. В гавани стоял целый флот рыбацких лодок, и, по словам Прилкопа, туда заходили корабли с юга, чтобы купить соленой рыбы, рыбьего жира и выделанные рыбы шкурки.

– Рыбы шкурки? – Вопрос сам собой сорвался с моих губ.

– Вот и я тогда очень удивился. Никогда раньше о таком не слышал. Но оказалось, в этом городе научились их выделывать. Те, что поглубже, используют для полировки дерева и даже камня, а теми, что помягче, обтягивают рукоятки ножей и мечей. Такие рукоятки не становятся скользкими, даже когда залиты кровью. – Он опять закашлялся, промокнул губы и отпил еще бренди. Когда Шут снова набрал воздуха, в груди его раздался хрип. – Так вот, мы стали спускаться с холма в этот жаркий солнечный город в своих зимних одеждах. Прилкоп почему-то не

сомневался, что нас там хорошо встретят. Однако люди, хмуро глянув на нас, тут же отворачивались. Они верили, что в руинах на холмах обитают демоны. В портовом городишке были дома, построенные из камней старого города, но теперь они стояли заброшенные – считалось, будто там поселились призраки. Никто не желал приютить нас, хотя Прилкоп предлагал заплатить серебром. Стайка детей какое-то время бежала за нами, бросаясь камнями, пока взрослые не велели им перестать. Так мы дошли до причалов, и там Прилкопу удалось договориться с капитаном одного неряшливого корабля.

Корабль весь провонял рыбой и рыбьим жиром. Такой разношерстной команды мне никогда не доводилось видеть. У молодых матросов был жалкий вид, а старшим, похоже, крепко не повезло в жизни или кто-то с ними очень дурно обошелся: один был кривой, другой – одноногий, у третьего не хватало двух пальцев. Я попытался отговорить Прилкопа плыть на этом корабле, но он всерьез опасался, что, если мы останемся на берегу, нас убьют в ту же ночь. На мой взгляд, отправиться на корабле было ничем не лучше, однако он настоял на своем. И мы отплыли.

Шут умолк. Доев суп, он промокнул губы, отпил бренди и снова старательно вытер салфеткой губы и пальцы. Взял ложку и аккуратно положил на стол рядом с миской. Отпил еще бренди. Потом повернулся ко мне, и впервые после его возвращения я заметил, как на его лице промелькнуло хорошо знакомое мне озорное выражение.

– Ты меня слушаешь?

Я рассмеялся от радости, что он не оставил этих своих шалостей.

– Ты же знаешь, что слушаю.

– Знаю. Я чувствую тебя, Фитц. – Он поднял руку, кончики пальцев которой некогда были серебряными от магии Силы. Теперь на месте серебра остались лишь шрамы. – Много лет назад я унес с собой то, что нас связывало. И они срезали серебро с моих пальцев, потому что догадывались о том, какую силу оно имеет. И после, долгие годы, будучи в плену, я думал, что мне лишь мерещилась мистическая связь между нами. – Он чуть склонил голову набок. – Но теперь я думаю, что она и правда существует.

– Не уверен, – признался я. – Все эти годы, что тебя не было, я вовсе не ощущал тебя. Порой я думал, что ты уже мертв, порой – что ты начисто забыл нашу дружбу. – Я осекся. – Вот только в ту ночь, когда умерла твоя посланница... На фигурке, которую ты вырезал для меня, той, где мы с тобой и Ночной Волк, осталась кровь. Я хотел стереть ее, и в этот миг что-то произошло.

– О... – У Шута, похоже, перехватило дыхание. Какое-то время он молча смотрел слепыми глазами в пустоту. Потом вздохнул. – Вот как... Теперь понятно. А я-то гадал, что это было... Я не знал, что кто-то из моих посланцев сумел добраться до тебя. Они... Мне было очень больно, и вдруг рядом оказался ты и коснулся моей щеки. Я закричал, умоляя тебя помочь: спасти меня или убить. И тут ты исчез. – Он вдруг стал хватать ртом воздух и склонился над столом, тяжело опираясь на него. – И я сломался, – признался он. – Той ночью я сломался. Ни боль, ни ложь, ни голод не смогли сломить меня. Но когда вдруг явился ты и тут же исчез... я сломался, Фитц.

Я ничего не ответил. Правда ли дух Шута сломлен? Он говорил, что Слуги пытали его, чтобы выведать, где его сын. Сын, о котором он ничего не знал. Для меня именно это было самым жутким в его истории. Когда человека пытаются, а он хранит свою тайну, он хоть в ничтожной мере, но все же остается хозяином себе. Но у того, кому нечего сказать палачам, не остается ничего. У Шута не было ничего. Ни орудия, ни оружия, ни сведений, чтобы попытаться в обмен на них облегчить свою участь. Шут был совершенно беспомощен. Как он мог сказать то, чего не знал?

Он заговорил снова:

– Спустя время я вдруг понял, что уже давно не слышу их. Они ни о чем не спрашивали. Но я сам давал им ответы. Я говорил то, что они хотели знать. Я выкрикивал твое имя, снова и снова. И им стало известно.

– Что им стало известно, Шут?

– Твое имя. Я предал тебя.

Я понял, что его рассудок помутился.

– Шут, ты не сказал им ничего нового. Их следопыты уже побывали тогда в моем доме. Они пришли туда по следам твоей посланницы. Потому-то резная фигурка и оказалась в крови. Потому-то ты и ощутил мое присутствие. Они уже нашли меня тогда.

При этих словах я вернулся мыслями в ту ночь. Преследователи, посланные Слугами, настигли бледную девушку в моем доме и убили ее прежде, чем она успела передать слова Шута. Но всего несколько недель назад в Ивовый Лес пришла еще одна посланница Шута и передала мне предостережение и мольбу Шута. Он просил разыскать его сына. Спрятать его от врагов. Умиравшая посланница уверяла, что преследователи идут за ней по пятам. Но я не заметил и следа их. Или заметил, но не понял, что это их следы? На пастбище остались отпечатки копыт, кто-то разобрал часть ограждения... Тогда я решил, что это просто совпадение, рассудив, что преследователи, будь это они, непременно довели бы дело до конца.

– Они не нашли тебя тогда, – упрямо сказал Шут. – Думаю, они просто шли за посланницей. Слуги, которые пытали меня, не могли знать, где находятся их следопыты. Но потом я стал выкрикивать твое имя, и они все поняли. Они поняли, насколько ты на самом деле важен. До этого они думали, что ты просто мой Изменяющий. Тот, кого я использовал. И бросил. Они думали, что только так и может поступить Белый Пророк. Изменяющий в их понимании – всего лишь орудие. Не друг Белого Пророка. Не тот, с кем у них одна душа на двоих.

Некоторое время мы оба молчали.

– Шут, я одного не могу понять. Ты говоришь, тебе ничего не известно о твоём сыне. Но ты, как я вижу, уверен, что он существует. Просто потому, что тебе сказали об этом твои палачи в Клерресе. Почему ты им веришь? Как так может быть, что они знают о таком ребенке, а ты нет?

– Потому что у них собрано сто, тысяча или даже десять тысяч пророчеств о том, что если я сумею выполнить свою задачу как Белый Пророк, то на смену мне придет наследник. И он изменит мир еще больше, чем я.

Я заговорил, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть его:

– Но сотни пророчеств сулили тебе скорую смерть. А ты выжил. Так стоит ли верить этим предсказаниям? Может, никакого сына и нет вовсе?

Он долго молчал, прежде чем ответить.

– Я должен действовать так, будто это правда, – сказал Шут наконец. – Если он существует, мы должны найти его и защитить. Иначе они найдут его первыми, и тогда жизнь его превратится в сплошную муку. Он умрет, и эта смерть станет несчастьем для всего мира. Так что у меня нет выбора: я должен верить в его существование, хоть и не понимаю, как такой ребенок мог появиться на свет. – Он уставился в темноту. – Фитц... Там, на рынке... Кажется, он был там. Я прикоснулся к нему, и в тот же миг узнал. Сердцем почувствовал. Это был мой сын! – Он прерывисто вздохнул и проговорил дрожащим голосом: – Мир вокруг нас вдруг сделался таким светлым и прозрачным. Я не просто мог видеть – я мог видеть все возможности, все пути, протянувшиеся в будущее от той минуты. Всё, что мы с ним могли изменить вместе... – Он говорил все тише и наконец умолк.

– Но вокруг тебя тогда вовсе не было светло – зимний день уже клонился к закату. А единственный человек, к которому ты прикоснулся... Шут! Что случилось?

Он вдруг качнулся вперед и закрыл лицо руками. Потом горестно признался:

– Мне нехорошо. У меня спина мокрая.

Мое сердце упало. Я подошел к нему и встал сзади.

– Наклонись вперед, – мягко попросил я.

На удивление он послушался меня. Его ночная рубашка на спине и впрямь была мокра, но не от крови.

– Подними рубашку, – сказал я, и Шут попытался, но удалось ему это только с моей помощью. Я поднял свечу повыше, чтобы посмотреть... – Ох, Шут! – выпалил я, прежде чем успел прикусить язык.

Рядом с позвоночником у него на спине было зловещего вида вздутие, которое лопнуло и сочилось зловонной жидкостью. Струйка текла по тощей, иссеченной шрамами спине Шута.

– Не двигайся, – сказал я и отошел, чтобы взять у очага котелок с теплой водой. Я смочил в нем свой носовой платок и отжал его. – Придется потерпеть, – предупредил я и стал протирать нарыв.

Шут громко зашипел и опустил голову на сложенные на столе ладони.

– Тут вроде как нарыв. Он вскрылся, и, возможно, это к лучшему.

Он ничего не сказал, только слегка вздрогнул. Я даже не сразу понял, что он потерял сознание.

– Шут? – Я тронул его за плечо.

Ни слова, ни движения. Тогда я отыскал Силой Чейда.

С Шутом беда. Ему стало хуже. Можешь прислать в свои старые комнаты какого-нибудь лекаря?

Даже если кто-то из них еще не спит, ни один лекарь не знает туда дороги. Мне прийти?

Нет. Я сам о нем позабочусь.

Уверен?

Да.

Возможно, лучше обойтись без чужих людей. Возможно, лучше, если мы справимся вдвоем, как это уже не раз бывало. Пользуясь тем, что в забытьи Шут не чувствовал боли, я зажег побольше свечей, принес тазик и промыл нарыв, как только мог. Шут сидел неподвижно, обмякнув, пока я поливал рану тонкой струей воды и смывал то, что оттуда сочилось. Крови не было.

– Все равно что лечить лошадь, – машинально пробормотал я сквозь зубы.

Вычищенный нарыв зиял на спине у Шута, словно мерзкая пасть. Свищ угодил глубоко под кожу. Я заставил себя осмотреть изувеченное тело моего друга. Оказалось, у него были и другие затянувшиеся, но воспалившиеся изнутри колотые раны, одни – лоснящиеся и почти белые, другие – зловеще-красные, окруженные сетью темных потеков.

Передо мной был умирающий. Слишком многое в нем было не так. Глупо было думать, что хорошая пища и покой могут исцелить его. Они всего лишь замедлят умирание. Недуги успели захватить слишком много плацдармов в его теле. Может, он уже мертв.

Я протянул руку и коснулся двумя пальцами жилки на его шее, чтобы проверить, бьется ли сердце. Оно билось – я ощутил слабые толчки кровотока. Я закрыл глаза и остался сидеть так, прислушиваясь к этому биению и находя в нем странное утешение. У меня вдруг сильно закружилась голова – я давно не спал и выпил лишнего еще на празднике, а потом еще и добавил за разговором с Шутом. Внезапно я почувствовал себя старым и запредельно уставшим. Мышцы и кости ныли, отыгрываясь за все те непосильные задачи, которые я взваливал на них столько долгих лет. Старая боль там, где когда-то мне в спину вонзилась стрела, теперь проснулась и назойливо запульсировала, словно кто-то ткнул пальцем в старую рану.

Вот только от этой раны давно не осталось даже шрама. И боли тоже. Эта мысль была тихой и легкой, как первый снег за окном. Я не подал виду, что заметил ее, лишь принял происходящее к сведению. Позволил своему дыханию замедлиться и замер внутри собственного тела. Внутри нашего тела.

А потом я неслышно перенесся сознанием внутрь Шута. Он негромко застонал, словно во сне. «Не бойся, – мысленно сказал я, – мне не нужны твои тайны».

Но даже одно упоминание о тайнах заставило его встрепетаться. Он попытался бороться, но я замер, ничем не выдавая своего присутствия. Когда Шут затих, я мысленно выпустил тонкие чувствительные щупальца и стал исследовать его изнутри. «Потихоньку, полегоньку...» – напоминал я себе. Я дал себе ощутить боль Шута, исходящую от нагноений в спине. Нарыв, который вскрылся, был еще не самым страшным. Отравленный гной, содержащийся в других полостях, распространялся внутрь, а у Шута не было сил сопротивляться.

Я повернул эти потоки вспять. Я выдавил яд наружу.

Это оказалось нетрудно. Я действовал очень осторожно, не требуя многого от его плоти. В ином, воображаемом мире я прикасался пальцами к вздутию и призывал отраву выйти. Горячая кожа набухла под моими руками и лопалась, гной выплескивался. Я использовал Силу новым, доселе неизвестным мне образом, но в те минуты все казалось очень естественным и очевидным: конечно, именно так и надо. Так можно и нужно.

– Фитц...

– Фитц!

– Фитц!!!

Кто-то схватил меня и дернул назад. Я потерял равновесие и стал падать. Меня пытались подхватить, но не успели, и я грохнулся на пол. От удара перехватило дыхание. Я захрипел и открыл глаза. Понять, что передо мной, удалось не сразу. В свете догорающего пламени очага стоял Чейд. Лицо его было перекошено от ужаса. Я попытался заговорить – и не смог. Я страшно устал и был весь в поту, мокрая одежда липла к телу. Приподнявшись, я увидел, что Шут по-прежнему сидит в кресле, бессильно уронив голову на стол. Из дюжины открытых ран на его спине сочился гной. Я повернул голову и встретился глазами с Чейдом.

– Фитц, чем ты тут занимался? – спросил он так, будто поймал меня на чем-то постыдном и гадком.

Я попытался набрать воздуха, чтобы ответить. Чейд отвел взгляд, и я понял, что в комнату вошел кто-то еще. Неттл. Я ощутил ее скользкое прикосновение в Силе.

– Что тут произошло? – резко спросила она, потом шагнула ближе, разглядела спину Шута и охнула от отвращения. – Это Фитц сделал? – обернулась она к Чейду.

– Не знаю. Разожги огонь и принеси еще свечей, – велел он и бессильно рухнул в кресло, в котором раньше сидел я. Сложив трясущиеся руки на коленях, он наклонился ко мне: – Парень! Что ты тут творил?

Я наконец вспомнил, как наполнить легкие воздухом.

– Пытался остановить... – еще один мучительный вдох, – отраву...

Перевернуться на живот оказалось невероятно трудно. Каждая жилка в теле болела. Я уперся ладонями в пол, чтобы встать. Ладони оказались мокрыми и скользкими. Я поднес их к глазам. Руки были в крови и какой-то жиже. Чейд сунул мне салфетку со стола.

Неттл добавила дров в очаг, и они занялись. Теперь она расставляла новые свечи и замечала те, что сгорели.

– Ну и запах, – сказала она, глядя на Шута. – Они все так и сочатся.

– Согрей чистой воды, – велел Чейд.

– Может, позвать врачей?

– Слишком многое придется объяснять. А если Шут умирает, будет лучше, если все обойдется без лишних глаз. Фитц, вставай. Поговори с нами.

В Неттл, как и в ее матери, скрывалась сила, которую трудно заподозрить в маленькой хрупкой женщине. Когда я кое-как сел на полу, она умудрилась поднять меня на ноги, подхватив под мышки. Я оперся на спинку стула, чуть не опрокинув его.

– Мне худо, – проговорил я. – Устал. Совсем без сил.

– Что ж, теперь ты знаешь, каково пришлось Риддлу, когда ты так бездумно высосал его силы до донышка, – язвительно отозвалась моя дочь.

Чейд решил взять беседу в свои руки.

– Фитц, зачем ты так порезал Шута? Вы повздорили?

– Он не резал Шута. – Неттл нашла воду, которую я оставил греться у огня. Она намочила ту же самую салфетку, которой я раньше очищал нарыв, отжала и осторожно провела по спине Шута, сморщив нос и поджав губы от отвращения. Повторила все еще раз и пояснила: – Фитц пытался его вылечить. Все это лопнуло под напором изнутри. – Она покосилась на меня с презрением. – Сядь у камина, пока не упал. Тебе не пришло в голову попробовать обычные припарки, прежде чем сломя голову пытаться исцелять Силой в одиночку?

Я последовал совету дочери и попытался рухнуть на приступку у очага так, чтобы не растерять хотя бы часть достоинства. Поскольку ни Чейд, ни Неттл в эту минуту на меня не смотрели, все мои усилия пропали втуне.

– Я не... – заговорил было я, желая объяснить, что вначале вовсе не собирался лечить Шута, но прикусил язык. Не стоит понапрасну тратить время.

Чейд вдруг подался вперед с таким видом, будто ему многое стало ясно:

– А, теперь понимаю! Должно быть, Шута привязали к стулу с шипами, торчащими из спинки. Ремень поперек его груди постепенно натягивался, и шипы вонзались все глубже. Если Шут пытался сопротивляться, раны делались шире. А ремень все туже притягивал его, насылая на острия шипов. Судя по тому, как выглядят эти старые раны, он продержался очень долго. Но, похоже, шипы к тому же смазали чем-то гниlostным, чтобы они внесли заразу глубоко под кожу, и это сказывалось еще очень долго...

– Чейд, пожалуйста... – тихо простонал я.

От картины, нарисованной им, меня замутило. Оставалось надеяться, что Шут так и не пришел в себя. Я не хотел знать, каким образом Слуги причинили ему все эти увечья. И не хотел, чтобы он сам это вспоминал.

– Но самое интересное, – продолжал Чейд, глухой к моим мольбам, – зачем это понадобилось тем, кто пытал его? Никогда не слышал о подобном подходе. Меня учили, что у пытуемого всегда должна оставаться надежда: что боль прекратится, раны заживут и так далее. В противном случае что он выиграет, если выдаст сведения, которых от него добиваются? Ничего. Однако если Шут знал, что раны намеренно заразят гноем, знал это с того момента, как шипы проткнули кожу...

– Лорд Чейд! Прошу вас! – Неттл скривилась от отвращения.

Он оборвал себя:

– Простите, мастер Силы. Порой я забываю... – Он не договорил.

Неттл и я хорошо понимали, что Чейд хотел сказать. Его увлеченная речь исследователя предназначалась для ученика или коллеги по ремеслу – для убийц, но никак не для обычных людей.

Неттл выпрямилась и бросила мокрую салфетку в миску с водой.

– Насколько можно промыть раны водой, я промыла. Теперь надо обработать. Мне послать в лазарет за всем, что понадобится?

– Не стоит посвящать лекарей в это дело. У нас тут есть травы и мази.

– Да уж конечно. – Она посмотрела на меня сверху вниз. – Ты выглядишь отвратительно. Давай-ка мы пригласим пажа с завтраком в твою комнату. Скажем ему, что ты перебрал вчера за ужином.

– У меня как раз есть подходящий слуга, – быстро вставил Чейд. – Его зовут Эш.

При этом он покосился на меня, но я ничем не выдал, что мы уже встречались с мальчишкой.

– Вот и хорошо, – тихо согласился я, гадая про себя, что за хитрый замысел вынашивает старик.

– Что ж, в таком случае я вас оставляю, – сказала она. – Лорд Фелдспар, леди Кетриккен сообщила мне, что вы упростили ее дать вам краткую аудиенцию сегодня после обеда. Не опаздывайте. Вам следует ждать в передней у ее покоев вместе с остальными просителями.

Я непонимающе уставился на дочь.

– Я все объясню, – заверил меня Чейд.

Очевидно, это был новый виток его хитроумного плана.

Я подавил вздох и вымученно улыбнулся Неттл на прощанье. Когда Чейд встал, чтобы разыскать целебные травы и мази, я осторожно выпрямился. Спина одеревенела и ныла, нарядная рубашка прилипла к коже, мокрая от пота. Я вымыл руки остатками теплой воды в котелке, подковылял к одному из кресел у стола и опустился в него.

– Не думал, что Неттл знает дорогу сюда.

– Так решил Дьютифул. Не я, – ворчливо ответил Чейд с другого конца комнаты. – Ему никогда не нравились мои тайны. Он не понимает, как они необходимы.

Он вернулся от шкафа с большим голубым горшком, заткнутым деревянной пробкой, и чистой ветошью. Когда Чейд откупорил горшок, едкий запах мази ударил мне в ноздри и отчасти прочистил голову. Я встал и взял у старика мазь и тряпки, прежде чем он успел прикоснуться к Шуту.

– Я сам все сделаю.

– Как пожелаешь.

Меня тревожило, что Шут до сих пор не пришел в себя. Я тронул его за плечо и мягко обратился к нему в мыслях.

– А вот этого не надо, – сказал Чейд. – Пусть отдохнет.

– Ты стал очень хорошо чувствовать Силу.

Я положил немного мази на тряпочку и крепко вдавил ее в самую меньшую из ран Шута.

– Или ты стал слишком небрежен в обращении с ней. Подумай об этом, парень, пока будешь исправлять то, что натворил. И я жду твоего доклада.

– Я почти все успел рассказать тебе, когда мы связывались на пиру через Силу. Похоже, на реке действует шайка пиратов, которая умудряется тихо и ловко провозить грузы в обход любых сборов и пошлин. И есть некий капитан большого морского корабля, который готов попробовать продлить этот тайный путь до самого Удачного.

– Ты прекрасно знаешь, что я жду рассказа вовсе не об этом. Не морочь мне голову, Фитц. Вскоре после того, как ты попросил меня о лекаре, я попытался поговорить с тобой снова. Но не смог пробиться. Только чувствовал, что ты чем-то очень занят. Я решил, что у меня недостаточно способностей в обращении с Силой, и попросил Неттл связаться с тобой. Однако ни мне, ни ей это не удалось, поэтому мы и пришли. Чем ты тут занимался, Фитц?

– Я просто... – У меня перехватило горло, я закашлялся. – Просто пытался помочь Шуту исцелиться. Один из нарывов на его спине вскрылся сам собой, и когда я стал промывать рану, то понял... что Шут умирает, Чейд. Медленно умирает. Слишком многое в его теле непоправимо сломано. Вряд ли он сможет набраться сил достаточно быстро, чтобы круг магов смог исцелить его. Боюсь, хорошая еда, покой и лекарства только оттянут неизбежное.

– Ну что же... – Похоже, Чейд не ожидал от меня такой прямоты. Он обмяк в кресле и глубоко вздохнул. – Мне казалось, мы все убедились в этом еще в лазарете, Фитц. Я думал, именно поэтому ты попросил выделить ему комнату, где никто не побеспокоит. Где он будет в тишине и вдали от чужих людей... – Он говорил все тише и наконец умолк.

От его слов то, что я и так уже осознал, стало окончательно неизбежным.

– Спасибо тебе, – хрипло выговорил я.

– Особенно не за что, и боюсь, я больше не смогу ничем помочь ни тебе, ни ему. Надеюсь, ты понимаешь, что я помог бы, если бы это было в моих силах.

Он выпрямился в кресле, разгоревшийся огонь в очаге выхватил из темноты его профиль, и я внезапно понял, чего стоило Чейду даже это небольшое движение. О да, он будет сидеть с прямой спиной, и он придет ради меня сюда глухой ночью и будет делать вид, будто ему это легко. Но ему трудно. И ему все труднее притворяться неустойчивым. Я похолодел, понимая: пусть Чейд не столь близок к последнему порогу, как Шут, волны времени неумолимо уносят его от меня.

Он проговорил с запинкой, глядя больше в огонь, чем на меня:

– Однажды ты уже вырвал его у смерти. Ты тогда мало что рассказал мне, и я не нашел ничего подобного ни в одном из свитков о Силе. Но может, ты...

– Нет.

Я втер в раны новую порцию мази. Еще немного, и хватит. Спину невыносимо ломило с той самой минуты, когда я занялся делом, голова гудела, чего со мной не случалось уже многие годы. Мне пришлось в голову воспользоваться порошком каррима или чаем из эльфийской коры, но я отбросил эту мысль. За то, чтобы тело стало невосприимчивым к боли, всегда приходится платить ясностью мысли, а эту цену я теперь не мог себе позволить.

– Я не пытался от тебя ничего скрыть, Чейд. Просто это произошло скорее само собой, чем по моей воле. Так получилось по стечению обстоятельств. И повторить их я не смогу.

Я закончил накладывать мазь и только тут заметил, что старик стоит рядом. Он протянул мне большой кусок серого полотна, я расправил его на спине Шута и натянул сверху ночную рубашку.

Потом наклонился к его уху:

– Шут?

– Не буди его, – настойчиво сказал Чейд. – Если человек проваливается в беспамятство, значит ему это зачем-то нужно. Пусть отдохнет. Когда его тело и разум будут готовы вернуться в мир бодрствования, он очнется.

Я поднял Шута и перенес на кровать. Это далось мне куда тяжелее, чем я ожидал. Устроив Шута в постели на животе, я тепло укрыл его одеялом.

– Я потерял счет времени, – признался я Чейду. – Как тебе удавалось жить тут годами, почти не видя неба, и не сходить с ума?

– А я и сошел, – сказал он. – Просто мое безумие было направлено на пользу делу. Вместо того чтобы царапать ногтями стены и произносить глубокомысленные речи, я погрузился с головой в свое ремесло и стал увлеченно изучать все, чего оно требовало. Кроме того, я не сидел тут так уж безвылазно. Порой я выбирался в общие комнаты замка или даже в город под чужим обличем.

– Леди Тайм, – с улыбкой вспомнил я.

– Она была только одной из многих моих масок.

Если бы Чейд хотел, чтобы я знал о других, он рассказал бы мне.

– Сколько времени осталось до завтрака?

Он негромко хмыкнул:

– Будь ты стражником, ты бы уже вставал из-за стола. Но поскольку ты у нас мелкий аристократ из неизвестного поместья, который впервые прибыл ко двору Оленьего замка, ничего страшного, если ты заспишься после вчерашнего веселья. Я передам Эшу, чтобы он принес тебе еды попозже – так ты успеешь немного поспать.

– Где ты его нашел?

– Он сирота. Его мать была особого рода шлюхой – ее навещали преимущественно богатые молодые дворяне с... необычными вкусами. Она работала примерно в дне езды от Баккипа – достаточно далеко, чтобы состоятельная знать могла посещать ее втайне. Она умерла, когда

очередное свидание обернулось самым ужасным образом как для нее, так и для Эша. Один из моих осведомителей связался со мной, подумав, что мне будет интересно узнать, чей старший сын и наследник имеет столь нездоровые пристрастия. Эш не видел убийства, но видел убийцу. Когда мальчика привезли ко мне и я стал расспрашивать его, то обнаружил, что у него на диво зоркий глаз и цепкий ум. Он описал мне убийцу с головы до пят, вплоть до узора кружев на манжетах. Мать и ее товарки по ремеслу часто посылали мальчугана с поручениями, а потому он сызмальства привык быть осмотрительным. И незаметным.

– А еще выведывать и хранить секреты.

– И это тоже. Его мать была не какая-то там уличная девка, Фитц. Юноша из благородной семьи мог, не стесняясь, появиться с ней в салонах Баккипа или за игорным столом. Она знала много стихов и напевала их, подыгрывая себе на маленькой лютне. Эш привык и к свету, и к полусвету. Конечно, манеры у него пока не придворные и по его выговору сразу слышно, что мальчик родился не в королевском замке, но и подзаборным крысенышем его не назовешь. Он пригодится нам.

Я медленно кивнул:

– И ты хочешь, чтобы он был моим пажом, пока я здесь, чтобы?..

– Чтобы ты присмотрелся к нему и поделился своими соображениями.

– Или чтобы он присматривал за мной для тебя?

Чейд только развел руками:

– И что нового он сможет мне рассказать? Считай это частью его обучения. Устрой для него несколько испытаний. Помоги мне отточить его навыки.

И опять-таки как я мог отказать ему? Чейд помогал нам с Шутом как только мог. Разве я мог не отплатить ему добром за добро? Мазь, которой я обработал раны Шута, была знакома мне. На ее изготовление шла печень рыб, редко заплывавших в наши северные моря. Мазь была очень дорогая, но Чейд поделился ею без колебаний. Было бы подло не помочь ему в ответ.

Я снова кивнул:

– Пойду в свою старую комнату и немного посплю.

Чейд ответил мне таким же кивком:

– Ты переутомился, Фитц. Позже, когда отдохнешь, напиши мне отчет о том, как ты пытался лечить Шута. Когда я хотел поговорить с тобой, тебя не то чтобы не было вообще... Казалось, это был не ты. Как будто исцеление поглотило тебя и ты сам стал Шутом. Или вы стали единым целым.

– Напишу, – пообещал я, хотя и сомневался, что смогу рассказать о том, чего не понимал сам. – А взамен попрошу еще свитков об исцелении Силой и о том, как можно ее одалживать. Те, что ты оставил, я уже прочитал.

Чейд кивнул, очень довольный моей просьбой, и бесшумно скрылся за гобеленом. Подойдя к кровати Шута, я убедился, что тот по-прежнему крепко спит. Я поднес ладонь к его лицу, боясь прикоснуться, чтобы не разбудить, но переживая, не привели ли мои усилия к тому, что его лихорадка усилилась. Но нет, жар явно спал, Шут дышал ровнее и глубже, чем раньше. Я отчаянно зевнул, выпрямился и потянулся. Последнее оказалось ошибкой.

Я с трудом сдержался, чтобы не закричать от боли во все горло. На долгую минуту я замер, потом осторожно повел плечами. Такого я никак не ожидал. Осторожно отлепив рубашку от спины, я задрал ее повыше и подошел к зеркалу. То, что я увидел, глубоко меня озадачило.

Сочащиеся кровью раны у меня на спине были намного меньше, чем у Шута. Они не воспалились и не гноились – просто семь аккуратных дырочек, словно кто-то несколько раз ткнул мне в спину кончиком кинжала. Судя по тому, как мало было крови, ранки были неглубокими. На мне все заживает удивительно быстро, так что к завтрашнему вечеру, наверное, от них не останется и следа.

Вывод лежал на поверхности: пытаюсь исцелить Шута при помощи Силы, я заполучил те же раны, что и у него. Вспомнив еще кое-что, я задрал рубашку на животе. И точно, на тех самых местах, где я заставил закрыться раны Шута, которые сам и нанес, у меня появились красные полосы. Я осторожно ткнул в одну из них пальцем и скривился – было не то чтобы больно, но неприятно. Мысли мои неслись вскачь в поисках объяснения. Получается, что, пытаясь поделиться с Шутом здоровьем, я добился того, что он поделился со мной своими ранами? А его раны теперь закрываются за счет того, что у меня открылись такие же?

Я одернул рубашку, подбросил в камин еще дров, подобрал камзол с множеством пуговиц и побрел вниз, в свою старую комнату. Оставалось надеяться, что разгадка отыщется в одном из манускриптов, которые обещал мне Чейд. А до тех пор лучше помалкивать о моих неприятностях, иначе Чейд непременно захочет провести уйму опытов с моим участием, что было бы очень некстати.

Когда я спустился в комнату и закрыл за собой потайную дверь, она слилась со стеной. Выглянув сквозь щелку между ставнями, я убедился, что поздний зимний рассвет уже не за горами. Я добавил полено в почти догоревшее пламя в камине, бросил свой роскошный, но потерявший всякий вид наряд на стул, переоделся в удобную и теплую шерстяную ночную рубашку лорда Фелдспара и подошел к кровати, в которой спал в детские годы. Слипаящимися глазами я оглядел комнату. Вон та трещина в штукатурке всегда напоминала мне медвежью морду. А ту царапину на потолке оставил я, когда отрабатывал удар боевым топором и не удержал его. Гобелен с королем Вайздомом и Элдерлингами заменили на другой, с изображением двух дерущихся оленей. Новый мне нравился больше.

Я глубоко вздохнул и лег в постель. Дом. После всех долгих лет это место по-прежнему оставалось для меня домом. И я провалился в сон под защитой надежных стен Оленьего замка.

Глава 5. Обмен сущностями

Я свернулся клубком в теплом и уютном логове. Я в безопасности. Я устал, и если резко пошевелиться, то дают о себе знать укусы на спине и шее. Но пока я лежу тихо, все хорошо.

Где-то далеко охотится волк. Волк-одиночка. Он издает противные придушенные звуки, полные отчаяния. Совсем не похоже на громкий вой волка, призывающего свою стаю. Одиночка отчаянно взвизгивает и коротко подвывает. Так воет хищник, который чувствует, что его жертва вот-вот ускользнет. Лучшие бы он охотился молча. Лучшие бы поберег дыхание для бега.

Он так далеко. Я сворачиваюсь плотнее в своем теплом логове. Я сыт и могу ничего не бояться, пока я здесь. Мне смутно жаль волка-одиночку. Я снова слышу его отрывистое подвывание и представляю, как холодный воздух царапает ему глотку, как волк скачет по глубокому снегу, вытягиваясь в прыжке, бросая свое тело сквозь ночь. Я хорошо помню, каково это, и на одно мучительное мгновение я сам становлюсь этим волком.

«Брат, брат, приди ко мне, давай охотиться вместе!» – умоляет он.

Он так далеко, что больше ничего я не могу разобрать.

Но я лежу в тепле, сытый и усталый. Я проваливаюсь глубже в сон.

Я проснулся спустя целую вечность с тех пор, как в последний раз охотился с волком. Некоторое время я лежал неподвижно, ощущая смутную тревогу: что меня разбудило? На кого нужно охотиться? Но потом мои ноздри уловили запах жареного бекона, горячих ореховых кексов и терпкого, бодрящего чая. Тут я мгновенно проснулся окончательно и сел в постели. Получается, Эш вошел, поставил поднос, разгреб угли в камине, подбросил дров, забрал мою грязную рубашку – и все это так тихо, что я даже не проснулся? При этой мысли меня пробрала дрожь. Когда я успел так расслабиться, чтобы не почувствовать, как кто-то входит в комнату? Такая безмятежность может дорого мне обойтись.

Ощупав спину, я обнаружил, что раны заживают, но кусачая шерстяная рубашка немного присохла к ним. Стиснув зубы, я отодрал ее, продолжая ругать себя за то, что так крепко спал. Ну ладно. Я просто слишком плотно поел, слишком много выпил и переутомился, исцеляя Силой, – тут кто угодно потеряет бдительность. Однако меня все равно грызла досада. Интересно, Эш доложит об этом Чейду? А старик, наверное, похвалит его... Может, они даже посмеются вместе...

Я встал, осторожно потянулся и велел себе отбросить детские обиды. Эш принес мне завтрак, а я и не заметил, только и всего. Глупо было бы просыпаться ради такого.

Я не думал, что сильно проголодаюсь к утру после вчерашнего пира, но стоило мне сесть за стол, как захотелось есть. Быстро управившись с завтраком, я решил провести Шута, а потом еще немного поспать. Попытки приложить Силу для исцеления вымотали меня куда больше, чем любая другая работа, какую мне доводилось делать в последнее время. Интересно, Шут чувствует такое же изнеможение?

Закрыв на засов обычную дверь, я воспользовался потайной и двинулся вверх по лестнице, обратно в мир, освещенный лишь пламенем свечей и очага. На верхней площадке я постоял, прислушиваясь. Гудело пламя, что-то побулькивало в котелке, ровно дышал Шут. Войдя, я увидел, что все следы вчерашнего вечера убраны, только на дальнем конце стола Чейда приготовлены свежие бинты и баночки с мазями и болеутоляющими снадобьями. Там же были и четыре манускрипта. Чейд всегда выполнял свои обещания.

Я постоял у постели Шута, разглядывая его. Он лежал на животе, приоткрыв рот. Лорд Голден был настоящим красавцем. С чувством утраты я вспоминал точеные черты его лица, его длинные золотые волосы и янтарного цвета глаза. Теперь его щеки избородили шрамы,

кожа вокруг глаз набрякла. От роскошной шевелюры мало что осталось: короткие, ломкие, как солома, пряди. Лорда Голдена больше не было. Но мой друг был со мной.

– Шут? – тихонько окликнул я.

Он то ли вскрикнул, то ли застонал, резко открыв слепые глаза, и выставил перед собой руку, защищаясь.

– Это всего лишь я. Как ты себя чувствуешь?

Он хотел ответить, но сильно закашлялся. Отдышавшись, Шут хрипло проговорил:

– Лучше. Кажется. Где-то болит меньше, где-то по-прежнему сильно, так что я даже не уверен, правда ли мне полегчало, или я просто привык к боли и меньше ее чувствую.

– Есть хочешь?

– Немного. Фитц, я не помню, чем закончился вчерашний вечер. Мы сидели за столом и говорили, а потом я вдруг проснулся в кровати. – Он осторожно протянул руку и нащупал полотно на поясице. – Что это?

– У тебя на спине лопнул нарыв. Ты потерял сознание, и, пока ты ничего не чувствовал, я промыл и перевязал рану. А заодно и еще несколько таких же.

– Они болят уже меньше. И их не так распирает изнутри, – признал он. Мне было больно смотреть, как он осторожно сползает на край кровати и встает, стараясь делать как можно меньше движений. – Ты не мог бы накрыть на стол? – тихо попросил Шут, и я понял, что он просит меня отвернуться, пока он приведет себя в порядок.

Под дребезжащей крышкой котелка оказался слой белых клецок на густом рагу из оленины и корнеплодов. Я узнал любимое блюдо Кетриккен. Неужели она лично выбирает, чем кормить Шута? Это было бы очень на нее похоже.

К тому времени, когда я накрыл на стол, Шут уже ковылял к своему креслу. Он двигался увереннее, чем накануне. Пусть он все еще ступал маленькими шаркающими шагами, опасаясь споткнуться, и ощупывал воздух перед собой дрожащей рукой, но моя помощь ему уже не требовалась. Он нашел кресло и опустился в него, стараясь не прислоняться к спинке. Пока его рука порхала над столом в поисках приборов, я тихо сказал:

– Когда поешь, хорошо бы обработать твои раны.

– Вряд ли тебе от этого будет так уж хорошо, да и мне оно вряд ли доставит удовольствие, но я уже не могу позволить себе отвергать такие предложения.

Его слова упали, словно камни в озеро молчания.

– Это верно, – сказал я. – Твоя жизнь по-прежнему висит на волоске, Шут.

Он улыбнулся. Улыбка больше не красила его – шрамы на лице сложились в гримасу.

– Если бы на кону стояла только моя жизнь, старый друг, я бы уже давно лег на обочине и помер.

Я ждал. Шут начал есть.

– Месть? – тихо спросил я. – Месть – не то, от чего стоит отталкиваться. Месть не отменит того, что с тобой сделали. Не восстановит разрушенного. – Я вернулся мысленно к тому, что было со мной много лет назад. Мне не очень хотелось делиться этим даже с Шутом, поэтому я говорил медленно, преодолевая сопротивление в себе. – Однажды я пил всю ночь, ворчал и кричал на тех, кто не мог меня слышать. – Я сглотнул тугой ком в горле. – А потом понял, что нельзя вернуться во времени назад и исправить то, что сделали с моей жизнью. Невозможно исцелить разбитое сердце. И простить тех, кто его разбил.

– Это совсем другое дело, Фитц. Молли и Баррич не хотели тебе зла. Они думали, что ты умер. А им надо было жить дальше.

Он откусил кусок клецки и тщательно прожевал. Отпил немного золотистого вина, прокашлялся.

– Как только корабль отошел достаточно далеко от берега, матросы сделали именно то, чего я опасался. Они забрали все, что показалось им ценным из нашего имущества. Прилкоп

потерял все маленькие кубики из камня памяти, который так старательно отбирал. Матросы понятия не имели, зачем они нужны. Большинство из них не могло слышать песни и истории, запечатленные в кубиках, а те, кто мог, боялись этих голосов. Капитан приказал выбросить все за борт. А потом нас заставили трудиться, как рабов. Они и собирались продать нас в рабство, как только доберутся до ближайшего рынка.

Я слушал молча, не шевелясь. Обычно Шут был неразговорчив, но сегодня слова так и лились с его губ. Может быть, он мысленно составлял этот рассказ, когда был один. А может, из-за слепоты чувствовал себя более одиноким и ему хотелось поделиться своими переживаниями?

– Я был в отчаянии. Прилкоп, насколько я мог видеть, крепнул день ото дня, тяжелый труд шел ему на пользу. Но я лишь недавно умер и воскрес. И теперь стремительно терял силы. Ночью, ежась от холода на палубе, открытой ветрам и дождю, я смотрел на звезды и утешался тем, что мы плывем в нужном направлении. «Мы не похожи на Белых Пророков, – говорил я себе, – но стоит нам сойти на берег, люди увидят, кто мы такие на самом деле. Надо только потерпеть».

Он отпил еще вина. Я замер, ожидая продолжения. Шут немного поел, потом наконец заговорил снова:

– И вот мы приплыли. Прилкоп оказался почти прав. Едва мы прибыли в порт, его купили с торгов, а я... – Он умолк. – Ох, Фитц, этот рассказ так выматывает меня. Я не хочу вспоминать. Плохое время. Но Прилкопу удалось найти кого-то, кто ему поверил, и не так уж много дней спустя он вернулся за мной. Они выкупили меня по дешевке, и его покровитель помог нам с Прилкопом добраться туда, куда мы так стремились. В Клеррес и нашу школу.

Он пригубил вино. Я гадал, о чем он умолчал. Что могло произойти с ним такого ужасного, если Шут даже не хотел это лишний раз вспоминать?

Он будто прочел мои мысли:

– Лучше я закончу историю побыстрее. Нет сил вдаваться в подробности. Мы прибыли в Клеррес и, когда наступил отлив, переправились на Белый остров. Наш покровитель помог нам добраться до самых ворот школы. Слуги, которые открыли нам, ошолбенели: они сразу поняли, кто перед ними. Нашего покровителя поблагодарили и вознаградили, а нас поспешно провели внутрь. Дежурным Слугой был сопоставитель Пьерек. Слуги проводили нас в Зал Записей и долго рылись в свитках и летописях, пока не нашли упоминания о Прилкопе. – Шут медленно покачал головой, словно заново переживая удивление. – Они пытались выяснить, сколько ему лет, но не смогли. Он был стар, Фитц, очень-очень стар – Белый Пророк, переживший свое время, время, когда он мог что-то изменить. Они были поражены. Но еще больше Слуги поразились, когда узнали, кто такой я.

Он слепо гонял еду по тарелке. Нашел и съел кусок клецки, затем ломоть оленины. Я думал, он нарочно растягивает паузу, чтобы усилить впечатление. Мне было не жаль подыграть ему.

– Я был Белым Пророком, которого они отвергли. Мальчиком, которому сказали, что он ошибся, что у нашего времени уже есть Белая Пророчица, отправившаяся на север, чтобы вызвать нужные перемены. – Шут вдруг шумно уронил ложку в тарелку. – Фитц, когда-то ты называл меня дураком, но я оказался еще хуже. Я был идиотом, бессмысленным, безмозглым... – Он сцепил пальцы и грохнул руками о стол, не в силах совладать со своим гневом. – Как мне могло прийти в голову, что они встретят меня иначе, чем с ужасом? После всех лет, что они держали меня в школе, запирали на замок, опаивали снадобьями, чтобы я преподносил им более ясные вещие сны... После того, как они долгие часы накалывали мне ее зловещие татуировки, чтобы я перестал быть Белым! После того, как они столько раз показывали мне десятки, сотни предсказаний, пытаясь убедить, что я не тот, кем твердо себя считал! Как после

всего этого я мог вернуться туда в уверенности, что они охотно признают свою неправоту? С чего я взял, что обрадуются мне, увидев, как чудовищно ошибались?

Он начал всхлипывать, еще когда говорил, и наконец разрыдался. Слезы текли из его слепых глаз, прокладывая извилистые русла среди шрамов на щеках. Отстраненный наблюдатель во мне заметил, что сегодня слезы чище и прозрачнее, чем накануне, и задался вопросом, не означает ли это, что мне удалось снять какое-то воспаление. Другой я, не настолько безумный, тем временем ласково говорил:

– Шут! Шут, все хорошо. Ты здесь, со мной. Они больше не смогут сделать тебе больно. Ты в безопасности. О, Шут, здесь тебе ничего не грозит. Здесь ты – Любимый.

Он ахнул, когда я назвал его старым именем. Перед этим он привстал из-за стола, но теперь рухнул обратно в кресло Чейда и уронил руки на стол, а голову на руки, не замечая ни кубка с вином, ни липких пятен на столешнице. И разрыдался, как ребенок. На миг в нем вновь разгорелся гнев, и Шут выкрикнул: «Я был такой глупец!», а потом опять захлебнулся рыданиями. Я дал ему выплакаться. Чем можно утешить человека в таком отчаянии? Плечи его содрогались, словно в судорогах. Потом всхлипывания сделались реже и тише и наконец прекратились, но Шут так и не поднял головы, когда заговорил снова.

– Я-то думал, они ошибались. Что они просто не знали, как все на самом деле. – Он всхлипнул в последний раз, перевел дыхание и выпрямился. – Фитц, они все знали. Они с самого начала знали, кто я. Знали, что я и есть истинный Белый Пророк. Бледная Женщина была их созданием. Они вывели ее, как любители голубей умудряются вывести птицу с белыми перьями на голове и хвосте. Или как вы с Барричем приводили статного жеребца к смиренной кобыле в надежде, что жеребенок унаследует их лучшие качества. Они вывели ее прямо там, в школе, и обучили ее, и скормили ей те предсказания и вещие сны, которые им подходили. Они вторгались в ее сны, подстраивая так, чтобы они служили им на пользу. А потом отослали ее в мир. А меня заперли в школе. – Шут снова уронил лоб на руки и затих.

Когда-то Чейд учил меня собирать целое из осколков. Он начинал с самого простого: бросал на пол тарелку, а я складывал ее, как мог. Постепенно задания усложнялись. Тарелка падала, и я должен был сложить осколки мысленно. Потом Чейд стал вручать мне глиняные черепки или обрезки кожи в мешке, и я должен был собрать из них миску или часть упряжи. Со временем он начал подбрасывать в мешок лишние, но похожие на нужные фрагменты. Все эти упражнения нужны были, чтобы я научился представлять целостную картину по нескольким разрозненным фактам и слухам.

Так что теперь мой разум привычно складывал мозаику из осколков сведений – кусочек за кусочком становился на место, и мне казалось, я слышу шорох, с которым черепки ложатся один к другому. Рассказ посланницы о том, что у нее забрали детей, подошел к словам Шута о том, что Слуги разводят Белых Пророков. Белый народ, наделенный способностью провидеть будущее, исчез много лет назад. Так сказал мне Шут, когда мы оба еще были детьми. По его словам, Белые начали создавать семьи с обычными людьми, их пророческая кровь становилась все жиже в каждом новом поколении, и в конце концов стали рождаться дети, вовсе не похожие на Белых и даже не подозревающие о своих предках. И лишь изредка волею случая на свет появляется ребенок, унаследовавший черты и способности Белых. Шут был одним из таких детей. Ему повезло – его родители сразу распознали в нем Белого. Они знали, что в Клерресе есть школа, где таких детей учат записывать свои сны и видения будущего. Там есть огромная библиотека с записями всевозможных пророчеств. Слуги школы изучают эти свитки, чтобы знать, как может сложиться будущее мира. И родители еще ребенком отдали Шута в эту школу, чтобы там его научили использовать свой пророческий дар на благо всех людей в мире.

Но Слуги не поверили, что он настоящий Белый Пророк. Об этой части его жизни мне было известно немного. Шут и раньше говорил, что ему долгое время не давали покинуть школу, когда он почувствовал, что уже готов отправиться в большой мир и повернуть будущее

в нужную сторону. В конце концов Шут сбежал, чтобы исполнить предназначение, в которое верил.

А теперь выясняется, что школа и вовсе была отвратительным местом. Я помогал Барричу скрещивать собак и лошадей, чтобы добиться нужных признаков у потомства. Я знал, как это делается. Жеребенок от кобылы белой масти и такого же жеребца не обязательно родится белым. Но если он все же будет белым, то можно случить его с белой кобылкой – возможно, даже от тех же родителей, – и их потомство уже почти наверняка будет белым. Поэтому король Шрюд при желании мог иметь сколько угодно светлых лошадей для своей стражи. Баррич следил, чтобы среди его табуна не было слишком тесного кровосмешения, иначе жеребята стали бы рождаться хромыми или уродливыми. Он бы стыдился, если бы такое случилось из-за его небрежности.

А Слуги – они настолько же щепетильны? Едва ли. Должно быть, они просто берут детей с белой кожей и бесцветными глазами, растят и получают от них потомство. У некоторых из родившихся от таких связей проявляется пророческий дар. Слуги используют этих детей, чтобы заглядывать в грядущее и понимать, как малые и большие события могут его изменить. Из рассказов Шута выходит, что они занимаются этим уже много поколений – вероятно, все началось еще до его рождения. Так что к сегодняшнему дню у Слуг накопилось немало сведений о том, каким может быть будущее. Будущее ведь можно изменять не только во благо всего мира, но и ради процветания самих Слуг. Гениальный замысел, ничего не скажешь. Гениальный и подлый.

Я сделал следующий логический ход:

– И как же бороться с теми, кто знает все твои шаги наперед?

– О! – Шут чуть ли не обрадовался моему вопросу. – Быстро ты ухватил самую суть. Я и не сомневался, что ты поймешь. Я еще не выдал тебе последние кусочки головоломки, а ты уже сложил ее. Однако ты ошибаешься: они не знают. Они не предвидели моего возвращения. Почему? Почему они опустили до пыток, чтобы вызнать, что мне известно? Потому что меня создал ты, мой Изменяющий. Ты сделал из меня человека, живущего за пределами любого когда-либо предсказанного будущего. Я покинул тебя, потому что знал, сколь много мы значим, будучи вместе. Мы и так оказались в мире, будущее которого скрыто от меня, и я боялся, что вдвоем мы можем навредить этому миру – не по своей воле, конечно. Вот почему я ушел, зная, что это оставит в твоём сердце рану не менее глубокую, чем та, что разверзлась в моем. Я был слеп и не понимал, что мы уже сделали то, чего я опасался.

Он поднял голову и обратил ко мне незрячее лицо:

– Мы ослепили их, Фитц. Я разыскал тебя, потерянного наследника Видящих. Почти во всех вариантах будущего, которые мне открывались, ты или не появлялся на свет, или погибал. А я знал, знал наверняка, что если мне удастся провести тебя невредимым через все опасности, ты станешь Изменяющим, который заставит судьбу мира свернуть на лучшую дорогу. И ты сделал это. Шесть Герцогств уцелели, каменные драконы поднялись в небо, злобная магия «перековки» осталась в прошлом, и настоящие драконы вернулись в мир. И все благодаря тебе. Каждый раз, когда я спасал тебя от гибели, мы меняли мир. Но Слуги знали, что все это может случиться, хотя, по их расчетам, вероятность такого будущего была ничтожна. И когда они послали Бледную Женщину в мир, а меня, настоящего Белого Пророка, заперли в Клерресе, то успокоились, решив, что теперь-то уж все точно обернется к их пользе.

Но мы переиграли их. А потом ты совершил немыслимое, Фитц. Я умер. Я знал, что умру. Все пророчества, которые я читал в библиотеке Клерреса, все вещие сны и видения предсказывали мою смерть на Аслевджале. И я умер там. Но нигде, ни в одной свитке из их кладеза пророчеств, никто и никогда не провидел, что меня вернут из-за порога смерти.

Это все изменило. Ты взял мир за шкирку и перебросил его в неисследованное будущее. Слуги бредут теперь ошупью, гадая, чем отзовется каждый их шаг. Они ведь планируют даже

не на десятилетия, а на поколения вперед. Раньше они знали, когда и отчего могут умереть, и потому жили очень долго. А теперь мы лишили их большей части этого могущества. Лишь те Белые, кто родился после моей «смерти», иногда видят будущее. Раньше Слуги чувствовали себя хозяевами будущего, теперь оно темно для них. А больше всего на свете они боятся настоящего Белого Пророка этого нового поколения. Они не знают, где он, знают только, что он где-то есть и неподвластен им. И они хотят заполучить его как можно скорее, пока он не разрушил все, что они выстроили.

Он говорил страстно, звенящим от убежденности голосом. А я не смог скрыть улыбку:

– Выходит, ты изменил их мир. Теперь ты – Изменяющий, не я.

Лицо его застыло. Он уставился в пустоту – казалось, Шут видит сквозь бельма нечто далекое и недоступное мне.

– Неужели такое возможно? – проговорил он в изумлении. – Неужели это и есть то, что когда-то явилось мне во сне, то будущее, где я не был Белым Пророком?

– Этого я тебе сказать не могу. Может, я больше и не твой Изменяющий, но и пророком я точно не сделался. Идем, Шут. Пора обработать твои раны.

Несколько мгновений он сидел неподвижно и молча. Потом все же согласился:

– Хорошо.

Я проводил его на другой конец комнаты, к рабочему столу Чейда. Шут сел на лавку, и его руки запорхали, ощупывая стол и лекарства.

– Я помню это, – тихо промолвил Шут.

– За столько лет тут почти ничего не изменилось. – Я осмотрел его спину. – Из твоих ран все еще сочится гной. Я наложил кусок полотна, но он пропитался насквозь, и ночная рубашка присохла к коже. Я отмочу ткань теплой водой и заново всё промою. Пойду принесу тебе чистую рубашку и поставлю греться воду.

Когда я вернулся с тазом воды и сорочкой, то увидел, что Шут расставил мази на столе.

– Лавандовое масло, судя по запаху. – Он тронул первый горшочек. – А тут медвежье сало с чесноком.

– Хороший выбор, – одобрил я. – А вот и вода.

Шут зашипел, когда я смочил ему спину тряпицей. Дав свежим струпьям немного отмокнуть, я спросил:

– Быстро или медленно?

– Медленно, – сказал он.

И я начал с самой нижней гноящейся раны, в опасной близости от позвоночника. К тому времени, когда я с великой осторожностью отлепил ткань, по лбу Шута градом катился пот.

– Фитц, – сказал Шут. – Давай лучше быстро.

Его узловатые пальцы вцепились в край стола. Я не стал отрывать рубашку одним рывком, а сделал это постепенно, не обращая внимания на его крики и стоны. В какой-то момент Шут не выдержал, ударил кулаком по столу, уронил руку на колено и уперся лбом в каменную столешницу.

– Уже все, – сказал я, закатав рубашку ему на плечи.

– Как они выглядят? Плохо?

Я придвинул подсвечник с несколькими свечами поближе и внимательно осмотрел его спину. Как страшно он все-таки отощал – позвонки отчаянно выпирали из-под кожи. Раны зияли, но крови не было.

– Раны чистые, но пока не закрылись. Нам и не надо, чтобы они сейчас закрывались – пусть сначала заживут в глубине. Придется еще немного потерпеть.

Шут не издал ни звука, пока я втирал лавандовое масло. Когда я добавил к маслу медвежьего сала с чесноком, смесь получилась не самая благоуханная. Обработав все раны, я приложил к спине Шута чистый кусок полотна и прилепил его при помощи того же сала.

– Вот чистая рубашка, – сказал я. – Постарайся не потревожить ткань на спине, когда будешь переодеваться.

И я отправился на другой конец комнаты, где стояла кровать. Кровь и гной испачкали простыни. Надо будет оставить Эшу записку, чтобы принес чистое белье. Хотя умеет ли мальчик читать? Наверняка. Даже если мать не научила его, чтобы он помогал ей в делах, то Чейд уж точно первым делом позаботился, чтобы новый ученик освоил грамоту. А пока я сделал, что мог, – перевернул подушки и расправил простыни.

– Фитц? – окликнул меня Шут.

Он по-прежнему сидел у стола для опытов.

– Я здесь. Просто перестелил тебе постель.

– Из тебя вышел бы хороший слуга.

Я промолчал. Неужели он пытается насмехаться надо мной?

– Спасибо, – добавил он. И чуть погодя: – Чем займемся теперь?

– Ну, ты поел, раны мы обработали. Наверное, теперь ты хочешь немного отдохнуть?

– Честно говоря, я ужасно устал отдыхать. Так устал, что уже ни на что не способен, кроме как дойти до кровати.

– Тебе, наверное, очень скучно тут одному.

Я стоял, не двигаясь с места, и смотрел, как Шут, спотыкаясь, ковыляет к постели. Он не хотел, чтобы я помогал ему.

– Скучно... Ах, Фитц, знал бы ты, как это замечательно – скучать. Бывало, я долгими, бесконечными днями гадал, когда за мной явятся, какую пытку придумают на этот раз и сочтут ли нужным дать мне воды и еды до или после... Стоит вспомнить об этом, как скучный день становится желаннее самого веселого праздника. А по пути сюда я страстно мечтал, чтобы моя жизнь стала предсказуемой. Чтобы знать, добрый человек мне встретился или он на самом деле жесток, знать, будет ли чем утолить голод завтра, удастся ли найти сухое место для ночлега. Эх...

Шут уже подошел довольно близко и вдруг остановился. На его лице промелькнули такие чувства, что у меня защемило сердце. Он не хотел делиться этим со мной.

– Кровать тут, слева от тебя. Вот так, да, ты ее нащупал.

Он кивнул и ощупью двинулся вдоль постели. Я откинул одеяла, чтобы он мог лечь. Шут присел на краешек, мимолетно улыбнулся и сказал:

– Такая мягкая... Фитц, ты не представляешь, какое это утешение для меня – спать в мягкой постели.

Он стал укладываться, медленно и осторожно. Его манера двигаться напомнила мне Пейшенс на закате ее дней. Даже чтобы просто засунуть ноги под одеяло, у него ушло некоторое время. Свободные пижамные штаны задрались, открыв тощие икры и раздутые суставы. Мой взгляд упал на его левую ступню, и меня передернуло. Ее и ступней-то уже было не назвать. И как он сумел столько пройти?

– Я опирался на палку.

– Но я же ничего не сказал вслух!

– Ты издал такой еле слышный звук... Ты всегда так делаешь, когда видишь, как кому-то больно. Царапину на морде Востроноса. Или меня в тот раз, когда мне надели на голову мешок и избили.

Он повернулся на бок и неуклюже потянулся скрюченной рукой к одеялу. Ни слова не говоря, я помог ему укрыться.

Шут помолчал с минуту, потом сказал:

– Спина уже болит не так сильно. Что ты с ней сделал?

– Промыл и обработал раны.

– А еще?

«К чему увиливать?» – решил я.

– Когда я прикоснулся к тебе, чтобы очистить лопнувший нарыв, я... на время стал тобой. И подтолкнул твое тело к тому, чтобы оно быстрее исцелилось.

– Надо же, как... – Шут замялся, подбирая слово, – интересно.

Я думал, он разозлится. Я ждал грома и молнии. А увидел всего лишь осторожный интерес. Это заставило меня признаться:

– Не только интересно, но и немного страшно. Шут, раньше, когда я помогал кому-то исцелиться при помощи Силы, это всегда было очень трудно. Нелегко проникнуть в чужое тело и заставить его напрячься ради исцеления. Порой это невозможно сделать в одиночку, нужен весь круг магов. Поэтому меня пугает то, как легко я мысленно погрузился в тебя. Что-то тут не так. И еще странно, как легко мне удалось пронести тебя сквозь столп Силы. Ты ведь забрал связывающие нас отпечатки с моего запястья много лет назад. – Я изо всех сил постарался сказать это без упрека в голосе. – Сейчас я и сам не понимаю, как я мог быть настолько безрассудным, чтобы войти в камень с тобой на руках.

– Безрассудным... – тихо повторил он и засмеялся. – Наверное, жизнь моя висела на волоске.

– Да. Я думал, что вычерпал всю силу Риддла, чтобы пронести тебя сквозь камень. Но потом, когда мы оказались здесь и я увидел, как сильно ты исцелился, это заставило задуматься. Возможно, силы Риддла ушли не только на дорогу.

– Не только, – твердо сказал он. – Я не могу это доказать, но чувствую, что прав. Фитц, много лет назад ты вернул меня с того света. Ты отыскал мою душу и поместил ее в себя, а сам проник в мое мертвое тело и безжалостно заставил его вернуться к жизни. Так возница нахлестывает лошадей, чтобы они вытащили увязшую в болоте повозку. И почти столь же бесцеремонно ты поставил под угрозу не только наши с тобой жизни, но и жизнь Риддла, чтобы принести меня сюда.

Я опустил голову, понимая – он говорит это, не чтобы похвалить меня.

– Когда мы вернулись каждый в свое тело, мы прошли друг сквозь друга. Ты помнишь это? – спросил Шут.

– Немного, – уклончиво ответил я.

– Немного? Когда это произошло, мы на миг отчасти смешались.

– Нет. – На сей раз лгал Шут. Настало время сказать правду. – Я запомнил это иначе. Это неправда, что между нами просто на время исчезла грань и мы отчасти смешались. Я помню, что мы стали едины. Мы были не два независимых существа, между которыми немного размылась граница. Мы были части единого целого, наконец-то слившиеся, занявшие свое место. Ты, я и Ночной Волк. Мы были одним.

Он не видел меня и все же отвернулся, словно я заговорил о чем-то слишком интимном. Потом чуть наклонил голову, сдержанно подтверждая мою правоту.

– Так бывает, – тихо проговорил он. – Слияние сущностей. Ты видел, что из этого может выйти, хотя, возможно, не понимал, что к чему. Я так точно не понимал. Помнишь гобелен с Элдерлингами в твоей комнате?

Я покачал головой. Впервые я увидел этот гобелен еще ребенком. Он у кого угодно мог бы вызвать ночные кошмары. На нем король Вайздом, правитель Шести Герцогств, торжественно принимал Элдерлингов – высоких и стройных созданий, чьи глаза, волосы и кожа были окрашены в странные, неестественные цвета.

– Не думаю, что это как-то связано с тем, о чем сейчас речь.

– Еще как связано! Элдерлинги – это то, какими могли бы стать люди, если бы долго жили рядом с драконами. Точнее, обычно так выглядят их потомки – те из них, кому удастся выжить.

Я не понял, к чему он клонит.

– Когда-то давно ты пытался убедить меня, что я сам отчасти дракон.

Сквозь усталость на его лице проступила улыбка.

– Это ты так сказал, не я. Ты подобрал не самые точные слова, но в целом правильно понял, что я хотел сказать. Дело в том, что, размышляя о некоторых свойствах Силы, я заметил в них много общего со способностями драконов. Что, если талант к определенной магии проявляется в людях, на чьих предках лежал, так сказать, отпечаток драконов?

Я вздохнул и отказался от попыток что-то понять.

– Не знаю. Я даже не очень понимаю, о каком «отпечатке» ты говоришь. То есть, может быть, ты и прав, но какое это отношение имеет к нам с тобой?

Шут заворочался в постели.

– Вот странно: я страшно устал, а сна ни в одном глазу...

– Вот странно: ты сам начал разговор, а теперь пытаешься уйти от него.

Он зашелся в приступе кашля. Я решил, что он прикидывается, но все равно принес ему воды. Помог сесть и подождал, пока Шут напьется. Когда он закончил, я взял кружку и стал ждать. Просто молча стоял у постели с кружкой в руках и ждал. Потом не выдержал и вздохнул.

– Что? – с напором спросил Шут.

– Ты сам-то знаешь то, о чем отказываешься говорить со мной?

– Еще как знаю.

Это было почти как в старые добрые времена, и тон у Шута был таким довольным, что я почти не обиделся. Почти.

– Я имел в виду то, о чем мы говорили только что. То, что нас связывает. Почему я могу пронести тебя сквозь камни Силы и почти без усилий проникнуть в твое тело, чтобы исцелить его?

– Почти?

– После этого я почувствовал себя очень усталым, но, думаю, дело в исцелении. Это на него ушли мои силы, а не на то, чтобы объединиться с тобой.

Про то, что стало с моей спиной, я решил пока умолчать. Я думал, Шут заподозрит, что я недоговариваю, но он медленно произнес:

– Возможно, это потому, что мы и так едины. Мы всегда были одно.

– Ты говоришь про то, как нас связывает Сила?

– Нет. Ты не слушаешь меня. – Он вздохнул. – Вспомни об Элдерлингах. Если человек долгое время живет в обществе драконов, он рано или поздно начинает перенимать некоторые их черты. Мы с тобой, Фитц, делили общество друг друга долгие годы. Мы были очень близки. А когда ты исцелил, а точнее, вырвал меня из когтей смерти, мы растворились друг в друге. Мы перемешались. И возможно, ты прав, мы на время стали единым существом. И возможно также, что мы так до конца и не разделились. Мы не стали снова каждый сам по себе, как тебе показалось тогда. Возможно, мы с тобой обменялись сущностями.

Я глубоко задумался над этим:

– Сущностями? То есть кровью? Плотью?

– Да не знаю я! Может быть, мы обменялись чем-то куда более важным, чем кровь.

Некоторое время я молчал, стараясь выделить из его слов главное.

– Ты понимаешь, почему это произошло? – спросил я. – Это нам чем-то грозит? Стоит ли пытаться исправить то, что случилось? Шут, мне нужно знать.

Он повернулся ко мне, набрал полную грудь воздуха, собираясь заговорить, но потом передумал и выдохнул. Я видел, что он погрузился в размышления.

Потом Шут заговорил нарочито простыми словами, словно с ребенком:

– Если человек долго живет рядом с драконом, то сам становится похож на дракона. Если посадить рядом белые и красные розы, на красном розовом кусте появятся белые бутоны. Возможно, Изменяющий, сопровождая Белого Пророка, перенимает некоторые его черты. Может быть, и Белый Пророк, как ты сказал, перенимает что-то от Изменяющего.

Я вглядывался в его лицо в поисках шутовской усмешки. Я ждал, что он вот-вот сострит насчет моего легковерия.

Наконец я не выдержал и взмолился:

– Объясни же!

Он снова глубоко вздохнул:

– Я устал, Фитц. Я рассказал тебе о своих предположениях так ясно, как мог. Как я понял, ты думаешь, что мы становимся или были когда-то «одним», как ты изящно выразился. Я же думаю, что наши сущности просочились друг в друга, образовав мост между нами. Или, может быть, это все отголоски той Силы, что когда-то связывала нас. – Он опустил свою бедную голову на подушки. – Мне не спится. Я устал до полного изнеможения, а спать не могу. Зато страдаю от скуки. Мне так наскучили эта боль, темнота и ожидание...

– Ты ведь только что говорил, что скука...

– Прекрасна. До ужаса.

Что ж, по крайней мере, он постепенно становился похож на себя прежнего.

– Если бы я только мог развеять твою скуку... Увы, тут я мало чем могу тебе помочь.

– Ты уже немало помог. Моя спина теперь болит гораздо меньше. Спасибо тебе.

– А сейчас, боюсь, мне придется на время оставить тебя одного, Шут. Я должен явиться к Кеттриккен в обличье лорда Фелдспара из Высокой Кручи.

– Тебе нужно идти прямо сейчас?

– Да, надо ведь еще переодеться, чтобы выглядеть, как положено лорду, удостоившемуся личной аудиенции. А ты постарайся пока отдохнуть.

И я скрепя сердце отвернулся от него, понимая, как мучительно будет тянуться для Шута время в одиночестве. Он всегда был непоседливым, никогда не сидел на месте. Жонглер, акробат, фокусник с проворными пальцами, столь же ловкий, сколь и смекалистый, он волчком вертелся при дворе короля Шрюда, всегда оставаясь в самой гуще веселья, которое кипело в Оленьем замке, когда я был ребенком. Теперь его лишили зрения, ловкости и гибкости, оставив лишь неизбежную боль и мрак.

– Благодетель Прилкопа выкупил меня у «хозяина» – по оскорбительно низкой, надо сказать, цене. Обращался он с нами очень хорошо. Это был не аристократ, но весьма состоятельный землевладелец. Нам невероятно повезло, что он знал, кто такие Белые Пророки.

Шут умолк. Он знал, что я остановился, заинтригованный его рассказом. Интересно, который уже час? В вечных сумерках этой комнаты без окон легко потерять счет времени.

– Мне надо идти, – напомнил я.

– Правда? – насмешливо протянул он.

– Да.

– Ладно.

Я повернулся, чтобы уйти, но Шут продолжил:

– Десять дней мы провели в его доме, восстанавливая силы. Нас хорошо кормили. Наш покровитель дал нам новую одежду, а потом сам отправился в Клеррес, став нашим возницей. Путешествие на повозке заняло около месяца. Иногда мы ночевали под открытым небом, иногда попадались постоянные дворы. Мы с Прилкопом очень переживали из-за того, что наш благодетель не жалеет ради нас ни денег, ни времени, но он всегда отвечал, что почитает за честь помочь нам. Мы преодолели горный перевал, где было почти так же холодно и ветрено, как зимой в Баккипе, а за ним дорога шла все вниз и вниз. Запах деревьев, росших в этих краях, был знаком мне, как и названия цветов на обочинах. Когда же мы прибыли в Клеррес, оказалось, что он очень вырос с тех пор, как я покинул его. Прилкоп и вовсе был поражен тем, что деревушка, которую он помнил, превратилась в величественный город с башнями и садами, окруженный высокими стенами.

Школа процветала и несла процветание городу: ее служители за деньги изучали пророчества, давая советы торговцам, девушкам на выданье и корабелям. Отовсюду стекались желающие встретиться с Главным Слугой и рассказать ему свою историю. Они платили пошлину, и если Главный Слуга считал их достойными, им позволялось переправиться на Белый остров. А один из младших служителей старался разыскать среди пророчеств упоминания чего-либо, касающегося именно той сделки, свадьбы или поездки, о которой проситель желал посоветоваться... Но я забегаю вперед.

Я скрипнул зубами. Оставалось только признать, что Шут победил.

– На самом деле ты вернулся назад в своем рассказе, и сам это знаешь. Шут, мне ужасно интересно, что было дальше, но я должен идти. Нельзя опаздывать на прием.

– Как скажешь. – А когда я сделал несколько шагов к двери, он добавил: – Главное, чтобы к тому времени, когда ты вернешься, у меня еще оставались силы говорить.

– Шут! Ну зачем ты так со мной?

– Тебе правда интересно зачем? – В голосе его снова послышались знакомые насмешливые нотки.

– Да.

Он ответил, и голос его прозвучал уже мягче и серьезнее:

– Затем, что, когда я поддразниваю тебя, тебе становится легче.

Я обернулся к нему, чтобы возразить... Но свет от пламени в очаге так упал на его лицо, что я прикусил язык. Шут в эту минуту нисколько не походил на друга моей юности. Скорее, на грубо вырезанную деревянную куклу, изображавшую Шута, которого я знал когда-то. На потрепанную и исцарапанную, но по-прежнему любимую игрушку. Свет выхватил из полумрака шрамы на его лице, глаза, будто нарисованные серой краской, соломенные волосы. Я не смог вымолвить ни слова.

– Фитц, мы оба знаем, что я иду по лезвию ножа. И вопрос не в том, упаду я или нет, а в том, раньше я упаду или позже. Ты помогаешь мне удерживать равновесие и оставаться в живых. Но когда я умру, а это, боюсь, будет уже скоро, то умру не по твоей вине. И не по своей. Ни тебе, ни мне не обмануть этой судьбы.

– Я останусь, если хочешь.

Я выбросил из головы все мысли об аудиенции, о долге вежливости перед Кетриккен и долге благодарности перед Чейдом. Кетриккен поймет, а Чейд переживет.

– Нет. Нет, спасибо. Мне вдруг наконец-то захотелось поспать.

– Я вернусь, как только смогу.

Глаза Шута были закрыты – возможно, он уже спал. Я тихо вышел из комнаты.

Глава 6. Одаренная

Удалившись во внутренние герцогства, Регал Претендент бросил прибрежные на произвол судьбы. Сил герцогов Бернса, Шокса и Риппона хватало лишь на то, чтобы оборонять собственные земли от нападений красных кораблей; о том, чтобы сообща противостоять врагу, они и не помышляли. Герцог Бакка, кузен Регала, не обладал подлинной властью. Назначенный Регалом хранить трон на время его отсутствия, этот марионеточный правитель не мог стать возждем, который объединил бы знать.

Именно тогда стало расти влияние леди Пейшенс, вдовы наследного принца Чивэла. Сначала она продала драгоценности, чтобы заново оснастить и починить корабли Бакка, а после и вовсе истратила почти все свое состояние на помощь крестьянам и горнякам. Кроме того, леди Пейшенс призывала младшую знать собирать собственные армии для борьбы с захватчиками.

Так обстояли дела в Шести Герцогствах перед возвращением королевы Кетриккен. Огромный дракон принес ее и менестреля королевы, Старлинг Бердсонг, прямо на башню Оленьего замка. Королева была тогда беременна будущим наследником трона, и король Верити препроводил ее в безопасные земли Элдерлингов, после чего вновь присоединился к своему драконьему войску. Вместе с воинами-Элдерлингами, восседающими верхом на могучих драконах, он отправился обратно на битву с красными кораблями. Мало кто видел возвращение короля, и если бы сама королева Кетриккен не рассказала, как все произошло, а менестрель Старлинг Бердсонг не подтвердила бы клятвенно истинность ее слов, то появление королевы могло бы показаться чудом. Когда в небесах над Бакком закружились сверкающие драконы, это зрелище повергло людей в ужас. Однако королева заверила подданных, что бояться не нужно: это истинный король Верити привел драконов, чтобы защитить народ Шести Герцогств от врага.

В тот же день драконы прогнали красные корабли от берегов Бакка и разлетелись по всему побережью. И прежде чем настало второе полнолуние после возвращения короля, они полностью очистили наши земли от захватчиков. Многие воины и отважные мореплаватели рассказывали, как драконы появлялись в небесах сверкающими искрами, искры эти быстро росли, и вскоре уже огромные создания обрушивались на врага, обращая красные корабли в бегство.

Так и получилось, что Кетриккен из принцессы Горного Королевства превратилась в законную королеву, вернувшуюся, чтобы занять трон. Леди Пейшенс оставалась рядом с ней до конца войны, помогая советом. За эти месяцы ей удалось полностью передать бразды правления новой королеве. К тому времени, когда родился наследный принц, в правах королевы Кетриккен на трон уже никто не сомневался.

Краткая история королевской власти в Шести Герцогствах

Спустившись по лестнице, я закрыл за собой потайную дверь, выглянул в щелку между ставнями – и ужаснулся. Оказывается, пока я говорил с Шутом, утро давно миновало. Я все еще был в ночной рубашке, неумытый и небритый, а между тем, возможно, уже пропустил время аудиенции у Кетриккен. К вящей моей досаде, в комнате опять успел побывать Эш – поворошил дрова в камине и разложил на стуле новый наряд лорда Фелдспара. Каштановый паричок был бережно расчесан, к нему прилагалась новая шапка. Похоже, за время жизни с матерью-куртизанкой Эш успел научиться по крайней мере исполнять обязанности слуги. Я помнил, что запер дверь. Интересно, Чейд дал мальчишке ключ или тот воспользовался отмычкой? Замок в этой комнате был не из тех, что легко открыть без ключа. Стараясь поменьше

отвлекаться на подобные мысли, я быстро умылся, побрился и обработал царапины от поспешного бритья.

Когда я снимал рубашку, на одной из ранок у меня на спине треснула корка. Я облачился в длинную блузу и кричаще-яркий жилет лорда Фелдспара. Оставалось надеяться, что все эти разноцветные полосатые ткани знать носит только по случаю Зимнего праздника. Подумать страшно, если теперь так ходят каждый день. Рейтузы оказались относительно удобными, а в жилете я обнаружил не меньше шести потайных карманов с разными зловещими приспособлениями. На то, чтобы нацепить парик с припиленной к нему нелепой шапчонкой, ушло больше времени, чем мне бы хотелось, однако я понимал, что дать маху с ними нельзя. Я несколько раз ущипнул себя за нос и потер его, чтобы добиться нужной красноты, а немного сажи из камина и капля воды помогли сделать брови чернее. А вот с дурацкими остроносыми туфлями на высоком каблуке оказалось сложнее – стоило мне надеть их, как ноги свело жестокой судорогой. Разувшись, я походил по комнате, пока мышцы не расслабились, снова надел ненавистные туфли, тихо помянув Чейда недобрым словом, вышел из комнаты и запер за собой дверь.

Пока я спускался по лестнице, ногу сводило еще дважды. Ценой героических усилий я не сбился с шага и ничем не выдал, как мне хочется запрыгнуть на одной ноге. В комнате, которая теперь служила залом для аудиенций Кетриккен, раньше была гостиная королевы Дизайер, где она проводила время со своими фрейлинами. Я знал об этом с чужих слов – эта женщина не желала меня видеть, тем более в своих личных покоях. Постаравшись выбросить из головы остатки детских страхов, я приблизился к высоким дубовым дверям. Двери были закрыты. Рядом на скамьях ожидали страждущие добиться внимания короля, подольстившись к его матери. Я устроился на краешке мягкой скамьи и стал ждать. Вот двери открылись, и юная аристократка вышла, а девочка, одетая в белую с пурпуром ливрею паж, со скучающим видом проводила внутрь следующего в очереди. Когда она вернулась, я назвал ей свое имя и стал ждать дальше.

Вообще-то, я надеялся, что меня допустят вне очереди, однако Кетриккен оставалась верна традициям Горного Королевства: каждого в свой черед принимали, выслушивали и проводили обратно. Я сидел, удерживая вежливую и полную надежды мину, а стопу тем временем вновь и вновь стискивали спазмы. Когда девочка-паж наконец пригласила меня пройти в зал, мне стоило немалых усилий последовать за ней, не хромя. Но вот дубовые двери закрылись за моей спиной, и я позволил себе улыбнуться. В зале был уютный камин, несколько удобных кресел и низкий стол с разложенными вокруг него подушками. Кроме него, тут и там красовались разномастные столики, заставленные дорогими и причудливыми вещами из всех Шести Герцогств и даже из дальних стран. Кто-то мог бы подумать, что Кетриккен выставила их напоказ, желая похвастаться своим богатством, но я-то знал, что она не видит никакого проку в обладании вещами. Кетриккен считала, что было бы неправильно просто выбросить все эти дары от многочисленных аристократов королевства и посланцев чужих земель. Поэтому она хранила их в этом зале, расставив в беспорядке на видных местах, хотя ей, выросшей в Горном Королевстве, было бы привычнее и спокойнее в строгой обстановке, лишенной всяких излишеств. Бегло оглядев это собрание диковин, я склонился в поклоне перед Кетриккен.

– Можешь идти, Каридж. Скажи поварам, что можно подавать закуски мне и моим гостям. И еще передай мастеру Дара Уэбу, что я готова встретиться с ним, когда ему будет удобно.

Я стоя дождался, пока девочка покинет зал. Потом Кетриккен устало махнула мне рукой в сторону кресел, и я с благодарностью опустился в одно из них. Бывшая королева, поджав губы, внимательно оглядела меня и поинтересовалась:

– Это ты сам решил так вырядиться, Фитц, или опять пляшешь под дудку Чейда?

– Лорд Чейд позаботился обо всем, но я охотно согласился, поскольку решил, что это будет благоразумно. Под личиной лорда Фелдспара, вашего гостя на Зимнем празднике, я могу спокойно ходить по Оленьему замку, и никто при виде меня не упадет в обморок.

– За все эти годы я должна была бы привыкнуть к подобным уловкам. Но чем дальше, тем больше мне хочется открыть миру правду. Я мечтаю, как однажды, Фитц Чивэл Видящий, мы расскажем всем, кто ты такой, и воздадим тебе почести за долгие годы верной службы. Однажды ты по праву займешь место подле Дьютифула как его наставник и защитник.

– Прошу вас, только не это! – взмолился я.

Кетриккен снисходительно улыбнулась и придвинула свое кресло чуть ближе ко мне.

– Ну хорошо. А как поживает твоя дочка? Умница Би?

– Умница Би... – повторил я, онемев от изумления.

– Так пишет Лант в своих отчетах для Неттл. Последняя весточка от него пришла пару дней назад. Для Неттл было большим облегчением узнать, как хорошо идет учеба у ее сестренки. Лант пишет, что в некоторых науках, например в чтении и письме, ему почти что нечему учить Би.

– По-моему, Би очень талантливая. Но ведь все отцы так говорят о своих дочерях, – добавил я, наступив на горло родительской гордости.

– Некоторые отцы и правда гордятся своими дочерьми. Надеюсь, ты один из них. Успехи сестры очень удивили Неттл – она-то опасалась, что Би будет отставать от сверстников. Меня тоже порадовали эти вести. И заинтересовали. Я боялась, что бедное дитя не протянет долго, и уж совсем не ожидала от нее таких успехов. Думаю, нам стоит привезти ее в замок, чтобы я могла сама взглянуть на нее.

Кетриккен сплела пальцы, положила на них подбородок и стала ждать моего ответа.

– Может быть, в следующий раз, когда соберусь в Олений замок, я возьму ее с собой? – предложил я.

Про себя я молился, чтобы бывшая королева не уловила ужаса в моем голосе. Би слишком маленькая, слишком непохожая на других, чтобы везти ее ко двору! Я опасался быть полностью откровенным с Кетриккен.

– Так ты не собираешься задерживаться у нас надолго?

– Только до тех пор, пока Шут не окрепнет достаточно, чтобы можно было попробовать исцелить его Силой.

– По-твоему, это произойдет так скоро, что твоя малышка не успеет соскучиться по папе?

Ох уж эта Кетриккен! Я боялся встречаться с ней взглядом.

– Вряд ли настолько скоро, – признал я.

– Тогда надо послать за Би прямо сейчас.

– Но погода уж больно неподходящая для путешествия...

– Что верно, то верно. Однако в удобной карете и в сопровождении моей личной стражи твоя девочка, думаю, доедет благополучно. Даже несмотря на вьюги и метели. Уверена, они смогут останавливаться на ночь в приличных гостиницах.

– Вижу, вы все продумали.

Кетриккен так посмотрела на меня, что я понял: возражений она не потерпит.

– Да, продумала. – И, поставив точку в этом разговоре, она сменила тему: – Как поживает лорд Голден?

Я хотел было покачать головой, но спохватился и только пожал плечами. Если у Кетриккен были планы на Би, то и я кое-что задумал, пусть и растерялся, когда она заговорила о моей малышке.

– Уже лучше. Он вымылся, согрелся и наконец-то смог поесть вдоволь. Некоторые из его недугов, те, что полегче, уже понемногу отступают. Однако он по-прежнему ближе к порогу смерти, чем к выздоровлению.

На миг на лице Кетриккен отразился ее истинный возраст.

– Я едва узнала его. Если бы ты не сказал, что это он, я бы не догадалась. Фитц, что с ним произошло? Кто его так искалечил?

Стоит ли делиться с ней историей Шута? Хотел бы он этого?

– Я все еще пытаюсь разговорить его, – ответил я.

– Когда мы с ним расстались много лет назад, он собирался вернуться туда, где его учили.

– Так он и сделал.

– И его учителя ополчились на него.

Проницательность Кетриккен не переставала меня удивлять.

– Насколько я знаю, да. Леди Кетриккен, вы же помните, каким скрытным всегда был Шут.

– Он таким и остался. Теперь ты, конечно, предложишь мне навестить его самой. Так я и сделаю. На самом деле я уже несколько раз приходила к нему, но он спал. Однако мне было бы гораздо легче, если бы вы с лордом Чейдом не запрятали его в ваше старое логово. Я уже старовата, чтобы пробираться по тайным норам. Да и ему было бы лучше в комнате, где светло и можно проветрить.

– Он боится, что враги найдут его даже здесь, в стенах Оленьего замка. Думаю, Шуту спокойнее спится там, где он теперь. Что же касается света, то в нынешнем состоянии он не отличает свет от тьмы.

Кетриккен содрогнулась, словно мои слова пронзили ей сердце, и отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы.

– Не могу выразить, как горько мне это слышать, – проговорила она сдавленным голосом.

– Я понимаю.

– Если ли надежда, что Сила?..

Я и сам хотел бы это знать.

– Не могу сказать. Он очень слаб. Если в попытке вернуть ему зрение мы слишком истощим его, он может умереть. Надо действовать очень осторожно. Сейчас он спит и ест вдоволь, набирается сил, и его здоровье уже пошло на поправку. Когда он окрепнет, можно будет попытаться его исцелить.

Она резко, с силой кивнула:

– Да, прошу тебя! Но, Фитц, что произошло? Зачем кому-то понадобилось так мучить его?

– Они думали, он пытается что-то утаить от них.

– Но что?

Я молчал, не в силах решить, стоит ли быть с ней до конца откровенным.

Кетриккен снова обратила лицо ко мне. Слезы редко добавляют женщинам красоты. Ее нос и глаза были красными, голос звучал хрипло.

– Фитц, я имею право знать. Перестань изображать лорда Чейда. Что за тайну он хранил так преданно, что вытерпел такие муки?

Я уставился себе под ноги, сгорая от стыда. Она действительно имела право.

– Шут не хранил никакой тайны. Ему нечего было ответить своим мучителям. Они допытывались, где его сын. Мне он сказал, что и не подозревал ни о каком сыне.

– Сын... – Странное выражение промелькнуло на лице Кетриккен, словно она не могла решить, плакать ей или смеяться. – Означает ли это, что ты наконец-то разрешил загадку, которой когда-то озадачилась Старлинг? Выходит, Шут все-таки мужчина?

– Он тот, кто он есть. Очень скрытный человек.

Она посмотрела на меня, чуть склонив голову к плечу:

– Ну, если бы Шут родил ребенка, он бы это точно запомнил. Значит, он все-таки стал отцом, а не матерью.

Я чуть было не сказал, что стать отцом тоже можно по-разному. В голове у меня вихрем пронеслось воспоминание о том, как Верити позаимствовал мое тело, чтобы лечь с Кеттриккен и зачать наследника, а сам я провел ночь в его старческом естестве. Но я прикусил язык и отвел глаза.

– Я приду повидаться с ним, – тихо сказала Кеттриккен.

Я с облегчением кивнул. Кто-то постучал в дверь.

– Мне пора, – сказал я. – Должно быть, следующий гость уже заждался.

– Нет, останься. Следующий гость пришел не только ко мне, но и к тебе.

Я не слишком удивился, когда девочка-паж провела в зал Уэба. Он остановился у дверей, а две юные служанки, обойдя его, внесли подносы с закусками. Пока они расставляли блюда и приборы на низком столике, мы молча смотрели друг на друга. Уэб нахмурился было, увидев мой наряд, – теперь-то он понял, почему гость, виденный мельком на празднике, показался ему знакомым. Ему было не впервой видеть меня под чужой личиной. Пока он привыкал к моему облику, я, со своей стороны, рассматривал его.

Уэб сильно изменился со времени нашей последней встречи. Много лет назад умерла его чайка, Рииск, и он долгое время оставался один, не спеша обзаводиться новым побратимом в Даре. Потеря оставила на нем глубокий след. Когда умер мой волк, мне казалось, что я лишился половины своей сущности. И в теле, и в душе образовалась зияющая пустота. И ту же пустоту я чувствовал в Уэбе, когда они со Свифтом, братом Неттл, приезжали навестить нас с Молли в Ивовом Лесу. Птичий блеск исчез из его глаз, Уэб ходил, словно придавленный к земле. За считанные месяцы он постарел на несколько лет.

Но сейчас он вошел, расправив плечи, и его взгляд заметался по залу, подмечая каждую мелочь. Перемена была явно к лучшему, Уэб словно вновь почувствовал, что значит быть молодым. Я невольно улыбнулся и спросил вместо приветствия:

– Кто она?

Уэб встретился со мной взглядом:

– Не она, а он. Его зовут Соар, он почти совсем еще птенец. Пустельга.

– Пустельга – хищник. Должно быть, непривычно для тебя.

Он покачал головой и ответил с той гордостью, с какой родители рассказывают о своих чадах:

– Нам обоим еще предстоит многому научиться друг у друга. Мы вместе всего несколько месяцев. Я словно начал новую жизнь, Фитц. Его зоркие глаза! А аппетит! А охотничий азарт! – И Уэб громко рассмеялся.

Я видел, что у него едва дух не перехватывает от восторга. Пусть в его волосах прибавилось седины, а на лице – морщин, его смех был юношеским.

На миг я позавидовал ему. Я еще помнил, какое это бесшабашное счастье, когда у тебя появляется новый зверь-побратим. Еще ребенком я без колебаний открыл свою душу щенку по кличке Востронос и провел то лето, воспринимая мир обостренными чувствами молодого пса. Потом был Кузнечик, щенок, с которым я связал себя узами Дара вопреки строгому запрету Баррича и здравому смыслу. Он умер, защищая моего друга. Оба этих пса были мне ближайшими товарищами, но лишь Ночной Волк по-настоящему проник в мою душу, окутал ее своей. Мы вместе охотились и вместе убивали – зверей на охоте, людей в бою. Он научил меня превозмогать как охотничий азарт, так и боль, разделенную с жертвой.

Стоило мне вспомнить о Ночном Волке, и зависти как не бывало. Никто не заменит мне его. Разве может появиться в моей жизни женщина, которая будет значить для меня столько же, сколько значила Молли? Разве сможет кто-нибудь стать мне другом, который будет знать меня так же близко, как знает Шут? Нет. Такое случается только раз в жизни.

– Рад за тебя, Уэб, – сказал я, когда ко мне вернулся дар речи. – Ты прямо стал другим человеком.

– Я и есть другой. И я сопереживаю твоему горю не меньше, чем ты – моему счастью. Как печально, что рядом с тобой не было побратима, чтобы разделить горечь потери.

Что тут скажешь?

– Спасибо, – тихо ответил я. – Это было тяжело.

Кетриккен не вмешивалась в наш разговор, но и не сводила с меня пытливых глаз. Мастер Дара опустил на подушку возле стола. Широко улыбнувшись бывшей королеве, он стал с интересом разглядывать кушанья.

Кетриккен улыбнулась в ответ:

– Прошу вас, давайте без церемоний. Чувствуйте себя как дома, друзья мои. Мне радостно видеть, как Уэб воспрянул духом. Жаль, ты пока не знаком с Соаром, Фитц. Я не утверждаю, что он заставит тебя задуматься о новом побратиме, но я после встречи с ним задумалась о собственном добровольном одиночестве. – Она сдержанно покачала головой. – Глядя, как ты страдаешь после гибели Ночного Волка, я говорила себе, что ни за что не хотела бы пережить подобную боль. И когда Уэб потерял Рииск, я уверилась, что эта доля не для меня. Я не смогла бы связать свое сердце с птицей или зверем, зная, что рано или поздно родная душа уйдет, а мне придется жить дальше. – Кетриккен говорила, глядя, как Уэб наливает нам чай, потом подняла глаза на меня. – Но теперь я вижу, как счастлив Уэб с Соаром, и думаю... Я так долго была одна. Годы идут, я не молодею. Неужели я сойду в могилу, сожалея, что так и не испробовала магию, живущую во мне?

Она умолкла, и между нами повисло молчание. Когда Кетриккен посмотрела мне прямо в глаза, я прочел в ее лице потаенную, перегоревшую уже обиду.

– Да, я Одаренная. И ты знал об этом, Фитц. Разве нет? Ты знал еще задолго до того, как я сама заподозрила у себя Дар. И ты знал, что это от меня Дьютифул унаследовал Дар, из-за которого в юности подвергся такой опасности.

Я заговорил, тщательно подбирая слова:

– Госпожа, по моему разумению, ваш сын мог унаследовать Дар как от вас, так и от отца. Да и так ли это важно, от кого он получил способности к этой магии? Даже в наши дни быть Одаренным может означать...

– Для меня это было важно, – глухо сказала она. – И важно по сей день. Это означает, что мне не мерещилось тогда, когда мы жили в горах... Что я и впрямь слышала Ночного Волка и могла говорить с ним. Если бы я знала, я бы дала ему понять, как много значила для меня его дружба...

– Он знал, – перебил я, бросившись в омут головой. – Не волнуйтесь, он все понимал.

Кетриккен глубоко вздохнула, едва сдерживая охватившие ее чувства. Лишь воспитание, полученное в Горном Королевстве, не позволило ей выругать меня на чем свет стоит.

Она тихо сказала:

– Иногда тому, кто благодарен, нужнее высказать благодарность, чем другому – услышать ее.

– Простите, – сказал я, понимая, как беспомощно это звучит. – Но у нас тогда было столько других тревог, и я почти не понимал природу Дара, да и на что способна Сила, представлял весьма плохо... Если бы я признался, что вы, может быть, обладаете магией Дара, чем бы это нам помогло? Я ведь не мог научить вас направлять Дар – я и сам этого тогда толком не умел.

– Понимаю, – отозвалась Кетриккен. – И все же, думаю, если бы ты признался, моя жизнь была бы полнее. И менее одинокой. – Последние слова она произнесла едва слышно.

Мне нечего было ответить на это. Она была права. Я знал, как жестоко страдает от одиночества Кетриккен с тех пор, как король Верити воплотился в каменного дракона и навсегда покинул ее. Может быть, если бы она связала себя узами Дара со зверем или птицей, ей было бы легче терпеть это одиночество? Возможно. Но мне никогда и в голову не приходило

признаться, что я чувствую в ней тихое биение Дара. Мне казалось, магия эта в Кетриккен так слаба, что вовсе не имеет значения. Не то что у меня – с самого детства Дар действительно заявлял о себе, вынуждая меня искать родную душу среди зверей.

Я пересек зал и сел на пол у низкого столика. Кетриккен подошла и села рядом с нами. Взяв чашку, она заговорила уже более спокойным тоном:

– Уэб считает, мне еще не поздно попробовать. Но и спешить не стоит.

Я кивнул и тоже отпил чаю. Неужели она для того и позвала меня, чтобы поговорить о Даре? Я не имел представления, куда эта беседа нас заведет.

Уэб поднял глаза на бывшую королеву:

– Дар должен приносить радость обоим. – Он взглянул на меня и продолжил: – Обязанности леди Кетриккен не позволяют ей часто покидать замок. Свяжи она себя узами с крупным или диким животным, им придется подолгу пребывать в разлуке. Вот я и посоветовал ей подумать о ком-то, кто сможет жить с ней рядом. Собака подошла бы. Или кошка.

– А может быть, хорек? Или попугай? – подхватил я, обрадовавшись, что разговор свернул на безопасную тему.

– Кстати, я хочу попросить тебя об одолжении, Фитц, – сказал Уэб. – Знаю, ты не согласишься, но все равно не могу не спросить. Кроме тебя, никто не сможет ей помочь.

Я испуганно покосился на Кетриккен – что такого могло ей от меня потребоваться?

– Нет, не леди Кетриккен, – уточнил Уэб.

Сердце мое упало.

– Тогда кто она и что ей от меня нужно?

– Она ворона. Если вы сможете прийти с ней к взаимопониманию, она скажет тебе, как ее зовут.

– Уэб, я...

Но он перебил меня, не дав возразить:

– Она осталась одна около шести месяцев назад. Ее прислали ко мне в надежде, что я смогу помочь. У нее врожденный изъян: когда она оперилась, оказалось, что кончики некоторых маховых перьев у нее белые. Собственная семья набросилась на нее и едва не заклывала насмерть. Ее нашел и выходил старый пастух. Восемь лет они были вместе. Недавно он умер, но перед смертью успел связаться со мной и отослать птицу ко мне.

Уэб умолк, ожидая вопроса, который неминуемо должен был возникнуть у меня.

– Она покинула своего человека, того, с кем была связана в Даре? – недоверчиво спросил я. Неужели такое предательство вообще возможно?

Уэб покачал головой:

– Старик не был Одаренным. У него просто было доброе сердце. И хвала Видящим, он смог отыскать людей Древней Крови и попросить, чтобы они позаботились о его подруге, нашли ей новый дом. Нет, не спеша с ответом, я еще не все рассказал. Вороны по своей природе нуждаются в обществе. Если ей придется жить в одиночестве, это сведет ее с ума. А из-за полосок на крыльях она не может прибиться к стае. Сородичи тут же ополчатся на нее за то, что она не такая, как все. И наконец, ей не нужен побратим-Одаренный, ей нужен всего лишь друг среди людей. Чтобы говорил с ней и защищал ее.

Я молчал, и Кетриккен добавила:

– Нам обоим кажется, что вы прекрасно поладите.

Я набрал было побольше воздуха для решительного ответа, но передумал. Я вдруг понял, почему Уэб не взял птицу с собой. И почему леди Кетриккен не смогла бы ходить по замку с вороной на плече. Вороны – падальщики, они кружат над полями брани; увидеть ворону считается дурной приметой. Это не та птица, что подойдет матери короля. Надо будет найти другого спутника для осиротевшей души.

Но вместо того, чтобы решительно отказаться от этой затеи, я сказал:

– Хорошо, я подумаю.

– Подумай, – одобрительно отозвался Уэб. – Даже простая дружба с птицей – уже радость. А вороны живут подолгу, некоторые даже доживают до тридцати лет. И, познакомившись с этой птицей, я сразу подумал, что вы с ней очень схожи характерами.

Вспомнив мнение Уэба относительно моего характера, я еще больше уверился, что не хочу иметь дела с этой птицей. Я найду ей спутника. Может, Толлермен Орясина будет не против, чтобы в его конюшне Ивового Леса поселилась ворона. И я молча кивнул.

Кетриккен и Уэб решили, что я сдался, и бывшая королева налила нам по чашке чая. Еще час мы говорили о старых временах. Уэб, возможно, чересчур увлекся, рассказывая про Соара, но мы с Кетриккен поняли и простили его слабость. А от этих историй разговор самым естественным образом перешел на Древнюю Кровь, на то, почему Дар Кетриккен так слаб и что это может означать. Что означал Дар для нее самой прежде, она за чаем рассказала нам более подробно, – когда-то Кетриккен потянулась при помощи магии к моему волку, и он услышал ее слабый зов. Его дружба поддерживала ее в те дни куда больше, чем я думал.

Потом, столь же естественно, как о чем-то обыденном, Кетриккен спросила, наделена ли Би Даром или Силой. Мне стало неуютно от ее вопроса, сам не знаю почему. Вообще-то, от Кетриккен и Уэба у меня почти не было секретов, однако Би почему-то сама по себе казалась секретом, которым я не хотел ни с кем делиться. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы ответить честно: насколько я знаю, моя дочь не обладает талантом ни к той, ни к другой магии; возможно, она способна, самое большее, улавливать мою Силу и Силу Неттл, однако в самой Би я Силы не ощущаю. И добавил, что в ее возрасте еще трудно сказать наверняка.

Уэб недоверчиво поднял бровь:

– Обычно Дар довольно рано проявляется в детях. Ты не замечал за ней попыток связать себя узами с каким-либо животным? Или что она особым образом понимает их?

Я покачал головой:

– Хотя, признаться честно, я постарался оградить ее от таких опасностей. Я-то знаю, что бывает, если свяжешь себя Даром в слишком юном возрасте, не имея наставника.

Уэб нахмурился:

– Неужели она никогда не сталкивалась с животными?

Я заколебался, пытаюсь угадать, какой ответ ему хотелось бы услышать, но заставил себя сказать правду:

– Она учится ездить верхом на лошади. Когда-то, когда она была совсем крохой, я уже пытался учить ее, но тогда сама мысль об этом, похоже, напугала Би. Однако недавно она снова стала учиться, и дела у нее идут хорошо. Не то чтобы она избегала животных. Кошек она любит. И овчарке нашего пастуха Би нравится.

Уэб слушал меня и медленно кивал. А потом сказал, глядя на Кетриккен:

– Когда девочка приедет, я бы хотел поговорить с ней. Если она унаследовала от отца Древнюю Кровь, то чем раньше мы начнем учить ее обращению с этой магией, тем лучше.

Кетриккен с серьезным видом кивнула, словно в ее власти было принимать такие решения. У меня возникло дурное предчувствие, но я решил до поры до времени промолчать. Только отметил про себя, что Уэбу известно о желании Кетриккен привезти Би в Олений замок. Интересно, с кем еще она это обсуждала? Надо будет потихоньку разузнать, кто подбросил ей эту идею...

Я непочтительно сменил тему беседы:

– А как обстоят дела с магией у принцев? Проявились ли у Проспера или Интегрита Дар или Сила?

Гладкий лоб Кетриккен пересекли морщины. Она глубоко вздохнула и заговорила, тщательно подбирая слова:

– Мы считаем, что у обоих принцев есть Сила, наследная магия Видящих. Однако талант к ней, судя по всему, у обоих невелик. – Она посмотрела на меня и каким-то странным образом – не подмигиванием, но едва заметным движением глаз – дала понять, что не хочет обсуждать эту тему в присутствии мастера Дара. Как видно, моя бывшая королева научилась быть осмоторительной и хранить свои тайны. Возможно, Олений замок заставил ее измениться не меньше, чем она сама изменила его.

Она перевела разговор на другое, и я не стал настаивать. Уэб, как всегда, говорил много, но и слушал внимательно. Я старался придерживаться безопасных тем, болтая о наших овцах, оранжереях и ремонте в доме, но он наверняка узнал из моих рассказов куда больше, чем я хотел сказать. Мы давно прикончили все закуски и остатки чая остыли в наших чашках, когда Кетриккен с улыбкой напомнила, что за дверью ожидают другие желающие поговорить с ней.

– Передай лорду Голдену, что я зайду к нему сегодня вечером. Боюсь, даже скорее ночью, потому что сегодня празднование поворота на весну продолжится. Но я приду, как только смогу, и надеюсь, он не очень расстроится, если я разбужу его. Если же он против, оставь мне записку, что лорд Голден хочет побыть один.

– Ему ужасно скучно лежать без сил. Думаю, он обрадуется вашему обществу.

Я решил, что Шуту будет полезно поговорить с Кетриккен.

Тут вмешался Уэб:

– Фитц, а когда ты сможешь заглянуть ко мне? Я хотел бы представить тебя птице. Не то чтобы меня тяготило ее общество, но Соар не очень доволен таким соседством...

– Понимаю. Я приду завтра утром, если только лорд Чейд не даст мне новых поручений. Возможно, мне придется провести весь день в Баккипе.

Я мысленно отругал себя за то, с какой неохотой согласился помочь Уэбу. Я приду к нему. И ворона наверняка сочтет меня неподходящим спутником.

Уэб улыбнулся в ответ:

– Великолепно! Я ей много о тебе рассказывал и делился мысленными образами при помощи Дара. Через пару дней мне пора будет в обратный путь – хорошо бы, чтобы вы с ней определились до этого. Ей уже не терпится с тобой познакомиться.

– Мне тоже, – вежливо ответил я.

На этом я раскланялся и покинул покои леди Кетриккен, гадая, задумывался ли когда-нибудь Риддл над тем, чтобы завести ручную птицу.

Глава 7. Тайна и ворона

Красные у берегов наших стоят корабли,
А Шрюд, наш славный король, телом и разумом слаб.
Юный бастард не зевал – предал он короля.
Злой силой и колдовством отнял он у людей
Владыку, в ком так нуждались они.
И Регала-принца лишил он отца, наставника, мудрой опоры.
Дорого же обошлась принцу его доброта.

И смеялся бастард. Убийца торжествовал,
Кровью покрытым мечом крепость он осквернил,
Что приютила его, жалкую жизнь сохранив.
Не было дела ему до великих сердец,
Что взрастили, вскормили и защищали его.
Лишь кровопролитие любо ему, но неведома верность —
Ни королю, ни стране.

В сердце сыновняя скорбь, бремя военных забот на плечах,
Принц, ныне король, всходит на отчий престол.
Братья погибли в бою или бежали;
Лег на чело Регала тяжкий венец.
И горевать, и защищать равно досталось ему.
Шрюда последний сын, верный и храбрый,
Стал королем разоренной врагами страны.

«Прежде отмщенье!» – усталый воскликнул король.
Герцоги и бароны под кровом его собрались
И дружно взмолились: «В темницу бастарда!»
И Регал
Честно исполнил свой долг.
В оковах коварный бастард, Хитроумный, Цареубийца.
Приняли холод и тьма ледяное сердце его.

«Узнайте, в чем сила его», – верным король повелел. И они
расстарались.
Словом и делом, дубьем и железом, тьмою и хладом сломили
предателя дух.
Ни благородства души, ни ума не явил он,
Лишь кровожадность и жалость собачью к себе.
И погиб он, Предатель, носитель Нечистого Дара,
Жизнью своей никому радости не принеся.
Смерть же его избавила нас от позора ходить с ним одною землей.

Келсу Искусные Пальцы, менестрель из Фарроу, «Тяжкий жребий короля Регала»³

Я ковылял в свою комнату, тихо проклиная неудобные туфли, от которых ноги так и болели. Сейчас проведу Шута, думал я, и придется снова надеть маску лорда Фелдспара. Сегодня вечером опять будет пир с музыкой и танцами. Тут я ощутил укол совести, вспомнив о Би. В попытке утешиться я напомнил себе: «Ревел непременно позаботится, чтобы Зимний праздник в Ивовом Лесу состоялся как полагается. И Шун уж точно не допустит, чтобы обошлось без пиршественного стола и гуляний». Вот только не забудут ли они позвать на праздник мою дочь? Я снова задумался о том, сколько еще ей придется обходиться без меня. Может, Кетриккен права и лучше послать за Би, чтобы ее привезли сюда?

Размышляя об этом, я прикусил губу. Лестница как раз привела меня на нужный этаж, я свернул в коридор и увидел, что возле моей двери стоит Риддл. Сердце мое радостно забилося при виде старого друга. Но когда я подошел ближе, оно упало: лицо Риддла было серьезным, а глаза – непроницаемы, словно он старательно скрывал свои чувства.

– Лорд Фелдспар, – с мрачным видом приветствовал он меня.

Я поклонился ему в ответ, постаравшись, чтобы поклон походил скорее на небрежный кивок – чуть дальше по коридору двое слуг добавляли масла в светильники.

– Что привело вас ко мне, любезный? – спросил я, подпустив в голос приличествующие моей роли нотки презрения к посыльному.

– Я принес вам приглашение. Позвольте зайти в ваши покои, чтобы зачитать его?

– Разумеется. Минуту.

Похлопав по карманам, я нашел ключ, отпер дверь и первым вошел в комнату. Риддл плотно закрыл за нами дверь. С облегчением сняв шапку и парик, я повернулся к нему, думая увидеть перед собой друга, сбросившего маску. Но он так и стоял у двери, словно и правда был всего лишь посыльным, и на лице его застыло мрачное выражение.

Я заставил себя сказать то, что должен был сказать, как бы неприятно это ни было:

– Прости, Риддл. Я понятия не имел, что делаю. Я думал, что делюсь с Шутом собственным здоровьем, и не собирался отнимать силы у тебя. Ты уже поправился? Как ты себя чувствуешь?

– Я здесь не из-за этого, – без выражения сказал он.

Сердце мое упало пуще прежнего.

– Тогда что случилось? Садись же! Хочешь, позову слугу, чтобы нам принесли поесть или выпить? – предложил я.

Я старался говорить с ним дружески, но видел по лицу, что Риддл запретил себе откликаться на мои любезности. Его трудно было винить.

Он пошевелил губами, потом набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул.

– Прежде всего, – начал он, и в голосе его, невзирая на дрожь, звучала решимость, – я должен сказать, что это не имеет к тебе никакого отношения. Ты имеешь право считать себя оскорбленным. Возможно, ты захочешь убить меня – что ж, можешь попытаться. Но ни ты, ни твое самолюбие, ни твое место при дворе, ни то, кто такая Неттл, ни мое низкое происхождение тут ни при чем.

По мере того как он говорил, маска бесстрастия таяла, голос его звучал все более пылко, лицо наливалось румянцем. Гнев и боль проступили в его глазах.

– Риддл, я...

³ Перевод Анастасии Кузнецовой.

– Помолчи! И послушай. – Он снова глубоко вздохнул. – Неттл беременна. Я не допущу, чтобы пострадала ее честь. Я не допущу, чтобы наш ребенок родился в бесчестье. Говори, что хочешь, делай, что хочешь, но Неттл – моя жена, и я не позволю, чтобы политика и тайны отравили нашу радость.

Тут я не выдержал и сел. Хорошо, что кровать была прямо у меня за спиной. Если бы Риддл со всей силы врезал кулаком мне под дых, и то было бы легче. Эхо его слов перекатывалось у меня в голове.

Беременна. Бесчестье. Жена. Отравили. Тайны.

Ребенок.

Наконец дар речи вернулся ко мне.

– Я стану...

Риддл скрестил руки на груди и с вызовом заявил, раздувая ноздри:

– Мне все равно, что ты станешь делать. Заруби это себе на носу. Делай, что хочешь, это ничего не изменит!

– ...дедушкой, – хихикнул я.

Риддл уставился на меня с недоверием. Я помедлил, стараясь привести мысли в порядок, и заговорил не слишком гладко:

– Деньги у меня отложены. Можете взять их все. Отправляйтесь как можно скорее, потом Неттл будет трудно путешествовать. Думаю, вам надо вовсе уехать из Шести Герцогств. Неттл – мастер Силы, ее слишком хорошо знают, чтоб вы могли...

– Мы никуда не поедem! – Его лицо окаменело от гнева. – Мы отказываемся уезжать! Мы поженились по закону...

Быть того не может...

– Но король же запретил!

– Король может запрещать все, что ему вздумается, но если мужчина и женщина поклялись друг другу в верности у Камней-Свидетелей в присутствии по меньшей мере двоих...

– Один из свидетелей должен быть менестрелем. И свидетели должны знать обоих супругов.

– Уж королева-то Шести Герцогств неплохо нас знает, – тихо сказал Риддл.

– Кетриккен? Я думал, Кетриккен – одна из тех, кто стоял за запретом вашего брака...

– Кетриккен – не королева Шести Герцогств. Королева – Эллиана. И там, где она выросла, женщина может стать супругой того, кого пожелает.

– Но вторым свидетелем должен быть менестрель... – Тут я осекся. Потому что вдруг понял, кто это был.

– Нед Счастливое Сердце, – негромко подтвердил мою догадку Риддл. От ухмылки его прямо перекосило. – Слышал о таком?

Мой пасынок. Он всегда был счастлив звать Неттл сестрой... Я поймал себя на том, что сижу, зажимая рот обеими руками. Я пытался думать. И так. Они поженились. Законно и в то же время тайно. Да, это вполне в духе Эллианы. Возможно, она сама не понимает, что, нарушив указ мужа, сделала нечто большее, чем просто утвердила свою веру в право женщины самой решать, за кого ей выходить. Или с кем ей спать, не заключая брака.

Я заставил себя оторвать руки от лица. Риддл стоял, подобравшись, будто ждал, что я вот-вот наброшусь на него с кулаками. Я заглянул себе в душу – хочется ли мне этого. Нет. Я не хотел поколотить его. Вообще не чувствовал гнева. Один лишь ужас.

– Король никогда не признает этого. И Кетриккен с Чейдом тоже. Ох, Риддл... О чем вы только думали? – В моем голосе горечь мешалась с радостью.

Ребенок... Ребенок, о котором так мечтала Неттл. Ребенок, который навсегда изменит их жизнь. Мой внук. И внук Молли.

– Дети случаются. Много лет мы были осторожны. И наверное, нам просто везло. А потом вдруг и осторожность, и удача оставили нас. И когда Неттл поняла, что беременна, она сказала мне, что твердо решила быть счастливой матерью. Любой ценой. – Риддл вдруг заговорил совсем другим тоном, и я наконец услышал голос своего старого друга. – Фитц... Мы с ней оба уже не молоды. Должно быть, это наша последняя возможность.

Любой ценой. Я очень живо представил, как Неттл произносит эти слова. Глубоко вздохнув, я попытался переосмыслить новости. И так... Все уже решено. Они поженились и ждут ребенка. Что толку теперь говорить, что рожать безрассудно, что безрассудно идти наперекор королю. Будем исходить из того, что есть.

А есть у нас двое своенравных глупцов, которым грозит страшная опасность.

– Что Неттл намерена делать? Пойти к королю и заявить ему, что она замужем и беременна?

Поймав взгляд Риддла, я прочитал в его темных глазах нечто вроде сожаления.

– Она рассказала только королеве Эллиане. Только мы четверо теперь знаем, что Неттл ждет ребенка. И лишь пять человек во всем белом свете знают, что мы с ней законные муж и жена. Неттл не поделилась новостью ни с кем, даже с братьями. Но королеве Эллиане она открылась. Королева вне себя от радости. У нее большие виды на ребенка. Она погадала Неттл, поводила над ее ладонью иглой, подвешенной на нити, и сказала, что будет девочка. В материнском доме Видящих наконец-то появится девочка. Настоящая нарческа.

Повисло долгое молчание.

– Ничего не понимаю, – признался я наконец.

– Еще бы. Я и сам сначала ничего не понял, когда они мне сказали. Прежде всего пойми, насколько близки сделались Неттл и королева Эллиана за эти годы. Они примерно ровесницы. Обе чувствовали себя чужими, когда прибыли в Олений замок – Эллиана приехала с Внешних островов, а Неттл была деревенской девчонкой, в одночасье сделавшейся придворной дамой. Когда Эллиана поняла, что твоя старшая дочь – троюродная сестра ее мужа, то объявила Неттл своей родственницей.

– Троюродная сестра мужа?

Риддл покачал головой:

– Женщина из ее нового материнского дома. – Увидев, что мое недоумение ничуть не рассеялось, он добавил: – Попробуй посмотреть на это глазами Эллианы. На Внешних островах род ведется по женской линии. Для нее было огромной жертвой приехать сюда и стать королевой Шести Герцогств. На родине она была бы нарческой своего материнского дома. Это то же самое, что королева. Но Эллиана отказалась от этой судьбы, чтобы спасти свою мать и младшую сестру и чтобы Внешние острова наконец заключили мир с Шестью Герцогствами. То, что они с Дьютифулом еще и полюбили друг друга, – просто удача. И ты ведь знаешь, как Эллиана горюет из-за того, что родила только двух сыновей. Что не родила дочери, которую могла бы послать на Внешние острова, чтобы та стала нарческой после того, как ее мать больше не сможет править.

– А как же Косси? Разве титул не должен был перейти к младшей сестре Эллианы?

Риддл снова покачал головой:

– Нет. Мы спасли жизнь Косси, однако здоровье ее так и не восстановилось. Она ведь провела почти два года в плену у Бледной Женщины. Два года голода, холода и издевательств. С возрастом она стала хрупкой, ломкой, как сухой прутик. И она явно не любит общество мужчин. У нее никогда не будет детей.

– Кажется, у Эллианы была еще двоюродная сестра...

– Которую и она, и ее мать сильно недолюбливают. Это еще одна причина, почему Эллиана так отчаянно хочет послать наследницу в свой материнский дом.

– Но ребенок Неттл вовсе не родня Эллиане!

– Если Эллиана говорит, что родня, значит так и есть. У них существует поговорка: «Мать сама признает свое истинное дитя». Поэтому на генеалогическом древе, нарисованном Эллианой, ты был бы сыном Пейшенс.

Тут уж я окончательно запутался.

– А это-то тут при чем?

Риддл улыбнулся.

– Вы, Видящие, – та еще порода, – сказал он. – Однако с точки зрения островитян вас можно только пожалеть. Вот уже много поколений в правящей семье не рождались девочки. Поэтому Эллиана задумалась о том, сохранились ли вообще потомки истинного материнского дома Видящих? В отчаянных попытках проследить родство по женской линии она заставляла самых дряхлых менестрелей до хрипоты петь родословные. Ты знаешь, кто такая королева Адаманта Непреклонная?

– Нет.

– Первым Видящим, кто заявил права на утесы Бакка, стал Тейкер Завоеватель. Сам он был с Внешних островов, но его считали там отщепенцем, поскольку он покинул свой материнский дом, чтобы основать новый здесь, на этой земле. Он выбрал себе жену из народа, который завоевал. Ее звали Адаманта. В истории она осталась королевой Адамантой Непреклонной.

– Допустим. – Я по-прежнему не понимал, к чему он ведет.

– По мнению Эллианы, Чивэл и Пейшенс были дальними кузенами. И он, и она вели свой род от королевы Адаманты, про которую в самых древних балладах поется, что у нее были «блестящие, словно медь, волосы и фиалковые глаза». Таким образом, ты по обоим родителям приходишь из материнского дома Видящих. А значит, Неттл можно считать полноправной нарческой Видящих. Дома, ставшего материнским домом Эллиане. То есть они теперь родня. И Неттл может родить наследницу для Эллианы.

Ее очень тревожит, – продолжал он, – что на протяжении многих поколений не рождалось ни одной девочки, чтобы освежить род. И в то же время успокаивает. Эллиана пришла к выводу, что во всем виноваты мужчины-Видящие – они не способны зачинать девочек в утробах своих жен. Много лет она винила себя в том, что смогла родить лишь двух сыновей. Много лет она знала и о том, кто настоящие родители Неттл. И теперь увидела возможность исправить несправедливость, взрастив ее дочь как нарческу. После того как дом Видящих столько лет не мог породить ни одной женщины, наконец-то появилась на свет Неттл – и что же? Вместо того чтобы чествовать, ее заставляют прятаться в тени. Ее не допускают к королевскому двору. Ее происхождение скрывают. Ее вообще привезли в Олений замок лишь тогда, когда в ней возникла нужда.

Я молчал. Возразить мне было нечего. Горько было слышать все это от мужа Неттл и моего друга. Я-то думал, что защищаю ее... Точно так же, как думал, что защищаю Би, не подпуская ее ко двору? От этой мысли мне стало неудобно.

Я попытался оправдать свой выбор:

– Неттл – внебрачная дочь внебрачного сына отрекшегося наследника престола, Риддл.

Он вспыхнул от гнева:

– Здесь – может быть. Но на Внешних островах наша дочь вполне может стать законной наследницей правящей семьи.

– И что же, вы с Неттл готовы пойти на это? Оставить Олений замок, королевский двор и уехать на Внешние острова?

– Чтобы моя дочь не росла бастардом? Да, я готов уехать.

Я поймал себя на том, что согласно киваю:

– А если родится мальчик?

Риддл тяжело вздохнул:

– Тогда и будем думать, что делать. Фитц, мы с тобой стали друзьями задолго до того, как я полюбил твою дочь. Я чувствую себя виноватым, что не пришел к тебе раньше. Что не рассказал о нашей свадьбе.

Я не колебался. За последние несколько дней у меня было достаточно времени, чтобы вспомнить, сколько раз судьба все решала за меня.

– Я не держу на тебя зла, Риддл.

Я встал и протянул руку. Мы схватили друг друга за запястья, и Риддл обнял меня свободной рукой.

Я шепнул ему на ухо:

– Я-то думал, ты пришел, чтобы отругать меня за то, как я вычерпал твою силу по пути сюда через камни.

Он отошел на шаг:

– О, я решил, пусть Неттл сама разбирается. Если она еще не спустила с тебя шкуру одними только словами, то еще спустит. Не знаю, чем все это закончится, Фитц, но хочу сказать: я всегда старался поступать по совести.

– Знаю. Сколько тебя помню, ты был таким, Риддл. И как бы ни повернулось дело, я буду на вашей с Неттл стороне.

Он напряженно кивнул, потом глубоко вздохнул, подошел к стулу, который я предложил ему в самом начале разговора, опустил на него, переплел пальцы и устался на них.

– Ты хотел поговорить еще о чем-то, и разговор ожидался трудный, – догадался я.

– Би. – Выдавив ее имя, Риддл снова тяжело вздохнул и надолго умолк.

Я снова сел на кровать:

– Я помню, что ты сказал в таверне, Риддл.

Он вдруг резко вскинул на меня глаза:

– И с тех пор ничего не изменилось, Фитц. И выводы все те же. Неттл говорит, это не моя забота, она хочет сама поговорить с тобой. Но это и моя забота. Даже не будь я твоим зятем, я все равно твой друг и как друг должен сказать: Фитц, ты должен перестать держать ее при себе. Ее надо привезти сюда, в Олений замок, где за ней будут как следует присматривать, будут учить ее. Так надо, и ты сам это понимаешь.

Может, он прав? Прикусив язык, чтобы сдержать резкий ответ, я стал перебирать в памяти события прошедшего месяца. Сколько раз я обещал себе, что впредь буду лучшим отцом для Би? И каждый раз у меня ничего не получалось. Сколько раз мне приходилось оставлять Би, чтобы заняться делами, которые грозили обернуться катастрофой? Я заставил свою девятилетнюю дочь вместе со мной прятать тело и скрывать следы убийства – пусть она и не знала, что это я убил посланницу. Впервые я задумался о том, насколько опасно для Би, если преследователи до сих пор разыскивают бледную девушку. А что, если наемные убийцы явятся по душу Шун или Фитца Виджиланта? Чейд доверил мне заботу об этих двоих, считая, что я сумею защитить их. А я без раздумий бросил всех, чтобы отнести Шута в Олений замок. Мне даже в голову не пришло, что, если убийцы проникнут в мой дом, Би окажется в опасности. В прошлый раз Шун пытались отравить – тогда вместо нее погиб поваренок. Неуклюжая попытка. А если следующая будет умнее? В Зимний праздник двери Ивового Леса распахнутся для самого разного люда. Вдруг убийца, чтобы уж наверняка отравить Шун, решит подсыпать яд не в одно блюдо?

Почему я до сих пор не задумывался об этом?

– Я потерял хватку, – тихо сказал я. – Я не могу защитить ее.

Риддл посмотрел на меня удивленно:

– Я говорю о том, каков из тебя отец, Фитц, а не стражник. Не сомневаюсь, что ты способен защитить жизнь Би. Но кто-то должен позаботиться о том, чтобы она вела нормальную жизнь, которую ты так стараешься сохранить. Дать твоей дочери образование и возможности,

приличествующие ее положению. Научить ее манерам, научить одеваться, ввести в общество. Она – дочь леди Молли и помещика Баджерлока. Будет совершенно правильно, если она приедет ко двору и некоторое время поживет со своей сестрой.

Он был прав. Но...

– Я не могу отослать ее.

Риддл встал, расправил плечи и заговорил со всей твердостью:

– Так не расставайся с ней. Приезжайте вместе, Фитц. Возьми себе новое имя и возвращайся в Олений замок. Би суждено быть здесь, и тебе тоже. И ты сам это знаешь.

Я молча смотрел в пол. Не дождавшись моего ответа, Риддл заговорил мягче:

– Прости, Фитц. Но ты и сам знаешь, что мы правы.

Он тихо вышел, и, когда за ним закрылась дверь, я задумался о том, чего ему стоило решиться на этот разговор. Мы были знакомы так давно... Сначала Риддл был кем-то вроде шпиона Чейда и телохранителем, когда требовалось прикрыть мне спину. Постепенно он стал верным товарищем, мы через многое прошли вместе. Потом он стал ухаживать за моей дочерью. Скоро он станет отцом моей внучки или внука. Как странно... Я не раз доверял ему собственную жизнь. И теперь у меня нет выбора, мне придется доверить ему не только счастье моей дочери, но и судьбу их будущего ребенка. Я сглотнул. А Би? Ведь я оказался ей плохим отцом.

Если я позволю Неттл и Риддлу заботиться о Би, я смогу отправиться в путь, чтобы отомстить за Шута.

От этой предательской мысли меня чуть не вырвало.

Я вскочил. Не было сил думать об этом сейчас. Я старался как мог, но не хватало времени. Или не хватало меня. Стараться – это одно, а делать – совсем другое. «Ах, Молли...» – произнес я вслух и тут же прикусил язык. Я понимал, что ответ существует, но не мог его найти. Пока не мог.

Пора провести Шута. Я подошел к окну и выглянул наружу. По моим ощущениям, близился вечер. Какой насыщенный вышел день! Кетриккен оказалась Одаренной. Она проявляет интерес к Би. Уэб хочет, чтобы я взял под свою опеку ворону. Я скоро стану дедушкой, возможно даже, дедушкой нарчески. А Риддл считает, что я плохой отец, и хочет забрать у меня мое дитя.

Когда я уже повернулся к лестнице, то ощутил мысленное присутствие Неттл – она словно потянула меня за рукав.

Риддл мне рассказал, – признался я. Изображать неведение не было смысла – она все равно уже почувствовала течение моих мыслей.

Так я и знала, что расскажет. Лучшие бы он предоставил это мне, но у него свои понятия о чести. И что, ты накричал на него? Сказал, что он опозорил твою дочь и тем самым тебя самого?

Конечно нет! – Ее язвительность больно ранила меня. – *Или ты забыла, что я сам бастард и на собственной шкуре знаю, что это такое, когда тебя считают свидетельством бесчестья твоего отца?*

А-а! Так вот почему ты всегда делал вид, будто я не твоя дочь.

Что?! Ты все неправильно поняла!

Или она права? Неуверенность окрасила мои мысли. Да, в словах Неттл была своя горькая правда.

Я просто пытался защитить тебя, – возразил я. – *Времена тогда были суровые. Если бы стало известно, что ты не просто дочь бастарда, но дочь того самого Бастарда-колдуна, что ты могла унаследовать мою «грязную магию»... Тебя могли и убить.*

И ты позволил Барричу зваться моим отцом.

С ним ты была в безопасности.

Это правда, – откликнулась она безжалостным тоном. – И ты был в безопасности, позволив всем поверить, что умер. И династия Видящих была в безопасности. Никакие бастарды не путаются под ногами законных наследников. Все в безопасности. Можно подумать, безопасность важнее всего на свете.

Я воздвиг между нами крепкую преграду, чтобы она не прочитала мои мысли. Я мог только догадываться, к чему клонит Неттл, но почему-то не сомневался, что мне это не понравится.

Так вот, моя дочь будет знать, кто ее родители! И кто ее дедушки и бабушки! Я позабочусь об этом, я сделаю это ради нее. И никто никогда у нее этого не отнимет!

Неттл, я...

Но она уже отстранилась, разорвала связь, и я не смог докричаться до нее.

Для старшей дочери я тоже оказался плохим отцом. Я позволил другому человеку вырастить ее и звать себя ее папой. Я позволил, чтобы Молли и Баррич считали меня мертвым. Все эти годы я твердил себе, что делаю это ради безопасности Неттл. А она чувствовала себя брошенной.

Я задумался о своем собственном отце, хотя редко вспоминал его. Мне даже ни разу не довелось посмотреть ему в глаза. Что я чувствовал, когда он бросил меня в Оленьем замке, предоставив заботам главного конюшего? Я уставился в пустоту. Почему я сам много позже обошелся со своей старшей дочерью точно так же?

Би... Еще не поздно стать хорошим отцом хотя бы для нее. Я знаю, где она теперь, и, если воспользоваться камнями Силы, я смогу добраться туда еще до сумерек. Да, это опасно, но ведь, когда я нес Шута, опасность была куда больше. Пройдет еще много дней, прежде чем он поправится достаточно, чтобы можно было снова попробовать исцелить его Силой. А пока я пойду домой, возьму Би и вернусь с ней в Олений замок. Нет, я не передам ее заботам Неттл, и сам я не останусь здесь насовсем. Просто, пока я вынужден торчать тут, заботясь о Шуте, Би должна быть рядом. Да, так правильно. Так я и поступлю.

В комнате наверху было темно, единственный свет исходил от пламени в очаге. Возле очага сидел в кресле Шут. Я чуть не спросил, почему он не зажжет свечи, но вовремя прикусил язык.

Услышав мои шаги, он повернулся ко мне:

– Тебе письмо. Лежит на столе.

– Спасибо.

– Его принес мальчик. Боюсь, когда он вошел, я как раз задремал. Я вскрикнул. Не знаю, кто из нас испугался больше.

– Мне жаль, что так вышло, – сказал я, стараясь обуздать мысли о собственных бедах. Совершенно ни к чему делиться ими с Шутом. Помочь он ничем не сможет, только почувствует себя виноватым, что из-за него мне пришлось оставить свою дочь одну.

Я заставил себя сосредоточиться на его словах, полных тревоги.

– А теперь я боюсь заснуть снова, – говорил Шут. – Раньше я не задумывался, что здесь бывают чужие люди. Они приходят и уходят. Я понимаю, что это необходимо. Но не могу перестать думать о них. Что, если они кому-нибудь расскажут? Станет известно, что я здесь. Это место делается небезопасным.

– Я зажгу свечи, – сказал я. На самом деле я хотел получше разглядеть его лицо: говорит он всерьез или шутит? Запалив первую свечу, я спросил: – Как ты себя чувствуешь? Лучше, чем вчера?

– Не могу сказать, Фитц. Я не могу сказать, когда было вчера, а когда – сегодняшнее утро. Когда – утро, а когда – ночь. Ты приходишь и уходишь. Я ем, испражняюсь, сплю. И

я боюсь. Наверное, это значит, что мне стало лучше. Раньше я мог думать только о том, как сильно болит все тело. Теперь боль немного отступила, освободив место для страха.

Я зажег вторую свечу от первой и воткнул обе в подсвечник на столе.

– Ты не знаешь, что сказать, – заметил Шут.

– Не знаю, – признался я и постарался на время забыть о собственных страхах, чтобы помочь Шуту. – Я знаю, что здесь тебе бояться нечего. Но знаю и то, что никакие слова не убедят тебя в этом. Шут, чем я могу помочь тебе? Что я могу сделать, чтобы тебе стало легче?

Он отвернулся и надолго замолчал. Потом сказал:

– Прочти письмо. Мальчишка выпалил, что оно важное, прежде чем удрать.

На столе лежал маленький свиток, скрепленный печатью Чейда для шпионских дел. Я сломал ее и развернул послание.

– Фитц... Неужели я правда выгляжу так ужасно? Когда я выпрямился в кресле и вскрикнул, мальчишка тоже закричал. Он орал, будто увидел полчище мертвецов, лезущих из могил с дикими воплями.

Я отложил свиток:

– Ты выглядишь как человек, который очень болен. Как человек, которого долго пытали и морили голодом. И у тебя... странный цвет кожи. Не смугло-золотистый, как во времена, когда ты был лордом Голденом, и не белый, как когда ты служил шутком у короля Шрюда. Ты стал серым. И из-за этого трудно поверить, что ты живой.

Он молчал так долго, что я вернулся к письму. Вечером ожидается еще одно празднование, последнее, а потом знать наконец разъедется по своим герцогствам. Королева Эллиана настоятельно зовет всех надеть свои лучшие наряды и прийти, чтобы отпраздновать поворот на весну. Лорд Чейд предлагает лорду Фелдспару отправиться в город и приобрести по такому случаю новый костюм. Он рекомендовал портного, из чего я заключил, что заказ уже сделан и наряд будет спешно сшит к моему приходу.

– Ты честный человек, Фитц. – Голос Шута звучал монотонно и глухо.

Я вздохнул. Может, напрасно я был с ним настолько откровенен?

– С чего бы я стал лгать тебе, Шут? Ты выглядишь ужасно. У меня сердце кровью обливается, когда я вижу тебя таким. Я утешаюсь только тем, что еда и сон помогут тебе окрепнуть. А когда ты окрепнешь, мы воспользуемся Силой, чтобы заставить твоё тело исправить все, что в нем сломано. Ни тебе, ни мне другой надежды не дано. Но это потребует времени. И терпения. Спешка до добра не доведет.

– У меня нет времени, Фитц. Точнее, у меня-то есть время поправиться или умереть. Но где-то, я в этом уверен, живет сын, которого мы должны защитить, прежде чем до него доберутся Слуги Белых. С каждым днем, с каждым часом угроза, что они уже завладели им, становится все больше. И каждый день, каждый час я думаю о сотнях людей, которых все еще держат в плену там, в далеком краю. Конечно, может показаться, что все это не имеет значения, это ведь так далеко, а мы здесь, в Оленьем замке, в Шести Герцогствах. Но это очень важно. Слуги используют этих людей не задумываясь, как мы запираем в курятнике птиц или сворачиваем шею кроликам. Они скрещивают их ради видений будущего, которые нужны им, чтобы знать все обо всем. Их совершенно не волнует, если дети рождаются слепыми или не могут ходить. Лишь бы были белыми и видели пророческие сны. Власть Слуг простирается и на эти земли, искажая время и меняя мир по их воле. Их необходимо остановить, Фитц. Ты должен отправиться в Клеррес и убить их всех.

Я ответил, не покривив душой:

– Всему свое время, друг. Всему свое время.

Он уставился на меня слепыми глазами так, будто я сказал что-то невыносимо жестокое. Потом подбородок его задрожал, Шут спрятал лицо в искалеченных ладонях и разрыдался.

Я ощутил сперва раздражение и почти сразу же – горькое чувство вины за эту досаду. Я ведь знал, какую муку переживает Шут. Я знал это на собственном опыте. Сколько раз кошмар, пережитый в темнице Регала, обрушивался на меня из прошлого, как девятый вал, стирая все, что было хорошего и благополучного в моей жизни, унося обратно в царство хаоса и боли...

Я помнил. Я пытался забыть это, и за последние десять лет у меня почти получилось. Досада на Шута на самом деле была потаенной болью.

– Не надо. Не заставляй меня вспоминать. – Слова предательски сорвались у меня с языка.

В ответ Шут разрыдался еще громче, как ребенок, потерявший последнюю надежду. Ничто не могло утешить его – он оплакивал время, которое не вернуть, и самого себя, каким больше не станет.

– Слезами горю не поможешь, – сказал я и сам удивился: зачем произнес эту бессмыслицу?

Я разрывался между желанием обнять друга и страхом. Страхом, что прикосновение лишь встревожит его, что оно заставит еще глубже сопереживать Шуту, разбередив мои собственные раны. Но я все-таки взял себя в руки и сделал те три шага, что были нужны, чтобы обойти стол и оказаться рядом с ним.

– Шут... Тебе нечего бояться. Знаю, тебе пока трудно поверить в это, но все страшное уже позади. Ты в безопасности.

Я погладил его по волосам, спутанным и жестким, как шерсть больного пса, прижал голову к своей груди. Шут схватился за мое запястье руками-клешнями и прижался еще сильнее. Я дал ему выплакаться. Больше я ничем не мог ему помочь. А я ведь собирался сказать ему, что отлучусь на несколько дней, чтобы забрать Би...

Нет. Не сейчас.

Шут успокоился очень не скоро, и даже когда рыдания его стихли, он долго еще дышал прерывисто и напряженно.

Наконец он неуверенно похлопал меня по запястью и сказал:

– Думаю, мне уже лучше.

– Пока нет. Но скоро станет.

– Ах, Фитц... – Он отстранился от меня и выпрямился в кресле, насколько мог. Покашлял, прочищая горло. – Ну, так что было в письме? Мальчишка сказал, оно важное. Это правда?

– И да и нет... Королева хочет, чтобы мы явились на последний пир в честь Зимнего праздника, разряженные в пух и прах, и мне придется отправиться в Баккип, разжиться новой одеждой.

Я невесело усмехнулся, представив, как пойду в город в облике и костюме лорда Фелдспара. Но только не в его туфлях. Ни за что! Не буду я ковылять в этих туфлях по обледенелой брусчатке, не дождетесь.

– Тогда тебе нужно идти.

– Да.

Мне не хотелось оставлять Шута одного в его темноте, но не хотелось и задерживаться рядом с ним, чтобы не заразиться отчаянием. Когда я поднимался по лестнице, то рассчитывал поделиться с ним новостями о Неттл – Шуту я мог доверить этот секрет. Но теперь эти слова не шли у меня с языка. Еще один потомок Видящих, появления которого Шут не предсказывал. От его рассказов о детях-уроках пробирала дрожь. Как после такого обсуждать с ним, что я скоро стану дедом? От таких новостей он только глубже погрузится в тоску. И уж совсем невыносимо было оставить его на шесть-восемь дней, чтобы съездить за Би. Но я могу согласиться, чтобы кто-нибудь привез ее сюда ко мне. Надо будет завтра поговорить об этом с Кетриккен. Вместе мы все уладим.

Долг дружбы есть долг дружбы. Сколько раз Ночной Волк сидел рядом со мной, когда я пытался потерять себя в напрасных попытках овладеть Силой? Как часто Нед приводил меня в нашу хижину и нарочно давал мне меньше одурманивающих снадобий, чем я требовал? И уж вовсе не хочется вспоминать о неделях и месяцах, когда Баррич помогал мне из волка вновь стать человеком. Мои друзья не бросили меня в беде. Я тоже не брошу Шута.

Но он может бросить меня. Он уже бросил. Шут с усилием встал из-за стола.

– Тебя ждут дела, Фитц. – Он повернулся и побрел к кровати так уверенно, словно к нему вернулось зрение.

Глядя, как он забирается в постель и натягивает на себя одеяла, я спросил:

– Ты точно хочешь побыть один?

Он ничего не ответил. Спустя какое-то время я понял, что ничего не дожусь, и почему-то расстроился. Десятки колкостей рвались у меня с языка. Шут представления не имел, чем я пожертвовал ради него. Но потом гнев ушел, и я порадовался, что промолчал. Я всегда старался, чтобы Шут не догадывался, от чего мне пришлось отказаться ради него.

Я мог лишь выполнять свой долг. Я спустился вниз, привел себя в порядок, нацепил личину лорда Фелдспара и, ощущая себя мятежником, переобулся в свои старые сапоги.

Зимний праздник знаменовал поворот на весну, дни становились длиннее, однако пока это еще вовсе не чувствовалось. Вчерашние тучи вывалили на землю все запасы снега. Небо было глубокого синего цвета, как юбки баккских красавиц, но у горизонта уже громоздились новые облака. Праздничные гирлянды на фасадах лавок и магазинов прихватило инеем. Утоптаный снег скрипел под ногами. Мороз отчасти развеял праздничное веселье, однако то тут, то там на улицах торговцы праздничными сладостями и игрушками громко нахваливали свой товар, пытаясь завлечь спешащих мимо прохожих. Мне попался унылый ослик с ледяными «усами» на морде, запряженный в тележку торговца жареными каштанами. Тот с трудом поддерживал огонь в жаровне и грел руки. Я купил дюжину каштанов, просто чтобы согреть замерзшие пальцы. В небе, как во все времена, с криками носились чайки. Вороны всей стаей пытались заклевать припозднившуюся сову. К тому времени, когда я добрался до улицы, где была портновская мастерская, нос у меня был таким красным, что Чейд бы zalюбовался. Щеки задубели, а веки смерзались каждый раз, стоило мне моргнуть. Я поплотнее завернулся в плащ и понадеялся, что новый наряд окажется не таким нелепым, как тот, что на мне.

Как раз когда я нашел нужный дом, чей-то голос окликнул:

– Том! Том! Том!

Я вовремя вспомнил, что меня теперь зовут лорд Фелдспар, и не обернулся. Но тут какой-то мальчик у меня за спиной крикнул приятелям:

– Смотрите, говорящая ворона! Она сказала «Том»!

Под предлогом, что меня взяло любопытство от его слов, я обернулся и посмотрел, куда показывал мальчишка. На вывеске на другой стороне улицы сидела неряшливая ворона. Она посмотрела на меня и снова пронзительно каркнула:

– Том! Том!

Не успел я ничего придумать, как на ворону спикировала другая, крича и норовя ударить клювом. И словно по команде, откуда-то появился еще десяток птиц, спеша присоединиться к травле. Несчастная жертва взлетела, и я увидел на ее крыльях белые перья среди черных. К моему ужасу, один из соплеменников набросился на нее прямо в воздухе. Бедная птица перекувырнулась и в отчаянии забилась под свес крыши у ближайшей лавки. Двое противников попытались добраться до нее там, но не смогли. Остальные расселись на карнизах и стали ждать. Чутье любителей затравить слабого подсказывало им, что рано или поздно жертве придется покинуть убежище.

И тогда, как это заведено у них, они заключают ее за то, что она не такая, как все.

«Ох, Уэб, во что ты меня втянул?» Я никак, ну совсем никак не мог взять на себя опеку над еще одной сиротой. Ей придется самой постоять за себя. Вот и все. А я буду надеяться, что она сумеет найти обратную дорогу. Только бы не оказалось, что Уэб послал птицу на мои поиски. Ожесточив свое сердце, я зашел в портновскую мастерскую.

Первой обновкой, представленной мне, оказался очень короткий плащ с капюшоном, отделанный несколькими слоями кружева в виде снежинок. Я подумал было, что портниха по ошибке достала женскую накидку, но она с мужем стала уговаривать меня примерить плащ и начала поправлять завязки. Потом они принесли манжеты для рукавов и штанов. При виде моих вызывающе немодных сапог портниха скорчила гримасу, но согласилась, что для такой погоды они, пожалуй, подходят. Я заверил ее, что надену кружевные манжеты на праздник со своими лучшими туфлями с бубенчиками на мысках, и сердце портнихи смягчилось. Мальчишка, которого прислали сделать заказ, оставил и деньги за него, так что мне оставалось лишь забрать обновки и откланяться.

Когда я вышел из мастерской, короткий зимний день уже начинал меркнуть. Мороз крепчал, и народу на улицах стало меньше. Я старательно не смотрел в сторону птицы, забившейся под свес крыши, и ее мучителей. Я зашагал в сторону Оленьего замка.

– Том! Том! – крикнула она мне вслед, но я сделал вид, будто не слышу.

И тут птица вдруг пронзительно каркнула:

– Фитц! Фитц!

Против собственной воли я замедлил шаги. Я смотрел только перед собой и видел, что прохожие начали оборачиваться. За спиной у меня раздалось отчаянное хлопанье крыльев, а потом:

– Фитц – Чивэл! Фитц – Чивэл!

Тощая матрона рядом со мной схватилась за сердце руками с опухшими суставами:

– Он вернулся! Он вернулся в обличье вороны!

Тут уж мне пришлось обернуться, иначе все бы удивились, почему такая страшная новость не заинтересовала меня.

– Да ладно, это просто чья-то ручная ворона! – презрительно заявил какой-то прохожий.

Мы все посмотрели на небо. Несчастная птица летала так высоко, как только могла, астая пыталась догнать ее.

– Я слышал, если рассечь вороне язык вдоль, можно научить ее говорить, – поделился соображениями торговец жареными каштанами.

– Фитц – Чивэл! – закричала птица снова, когда одна крупная ворона ударила ее клювом.

Жертва замедлилась, перекувырнулась в воздухе, выправилась и отважно замахала крыльями, но было поздно – она потеряла высоту, теперь вся стая оказалась выше и набросилась на нее. По двое, по трое они обрушивались на несчастную, били клювами, вырывали перья. Она изо всех сил старалась удержаться в воздухе, где уж ей было защищаться...

– Дурной знак! – крикнул кто-то.

– Это Фитц Чивэл в обличье вороны! – снова завизжала женщина. – Бастард-колдун вернулся!

И вот тут-то ужас пробрал меня до костей. Недавно я думал, что вспомнил, как сам пережил то же, через что пришлось пройти Шуту. Нет, ничего я не вспомнил. Я накрепко забыл ту ледяную уверенность, что все на свете против меня, что добрые граждане Бакка в своих праздничных нарядах с радостью разорвут меня голыми руками – в точности как сейчас вороны рвут одинокую птицу-изгоя. Мне стало так дурно, что подвело живот и затряслись колени. Я пошел прочь, страшась, что вот сейчас кто-нибудь заметит мою дрожь в коленях и бледность. Вцепившись в сверток с одеждой, я старался сделать вид, что меня, единственного из всех прохожих, не волнует битва в небе.

– Она падает! – крикнул кто-то, и мне пришлось остановиться и запрокинуть голову.

Но птица не падала. Прижав крылья, словно сокол, она стремительно пикировала к земле. Прямо на меня.

– Я спасу вас, господин! – заорал торговец каштанами и ринулся ко мне, воздев над головой щипцы.

Птица запуталась в моем плаще и затрепыхалась. Я расправил плечи и повернулся так, чтобы принять на себя предназначавшийся ей удар, а сам тем временем завернул ее в плащ.

Замри. Притворись мертвой! – Я заговорил с ней на языке Дара, надеясь только, что она услышит меня.

Птица замерла, едва я обернул ее тканью плаща – словно и правда умерла. Что мне тогда скажет Уэб? Тут я заметил, что мой парик и шапка валяются на мостовой. Я подобрал их, придерживая птицу локтем и притворяясь, что прижимаю к груди только свой сверток.

– С чего это вы решили наброситься на меня? – возмущенно обернулся я к продавцу каштанов, напяливая обратно на голову парик и шапку. – Да как вы смеете! Это оскорбительно!

– Господин, я не хотел ничего дурного! – Торговец испуганно отпрянул от меня. – Та ворона...

– Правда? Тогда зачем вы налетели на меня, чуть не сбили с ног и выставили на посмешище?

Я потянул за локоны как бы пытаюсь поправить парик, но в результате сделал так, что тот перекосялся совсем по-дурацки. Какой-то мальчишка засмеялся, и женщина одернула его, сама с трудом сдерживая хихиканье. Я сердито зыркнул в их сторону и одной рукой снова поправил парик, придав себе безнадежно нелепый вид. За спиной у меня раздался хохот. Я обернулся так резко, что парик и шапка чуть снова не слетели у меня с головы.

– Грубияны! Невежи! Я уж постараюсь, чтобы стража Оленьего замка узнала, что творится на здешних улицах! Нападают на людей среди бела дня! Насмеваются над гостями короля! Да чтоб вы знали, я двоюродный брат самого герцога Фарроу, и уж я расскажу ему все! – Щеки мои раздувались, верхняя губа тряслась от наигранного гнева. Дрожи в голос мне подпускать не пришлось – он и так дрожал. Меня тошнило от страха, что кто-то узнает меня. Эхо моего имени, казалось, продолжало перекатываться по улице.

Я развернулся на каблуках и, старательно изображая оскорбленное достоинство, зашагал прочь по улице.

Какая-то девочка спросила:

– А куда подевалась птица?

Я не стал задерживаться, чтобы послушать, ответит ли ей кто-нибудь. Уповал я лишь на то, что, выставив себя дураком из-за парика, я развеселил толпу и отвлек ее внимание. Пока зеваки могли видеть меня, я еще несколько раз тщетно пытался поправить парик и шапку. И только удалившись достаточно, я свернул в переулок и накинул на голову капюшон. Птица лежала в складке моего плаща так неподвижно, что я вновь испугался, не умерла ли она. Пикируя, ворона ударила меня с такой силой, что могла себе и шею сломать. Но Дар сказал мне, что птица, может, и лишилась чувств, но жива. Переулок вывел меня на извилистую улицу Лудильщиков, я прошел по ней немного, потом свернул в другой переулок, еще уже первого. Там я наконец решился развернуть плащ и рассмотреть неподвижное черное тело.

Ее глаза были закрыты. Крылья плотно прижаты к телу. Меня всегда поражало, как птицы умудряются так аккуратно складывать крылья, что их становится почти незаметно и человек, никогда прежде их не видевший, может подумать, будто у птиц есть только лапы. Я коснулся гладкого черного клюва.

Она открыла блестящий глаз. Я провел ладонью вдоль ее спины, прижимая крылья к телу.

Еще рано, подожди. Сначала уйдем туда, где безопасно.

Птица не ответила на языке Дара, но послушалась, и я уверился, что она поняла меня. Укрыв ее и сверток плащом, я поспешил к Оленьему замку. За дорогой теперь лучше ухажи-

вали, ходили и ездили по ней больше, чем в прежние времена, однако кое-где идти вверх по обледенелому крутому пути все равно было непросто. Смеркалось, ветер дул все сильнее. Он подхватывал с земли мелкие и колючие, как песчинки, кристаллики снежинок, издевательски швыряя их мне в лицо. Меня обгоняли повозки и телеги с едой для завершающего пиршества праздничной недели. Я опаздывал.

Ворона у меня под плащом вдруг забеспокоилась. Извернувшись, она вцепилась мне в рубашку когтями и клювом. Я потянулся погладить и успокоить ее, но она бешено забила крыльями, и когда я отдернул руку, кончики моих пальцев были в крови.

Тогда я коснулся птицы Даром:

Тебе больно?

Мысленный вопрос отскочил обратно, словно камушек, брошенный о стену, но при этом боль птицы захлестнула меня и прокатилась по хребту. Я заговорил вслух, очень тихо:

– Оставайся под плащом. Вскарбайся мне на плечо. Я постою неподвижно, пока ты туда не заберешься.

Несколько мгновений она не двигалась, потом ухватила меня за рубашку клювом и полезла вверх, перебирая лапами. Время от времени она бралась клювом повыше, чтобы подтянуться, и наконец забралась на плечо, а оттуда – на загривок, так что у меня под плащом образовался небольшой горб. Почувствовав, что ворона устроилась на новом месте, я осторожно выпрямился.

– Думаю, все будет хорошо, – сказал я птице.

Пастух-ветер собрал над нами стадо облаков, и теперь из них на землю обрушился новый поток снега. Густые хлопья кружились и танцевали вокруг нас. Я натянул капюшон и с трудом побрел вверх по крутому участку дороги, поднимаясь на холм, где стоял замок.

Обратно меня впустили без вопросов. Из Большого зала доносились музыка и голоса. Уже так поздно! История с затравленной вороной задержала меня куда больше, чем я думал. Я поспешил навстречу слугам, шествовавшим в зал с полными подносами еды, и гостям, припозднившимся не так сильно, и поднялся по лестнице. Капюшон я не снимал, глаз не поднимал и ни с кем не здоровался. Едва оказавшись в комнате, я первым делом сбросил засыпанный снегом плащ. Ворона запуталась когтями в локонах моего парика. Едва я разделся, как птица попыталась взлететь, но под тяжестью парика и шапки тут же шлепнулась на пол.

– Не дергайся, я помогу тебе, – сказал я.

Несколько минут она все же трепыхалась, потом легла на бок, наполовину развернув одно крыло. Я впервые смог ясно рассмотреть белые кончики перьев, перемежающиеся с черными. Из-за этих перьев любая встречная ворона попытается убить ее.

– А теперь лежи тихо, я помогу тебе, – повторил я.

Клюв вороны был открыт, она тяжело дышала. Блестящий глаз смотрел на меня в упор. Я не делал резких движений. И как ей удалось так быстро и так безнадежно запутаться когтями в парике? На полу темнели брызги птичьей крови.

– Ты ранена? – спросил я, пока распутывал лапы.

Птица закрыла клюв, посмотрела на меня, потом вдруг прокаркала:

– Пер-рья! Пер-рья выдергали!

– Понятно.

Интересно, сколько слов она знает? Впрочем, главное, она смогла рассказать, что с ней. Ворона – не волк. Я улавливал чувства птицы, но истолковать их было непросто. От нее исходили боль, страх и сильная злость. Будь это волк, я бы сразу понял, ранен ли он и насколько серьезно. А с этой страдальцей мы как будто говорили на разных языках.

– Дай мне помочь тебе освободиться. Для этого мне нужно положить тебя на стол, там больше света. Можно я подниму тебя с пола и перенесу?

Птица моргнула:

– Пить. Пить. Пить.

– И воды тебе дам.

Я старался не думать о том, как стремительно летит время. Словно в ответ на мою тревогу, Чейд мысленно поинтересовался, где я. Королева попросила Дьютифула сделать так, чтобы я непременно пришел. Очень необычная просьба с ее стороны.

Я скоро, – пообещал я, отчаянно надеясь, что смогу выполнить обещание.

Открыв потайную дверь, я подобрал птицу и стал подниматься с ней по темной лестнице, держа ее легко, но надежно.

– Фитц? – напряженно спросил Шут еще до того, как я встал на последнюю ступеньку.

Я видел только его силуэт в кресле у огня. Свечи давно догорели. От тревоги в голосе Шута у меня защемило сердце.

– Да, это я. У меня тут раненая ворона, она запуталась в моем парике. Я сейчас все объясню, только сначала положу ее, зажгу свет и напою водой.

– В твоем парике запуталась ворона? – переспросил Шут, и на удивление в его голосе сквозили веселье и издевка. – Ах, Фитц, я и не сомневался, что ты сумеешь влипнуть в какую-нибудь нелепую историю, чтобы развеять мою скуку.

– Ее прислал Уэб.

Я положил птицу на стол. Она попыталась встать, но волосы парика так оплели ее лапы, что она тут же свалилась на бок.

– Полежи спокойно, птичка. Мне нужно зажечь свечи. Тогда, надеюсь, я смогу тебя освободить.

Она не двигалась, но дневные птицы вообще часто замирают, оказавшись в темноте. Я ошупью побрел по комнате на поиски свечей. К тому времени, когда я нашел их и вставил в подсвечник, Шут уже был у рабочего стола, на который я положил птицу. К моему изумлению, своими узловатыми пальцами он распутывал пряди волос вокруг ее лапок. Я поставил подсвечник на дальний край стола и стал смотреть. Птица лежала тихо, только иногда моргала. Пальцы Шута, когда-то такие длинные, красивые и ловкие, теперь были похожи на сухие сучья. Он тихонько говорил с вороной, пока работал. Рукой со срезанными подушечками пальцев он ласково поглаживал ее лапы, чтобы она не шевелилась, а пальцы другой его руки тем временем ловко поднимали и отцепляли пряди волос.

Его голос журчал, как ручей, перекатывающийся по камням:

– Так, сначала вот эту... А теперь выпутаем коготок из петли. Ну вот, одна лапка почти свободна. Ох, надо же, как туго затянулось... погоди, дай я поддену здесь... Вот так, эту лапу мы выпутали.

Птица тут же дернула освобожденной лапой, но Шут положил руку ей на спину, и она затихла.

– Потерпи немного, через минуту ты будешь свободен. А пока не дергайся, а то путы затянутся туже. Когда ты связан, от любой борьбы только хуже.

Когда ты связан... Усилием воли я промолчал. Шуту понадобилось куда больше минуты, чтобы освободить вторую лапу. Я уже хотел предложить ему воспользоваться ножницами, но он был так поглощен делом, что забыл на время о собственных бедах. И я запретил себе думать о времени и своих заботах и молча ждал.

– Ну вот, теперь все хорошо, – сказал он, отодвигая в сторону растрепанный парик.

Мгновение птица лежала неподвижно. Потом встрепенулась, извернувшись и вскочила на лапы. Шут не пытался погладить ее.

– Он хочет пить, Фитц. Страх всегда вызывает жажду.

– Это она, – поправил я.

Я сходил к ведру с водой и наполнил чашку. Чашку поставил на стол, обмакнул туда пальцы, показал птице, как с них капает вода, и отошел. Шут взял в руки мою шапку и по-

прежнему припиленный к ней парик. Ветер, дождь и вороны когти сделали все, что могли: некоторые пряди безнадежно спутались, другие висели мокрыми сосульками.

– Не думаю, что его легко будет привести в порядок, – сказал Шут и снова положил парик на стол.

Я взял его и провел пальцами по волосам в тщетной надежде придать им хоть сколько-нибудь приличный вид.

– Расскажи мне об этой птице, – попросил Шут.

– Уэб хочет, чтобы я о ней позаботился. Раньше у нее был... ну, не хозяин... Скорее друг. Не Одаренный побратим, а просто человек, который о ней заботился. У нее на крыльях некоторые перья белые.

– Белые! Белые! Белые! – вдруг каркнула птица.

Она вприпрыжку, как все вороны, подбежала к чаше, глубоко окунула туда клюв и принялась жадно пить.

– Она разговаривает! – удивленно воскликнул Шут.

– Просто повторяет слова, которым ее научили, как все «говорящие» птицы. Я так думаю, – сказал я.

– Но ты же можешь общаться с ней через Дар?

– Не совсем. Я улавливаю ее чувства, волнение, боль. Но мы не связаны Даром, Шут. Я не читаю ее мысли, она не слышит мои. – Я тряхнул париком.

Ворона испуганно вскрикнула и шарахнулась в сторону, едва не опрокинув чашку.

– Прости. Не хотел тебя пугать, – сказал я. С тоской посмотрев на парик и шапку, я признал, что им уже ничто не поможет. – Извини, Шут. Мне надо поговорить с Чейдом.

И я потянулся к старику Силой.

Мой парик безнадежно испорчен. Не думаю, что смогу появиться на празднике в образе лорда Фелдспара.

Тогда приходи как хочешь, только побыстрее. Что-то назревает, Фитц. Королева Эллиана явно что-то затевает. Сначала я подумал, что она зла на меня, такой у нее был ледяной взгляд, когда я подошел поздороваться. Но она выглядит на удивление возбужденной, так весело танцует, подавая пример гостям... словно какое-то ликование охватило ее. Никогда ее такой не видел.

Ты спрашивал Дьютифула, что это может означать? – спросил я.

Дьютифул не знает.

Я почувствовал, как Чейд раскинул сети Силы шире, чтобы включить и короля в нашу беседу.

Возможно, Дьютифул не видит ничего странного в том, что его королева искренне веселится на празднике, – с усмешкой заявил король.

Я чувствую, что-то будет! Это носится в воздухе! – возразил Чейд.

Не допускаешь, что я разбираюсь в переменах настроения своей жены лучше, чем ты? – ошетинился Дьютифул.

Я не мог больше выносить их перепалку.

Я спущусь в зал, как только смогу, но, увы, не в облике лорда Фелдспара. Боюсь, мой парик пропал.

По крайней мере, оденься по моде, – раздраженно велел Чейд. – Если ты заявишься в зал в рубахе и штанах, на тебя все уставятся. Но и костюм лорда Фелдспара надевать уже нельзя. Среди вещей, приготовленных для него, должно быть что-то, чего ты еще не надевал. Выбери из них, и побыстрее.

Хорошо.

– Тебе надо идти, – произнес Шут, едва я закончил беззвучные переговоры.

– Да. Как ты узнал?

– Фитц, я много лет назад научился толковать то, как ты едва заметно вздыхаешь от досады.

– Парик пропал. А без него я уже не смогу изображать лорда Фелдспара. Придется спуститься в мою комнату, порыться в гардеробе и отправиться на праздник совсем другим человеком. Для меня это несложно, хотя я не получаю никакого удовольствия. В отличие от Чейда.

– И от меня в былые времена. – Теперь была очередь Шута тяжело вздохнуть. – Как бы я хотел, чтобы мне выпало такое поручение! Выбрать наряд и спуститься вниз во всем блеске, с перстнями на пальцах и серьгами в ушах, благоухая духами. Влиться в толпу из сотни гостей, пробовать вкусное угощение, пить, и танцевать, и сыпать остротами... – Он снова вздохнул. – Жаль, я не могу снова стать живым, прежде чем умереть.

– Ах, Шут... – Я потянулся было погладить его по руке, но остановился.

В прошлый раз он испуганно дернулся от прикосновения, и это причинило боль нам обоим.

– Тебе уже пора. Иди, я посижу с птицей.

– Спасибо, – сказал я с искренней благодарностью.

Оставалось только надеяться, что ворона не ударится в панику и не станет биться о стены. Поскольку в комнате почти темно, наверное, все будет в порядке.

Когда я уже подошел к лестнице, меня догнал вопрос Шута:

– Как она выглядит?

– Это ворона, Шут. Взрослая ворона. Черный клюв, черные лапы, черные глаза. Единственное, что отличает ее от тысяч таких же, это белые отметины. Они у нее от рождения, точнее, с того дня, как она вылупилась из яйца.

– Где они расположены?

– У нее белые кончики некоторых маховых перьев. Когда она расправляет крылья, они выглядят почти полосатыми. И еще было несколько отметин на спине или голове. Эти перья вырвали другие вороны.

– Вырвали, – повторил Шут.

– Белые! Белые! Белые! – прокричала птица в темноте. А потом проворковала тихонько, так что я едва расслышал: – Ах, Шут...

– Она знает, как меня зовут! – радостно воскликнул он.

– И меня, к сожалению. Именно так ей удалось заставить меня остановиться и взять ее. Она стала кричать: «Фитц – Чивэл! Фитц – Чивэл!» посреди Портновской улицы.

– Умничка, – одобрительно проговорил Шут.

Я ворчливо хмыкнул и пошел вниз.

Глава 8. Видящие

К спине спиною братья встав,
Прощались с жизнью без речей,
А волки красных кораблей
Теснили их стеной мечей.

Но рев и топот нарастал,
И в пелене кровавых брызг
Явился бешеный Бастард,
Что щит свой как краюху грыз.

Он бился, словно лес валил,
Держа секирой страшный ритм.
По пояс в собственной крови
Враги склонились перед ним.

Средь многих рыцарей один,
Чей гордый взор горит огнем,
Чивэлу он достойный сын,
А кровь не ведает имен.

Сын Видящего, пусть его
Он не наследует года,
На чье кровавое чело
Венец не ляжет никогда.

Старлинг Бердсонг, «Гимн острова Антлер»

Раздеваться я начал еще на лестнице. Войдя через потайную дверь в свою комнату, я запрыгал на одной ноге, спешно стаскивая сапог. Ни один из предметов гардероба, в котором я успел показаться на людях, надевать было нельзя – а то, чего доброго, какой-нибудь помешанный на нарядах болван вспомнит, что видел в этом лорда Фелдспара.

Я бросился было вытаскивать одежду из шкафа, но заставил себя остановиться и успокоиться. Закрыв глаза, я стал вспоминать, как выглядели гости на вчерашнем пиру. В чем щеголяли эти франты по такому торжественному случаю? Что они теперь носят? Долгополые камзолы. Множество пуговиц, больше для украшения, чем для застегки. пышные кружева на воротнике, манжетах, плечах. И яркие, плохо сочетающиеся друг с другом цвета. Я открыл глаза.

Алые брюки с рядами голубых пуговиц по внешнему шву. Белая рубашка с таким высоким воротником-стойкой, что я едва не задохнулся, когда застегнул его. Длинный синий жилет с кружевными воланами у плеч и алыми пуговицами вдоль обоих бортов, похожими на соски поросой свиньи. И массивное серебряное кольцо на большой палец. Нет, все не так. Попробуем иначе... Штаны, в которых я прибыл из Ивового Леса – стараниями Эша, уже выстиранные. Самая простая из модных рубашек, светло-зеленого цвета. Коричневый жилет, длинный и с пуговицами, но вырезанными из рога. Все, снова переодеться уже нет времени.

Я оглядел себя в зеркало и провел рукой по влажным волосам. Они легли гладко, но это ненадолго. Я выбрал самую простую из имеющихся шляп – явиться вовсе без головного убора означало бы привлечь всеобщее внимание. Ладно, сойдет. Я понадеялся, что буду выглядеть настолько небогатым, что никто не пожелает со мной знакомиться. Обувшись в туфли, которые показались мне наименее неудобными, я вспомнил науку юности и быстро переложил в потайные карманы нового наряда все оружие, яд и отмычки. При этом я гнал от себя мысли о том, что буду делать, если Чейд прикажет использовать что-то из моего арсенала. Вот дойдет до этого, тогда и буду думать, решил я, отодвинув этот болезненный вопрос на будущее.

Уже иду! – сообщил я Чейду коротко и аккуратно, чтобы больше никто не услышал.

Кто ты? – спросил он, напомнив про нашу старую игру: мгновенно, на ходу придумать себе образ.

Рейвен Келдер, третий сын мелкого аристократа из Тилта. Вырос в деревне. Никогда раньше не был при дворе. Приехал только вчера вечером и глазаю по сторонам, разинув рот. Одет просто и не по моде. У меня постоянно будут возникать дурацкие вопросы. Мой отец прожил долгую жизнь, старший брат только недавно унаследовал поместье. Брат выгнал меня взащей, велел искать свою дорогу в жизни. И я радостно бросился навстречу приключениям, соря деньгами из своей скромной доли наследства.

Неплохо. Что ж, спускайся.

Рейвен спустился вниз по широкой парадной лестнице и смешался с толпой гостей в Большом зале. Это была Последняя ночь Зимнего праздника. Мы праздновали, что отныне день будет становиться все длиннее, и пользовались возможностью повеселиться напоследок, прежде чем укрыться в домах от зимних бурь и морозов. Еще одна ночь веселья, разговоров, песен и танцев, а завтра знать Шести Герцогств разъедется из Оленьего замка обратно по своим имениям. Обычно этот вечер был немного грустным – все надолго прощались с друзьями, зная, что суровая зима скоро перекроет дороги. Когда я был ребенком, по завершении Последней ночи люди редко выходили на улицу: сидели в тепле под крышей, делали стрелы, ткали, вырезали по дереву и шили. Младшие писцы брали свою работу к камину в Большом зале, чтобы писать под пение менестрелей.

Я ожидал, что на празднике будут слушать длинные баллады, пить подогретое вино с пряностями и разговаривать вполголоса. Однако зал встретил меня веселой круговертью: все гости щеголяли в лучших нарядах и украшениях, менестрели играли залихватские мелодии, от которых ноги сами пускались в пляс. Как раз когда я вошел, посреди зала танцевали король и королева Шести Герцогств. Нашествие пуговиц не пощадило и наряды правящей четы: платье королевы украшали сотни пуговиц из серебра, кости и перламутра. Они весело звенели и шуршали друг о друга, когда она танцевала. Костюм Дьютифула был расшит множеством роговых, костяных и серебряных пуговиц – выглядели они не столь легкомысленно, но звенели не хуже, чем у королевы. Я стоял в задних рядах толпы и любовался. Дьютифул не сводил глаз с лица Эллианы – похоже, ее очарование не померкло для него с тех пор, когда они еще только готовились к свадьбе. Щеки Эллианы покраснелись, рот слегка приоткрылся, она чуть запыхалась от быстрого танца. Когда мелодия напоследок взлетела вверх, Дьютифул подхватил жену и закружил ее, а она уронила руки ему на плечи. Гости хлопали им долго и искренне. Дьютифул сверкал белозубой улыбкой в темной бороде, щеки Эллианы горели румянцем. Весело смеясь, они вернулись к тронам, стоявшим на возвышении в конце зала.

Я болтался в толпе, как обрывок водоросли, подхваченный прибоем. Чейд был прав, решил я. Какое-то радостное предвкушение чувствуется в воздухе, какое-то терпкое любопытство витает в зале. Все гости прислушались к просьбе королевы надеть лучшие наряды. Было ясно, что этим вечером случится нечто особенное. Возможно, кого-то будут чествовать и награждать. Зал так и бурлил от нетерпения.

Пока музыканты настраивали инструменты для следующего танца, я успел наведаться к бочонку. Разжившись стаканчиком вина, я расположился так, чтобы видеть королевскую чету на тронах, в то же время оставаясь вдалеке от их возвышения. Дьютифул сказал что-то королеве. Она улыбнулась и покачала головой. Потом встала и дала менестрелям знак замолчать. Тишина волнами стала расходиться по залу, пока наконец все собрание не замерло в почтительном молчании, глядя на королеву. Дьютифул, сидя на троне, смотрел на нее искоса и с подозрением. Эллиана улыбнулась и успокаивающе коснулась его плеча.

Набрав побольше воздуха, она обратилась к гостям:

– Дамы и господа Шести Герцогств, у меня для вас чудесные новости. И я смею надеяться, что они вызовут в ваших сердцах такое же ликование, как в моем. – После стольких лет, прожитых в Шести Герцогствах, акцент уроженки Внешних островов в ее речи смягчился и теперь лишь добавлял ей очарования.

Дьютифул смотрел на жену, вскинув бровь. За столиком неподалеку от тронов сидел лорд Чейд, и выражение его лица выдавало легкую озабоченность. Кетриккен, похоже, напряженно размышляла. Мастер Силы сидела по левую руку от Чейда. Неттл выглядела серьезной и задумчивой. Может, она и вовсе пропустила мимо ушей слова Эллианы, взвешивая предстоящий ей выбор? Королева помолчала, оглядывая собравшихся. Никто не проронил ни звука. Даже слуги замерли.

Она дала молчанию продлиться еще немного, потом прочистила горло и заговорила снова:

– Много лет меня терзала мысль, что за время моего правления в роду Видящих не появилось принцессы. Да, я подарила моему королю наследников, я горжусь нашими сыновьями и верю, что они будут править достойно своего отца. Но моей родной земле нужна была принцесса. А я не смогла ее выносить. – На последних словах голос у нее перехватил.

Дьютифул посмотрел на жену с сочувственным беспокойством, герцогиня Фарроу в толпе гостей прижала руку к губам, и по щекам у нее потекли слезы. Очевидно, не только у Эллианы ребенок родился до срока и не выжил. Может, она собирается объявить, что снова беременна? Но тогда королева точно первым рассказала бы Дьютифулу, и они не стали бы говорить об этом во всеуслышание, пока беременность не подтвердится.

Эллиана подняла руку и посмотрела на мужа, словно пытаясь успокоить его и поделиться своей уверенностью.

– Но дело в том, что в роду Видящих уже есть принцесса. Много лет она живет среди нас, оставаясь непризнанной герцогами и герцогинями. И два дня назад она сообщила мне замечательную новость. Она ждет ребенка. Я сама взяла иголку и нить и подержала их над ее ладонью. И сердце мое возликовало, когда кружение иглы сказала мне, что в ее утробе зреет девочка! Дамы и господа, скоро боги подарят вам еще одну принцессу Видящих!

Если, пока она говорила, в толпе раздавались приглушенные ахи и охи, то теперь поднялся настоящий ропот. Мне стало дурно. Неттл, белая как снег, смотрела прямо перед собой. Чейд с застывшей улыбкой изображал непонимание. Дьютифул смотрел на королеву в ужасе, челюсть у него отвисла. А Эллиана перевела взгляд на Неттл и тем выдала ее с головой.

Сама королева, похоже, в упор не замечала, какая катастрофа разыгралась из-за нее.

Как ни в чем не бывало, она засмеялась и сказала:

– Так давайте же признаем, мои дорогие друзья и гости, то, что многие из нас и так давно знали. Мастер Силы Неттл, Неттл Видящая, дочь Фитца Чивэла Видящего, троюродная сестра моего дорогого супруга, принцесса династии Видящих – прошу тебя, подойди к нам.

Я стоял, скрестив руки на груди. При упоминании подлинного имени моей дочери и меня самого у меня перехватило дыхание. Шепот в зале стал оглушительным, как стрекот насекомых летним вечером. Я оглядывал лица гостей. Две девушки переглянулись в явном восторге. Какой-то седой господин чуть не лопался от возмущения, его супруга в ужасе прижи-

мала ладони к щекам. Но большинство гостей просто остолбенели от потрясения и ждали, что будет дальше. Глаза Неттл были широко распахнуты, рот приоткрыт. Лицо Чейда сделалось мертвенно-бледным. Кетриккен деликатно прикрыла рот рукой с тонкими пальцами, но в глазах ее притаилась радость. Я перевел взгляд на короля. В первое мгновение Дьютифул растерялся. Но теперь он поднялся с трона, встал рядом со своей королевой и протянул руку Неттл.

Дрожащим голосом, но с искренней улыбкой он сказал:

– Сестра, прошу тебя.

Фитц, Фитц, пожалуйста... Что... – донесся до меня сквозь Силу почти бессвязный шепот Чейда.

Спокойствие. Пусть они сами все уладят.

В конце концов, что нам еще оставалось? Если бы на кону стояла жизнь чужого мне человека, если бы чья-то чужая тайна раскрылась, я бы даже залюбовался картиной в зале. Королева, с пылающими от восторга щеками и сияющими глазами, радостно чествует Неттл. Король замер, предлагая сестре опереться на его руку в самую страшную минуту ее жизни. А Неттл, приоткрыв рот не то чтобы в улыбке, неподвижно сидит за столом.

Тут же был и Риддл. Он всегда обладал редким даром незамеченным просачиваться сквозь толпу. Сейчас он шел среди гостей, словно акула сквозь морские волны. Если толпа набросится на Неттл, он положит жизнь ради нее. По тому, как чуть приподнято плечо Риддла, я понял, что его рука лежит на рукояти кинжала. Чейд тоже заметил его приближение и укладкой дал знак: подожди! Но тот не остановился.

Леди Кетриккен грациозно поднялась, встала за спиной моей дочери и что-то шепнула ей. Я видел, как Неттл резко втянула воздух. Она встала, с шумом отодвинув стул, и бывшая королева с почтением проводила ее к тронам. Перед возвышением они, как требовал этикет, присели в глубоком реверансе. Кетриккен осталась внизу, а Неттл через силу заставила себя одолеть все три ступени к тронам. Дьютифул взял ее руки в свои. На мгновение их склоненные головы оказались очень близко, и я уверен, что король что-то шепнул ей. Потом они выпрямились, и Эллиана обняла Неттл.

Неттл накрепко закрыла ото всех свои мысли, мне не удалось пробиться к ней и поддержать. Что бы она ни чувствовала в эти минуты, лицо ее выражало лишь радость. Неттл вежливо поблагодарила королевскую чету за поздравления в связи с тем, что она скоро станет матерью. Она ни словом не обмолвилась о собственном происхождении. Вообще-то, Эллиана была права, когда сказала, что эта тайна – далеко не тайна. В лице Неттл были отчетливо заметны черты Видящих, а многие господа и дамы постарше помнили скандальные слухи о Фитце Чивэле и горничной леди Пейшенс. То, что Пейшенс подарила леди Молли Ивовый Лес якобы в благодарность за заслуги Баррича, послужит лишним подтверждением, что отцом дочери Молли был я. О муже Неттл и отце ее ребенка не было сказано ничего. Завтра весь замок будет гудеть догадками.

Неттл повернулась, чтобы возвратиться на свое место, но Кетриккен остановила ее, положив руки ей на плечи. Риддл, побледнев, смотрел снизу вверх из толпы, как его возлюбленную провозглашают принцессой. Словно он тут ни при чем. Я от всей души сочувствовал ему.

Теперь заговорила Кетриккен, и голос ее перекрыл приглушенное бормотание гостей:

– Долгие годы многие люди продолжают считать Фитца Чивэла предателем. Несмотря на то что я поведала о событиях той роковой ночи, когда мне пришлось бежать из замка, на его имени все это время остается пятно позора. И поэтому я спрашиваю вас, менестрели: знает ли кто-то из вас балладу, лишь однажды прозвучавшую в этом зале? Балладу Тагссона, сына Тага, сына Ривера. Там рассказывается вся правда о деяниях Фитца Чивэла, о том, как он пришел на помощь своему королю в горах. Знает ли кто-нибудь из вас эту балладу, о менестрели?

Во рту у меня пересохло. На протяжении моей жизни обо мне успели написать две баллады. Одна называлась «Башня Оленьего Рога», там рассказывалось о том, как я сражался с

пиратами красных кораблей, когда, опираясь на предателей, они сумели прорваться к крепости на острове Олений Рог, защищавшей берега страны. Ее сложила во время войны честолубивая девушка-менестрель по имени Старлинг Бердсонг Певчий Скворец. У этой песни была приятная мелодия и запоминающийся припев. Услышав ее впервые, обитатели Оленьего замка готовы были поверить, что в моих жилах бастарда течет благородная кровь Видящих. Они даже готовы были считать меня героем или кем-то вроде героя. Но это было еще до того, как принц Регал убедил всех в моем предательстве. До того, как меня бросили в темницу, обвинив в убийстве короля Шрюда. До того, как я, по мнению большинства, умер там и навсегда исчез из Оленьего замка и с людских глаз.

А вот во второй балладе не только превозносилась кровь Видящих, текущая во мне, и мой магический Дар, но и утверждалось, что я восстал из мертвых, чтобы последовать за королем Верити, когда тот отправился искать помощи Элдерлингов для защиты Шести Герцогств. Как и в балладе об Оленьем Роге, правда переплеталась в этой песне с поэтическими преувеличениями. Насколько мне было известно, она лишь однажды звучала в стенах Оленьего замка – ее спел менестрель Древней Крови, чтобы доказать, что и среди Одаренных встречаются благородные герои. Но многие из слушателей в тот день не пожелали с ним согласиться.

Кетриккен вопросительно оглядывала галерею, где сидели музыканты. К моему великому облегчению, они лишь переглядывались и пожимали плечами. Один менестрель скрестил руки на груди и покачал головой, словно ему была противна сама мысль петь хвалу Бастарду-колдуну. Какой-то лютнист перегнулся через перила поговорить с седобородым музыкантом. По его кивку я догадался, что тот вроде бы слышал балладу однажды. Потом он, как и все прочие, пожал плечами, дав понять, что не помнит ни слов, ни музыки, ни кто сочинил эту песню. У меня понемногу отлегло от сердца, а на лице Кетриккен отразилось разочарование, но тут сквозь толпу стала пробираться немолодая женщина в вызывающем сине-зеленом платье. Пока она с достоинством шла к свободному от гостей пространству перед королевским возвышением, тут и там раздались аплодисменты и кто-то выкрикнул:

– Ну конечно! Старлинг Певчий Скворец!

Если бы не этот голос, я мог бы и не узнать мою бывшую возлюбленную. Годы изменили ее, талия сделалась шире, изгибы заметнее. В пышном многослойном платье, расшитом пуговицами, она была совсем не похожа на ту своенравную и деловитую девушку-менестреля, которая когда-то отправилась с Верити в Горное Королевство, чтобы пробудить Элдерлингов. Теперь она отрастила длинные волосы, и седые пряди в них были не белыми, а серебряными. Она щеголяла в серьгах, ожерелье, браслетах и кольцах, но, идя к трону, сняла все украшения с рук.

Разочарование на лице Кетриккен сменилось радостью.

– О, а вот и менестрель, голос которого нам не доводилось слышать уже много лет! Дорогая Старлинг Бердсонг, ныне супруга лорда Фишера. Помнишь ли ты песню, о которой я говорю?

Невзирая на почтенный возраст, Старлинг с изяществом присела в реверансе. Голос ее с годами изменился, но не растерял мелодичности.

– Леди Кетриккен, король Дьютифул, королева Эллиана. Если вам так угодно, я однажды слышала эту песню. Однако, хотя то, о чем в ней поется, почти сплошь правда, не считите, что мной движет зависть менестреля, если я скажу, что слова ее неуклюжестью своей режут ухо, а мелодия позаимствована из старинной баллады. – Она поджала губы и покачала головой. – Даже если бы мне удалось запомнить ее до последнего слова, было бы жестоко мучить вас таким пением.

Она умолкла, почтительно склонив голову. Несмотря на все свои тревоги, я едва удержался от улыбки. Старлинг! Она отлично знала, как заставить слушателей с нетерпением предвкушать ее песни. Выждав ровно до того мгновения, когда Кетриккен набрала воздух, чтобы заговорить, она подняла голову и предложила:

– Но я могу вам спеть песню гораздо лучше, если желаете, моя госпожа и некогда моя королева. Только кивните, и я, с дозволения короля и королевы, нарушу многолетнее добровольное молчание и спою вам – спою песню, где поведаю все, что знаю об Одаренном Бастарде. О Фитце Чивэле Видящем, сыне Чивэла, хранившем верность королю Верити, о Фитце Чивэле, который до конца своих дней оставался истинным Видящим, невзирая на свое недостойное происхождение.

Голос ее мелодично взлетал и затихал – Старлинг настраивала его, как инструмент. Я заметил в задних рядах толпы ее мужа, лорда Фишера: он горделиво улыбался. Его плечи были все так же широки, седеющие волосы завязаны в хвост, как это делают воины. Ему всегда нравилось купаться в лучах славы жены-менестреля. Вот и сейчас он искренне радовался ее триумфу. Она пришла на праздник не в качестве менестреля, но как леди Фишер, однако именно об этой минуте она мечтала долгие годы. Старлинг не собиралась упускать свою удачу, и муж торжествовал вместе с ней. Она обвела слушателей глазами, словно спрашивая: «Так хотите ли вы, чтобы я спела?»

О, как они хотели! Дамы и господа Шести Герцогств уже готовы были ловить каждое ее слово. Как мог Дьютифул запретить ей петь, когда его королева только что представила всем внебрачную дочь внебрачного сына Видящих, выросшую в неизвестности и возвысившуюся до мастера Силы? Леди Кетриккен переглянулась с сыном и его женой. Король развел руками, разрешая, и Кетриккен кивнула.

– Мою арфу принесли? – спросила Старлинг, обратившись к мужу.

Тот в ответ широко взмахнул рукой. Двери Большого зала отворились, и два крепких детины внесли огромную арфу. Тут я все-таки улыбнулся: должно быть, Старлинг распорядилась доставить инструмент сразу же, как Кетриккен заговорила о менестрелях. И что это была за арфа! Не скромный инструмент бродячего менестреля. Слуги аж потом обливались, пока тащили ее. Интересно, как далеко им пришлось волочить это чудовище? Когда они поставили ее перед Старлинг, стало видно, что арфа высотой ей по плечо. Старлинг вскинула глаза на галерею менестрелей, но кто-то уже принес ей стул. Вот тут-то и случился единственный конфуз за весь вечер: платье Старлинг шили не для того, чтобы играть в нем на арфе, прислонив ее к плечу. Тогда она, презрев условности, приподняла юбки, приоткрыв все еще стройные лодыжки в зеленых чулках и изящные синие туфельки без задников, украшенные серебряными пуговками. Она пробежалась пальцами по струнам, те еле слышно зажурчали в ответ, словно шепнули ей, что настроены и только ждут ее прикосновений.

Старлинг тронула одну за другой три струны – словно обронила золотые монеты на дорогу, предлагая нам следовать за ней. Звуки слились в аккорд, и другой рукой она стала перебирать струны, выводя мелодию. А потом запела.

Я знал: всю свою жизнь она ждала возможности спеть эту песню. Всегда, всегда Старлинг мечтала о том, чтобы спеть песню, которая останется в памяти Шести Герцогств навеки, которую будут петь снова и снова. Когда мы только познакомились, она сообщила мне свои честолюбивые планы: как она пойдет за мной следом, чтобы записывать мои подвиги и воочию наблюдать поворотные события в истории Шести Герцогств. И она действительно стала их свидетельницей, однако на уста ее легла печать, ибо королевским указом было велено хранить все, что произошло в горах, в строжайшей тайне. Я считался мертвым и не должен был возвращаться к жизни, пока трон Видящих не станет непоколебим, как прежде.

И вот я стою и слушаю историю собственной жизни. Как долго оттачивала Старлинг слова, сколько раз играла эту мелодию, что теперь льется из-под ее пальцев легко и гладко, без единого огреха? Это ее лучшая песня. Я понял это уже на второй строке. Мне доводилось слышать, как Старлинг поет чужие песни и как поет свои собственные, как играет свою музыку. Старлинг талантлива. Никто не может оспорить это.

Но эта песня была чем-то большим, чем просто талантливым произведением. Даже тот менестрель, что скорчил гримасу при упоминании моего имени, даже он слушал Старлинг как зачарованный. Такова была магия музыки, такова была магия слов, которым она придала совершенную форму, словно умелый резчик. Я знал заранее все, что услышу, ведь это была история моей собственной жизни, и большинству придворных она была известна хотя бы отчасти. Но Старлинг пела, как я рос одиноким, всеми брошенным бастардом, как вырос героем, как умер позорной смертью в темнице, как вылез из забытой могилы, – и наконец подошла к той минуте, когда я стоял перед каменным драконом, впитавшим жизнь короля Верити, и смотрел на Старлинг и королеву Кетриккен у него на спине.

Некоторое время она молча перебирала струны, давая слушателям обдумать услышанное. Раньше эти события описывали совсем иначе, и на лицах у многих застыло непонимание. А потом Старлинг вдруг повела воинственную мелодию и поведала, чем закончилась история. Я сам рассказал ей, что случилось после того, как дракон, в котором жила душа короля, принес их обратно в Олений замок. Верити-дракон отправился в одиночку сражаться с захватчиками с Внешних островов, чтобы спасти свою королеву, своего будущего ребенка в ее чреве и всю страну от безжалостных поработителей на красных кораблях. Слезы текли по щекам Кетриккен, пока Старлинг пела. Дьютифул слушал, восхищенно приоткрыв рот.

А потом я и мой побратим в Даре, мой волк, разбудили остальных драконов. Мы выстояли в бою со злокозненным Кругом Силы принца Регала и их жалкими учениками, и окровавленными руками пробудили к подобию жизни каменные изваяния, чтобы послать их в помощь Верити. Старлинг посвятила три куплета описанию полудюжины различных драконов и тому, как они летели следом за королем, а потом перешла к рассказу о бегстве врага под натиском армии драконов прочь от наших берегов. Верити повел за собой остальных драконов, они преследовали красные корабли до самых Внешних островов, где произошла их последняя битва. Королева Эллиана, выросшая в тех краях, кивала с серьезным видом, словно подтверждая: все так и было.

И вновь Старлинг сделала долгий проигрыш, мелодия стала плавной, аккорды – более низкими. И тогда она запела о том, как бастард и его волк, зная, что имя Фитца Чивэла Видящего навеки покрыто позором, что все считают его предателем и трусом, навсегда скрылись в лесах Горного Королевства. Никогда больше, пела она, не охотиться им на зеленых холмах Бакка. Никогда не вернуться домой. Никто никогда не узнает, что совершили они. Никогда, никогда, никогда. Мелодия текла все медленнее, задумчивым ручейком перекачивалась по камням. Все тише и тише... И смолкла.

Не знаю, как долго длилась песня. Я очнулся в Большом зале среди благороднейшего собрания Шести Герцогств, словно вернулся из долгого путешествия. Старлинг сидела перед своей высокой арфой, прислонившись лбом к ее раме. Лицо ее блестело от пота. Она дышала так тяжело, словно только что бежала по холмам. Я уставился на нее во все глаза. Она успела побывать для меня незнакомкой, любовницей, врагом, предательницей. Теперь она стала моим летописцем.

Хлопки начинались как робкий шелест, но быстро превратились в гром. Старлинг подняла голову, и я вслед за ней оглядел слушателей. Одни лица были мокры от слез, другие перекошены от гнева. Какая-то леди жестоко насмеялась над своей расчувствовавшейся соседкой. Незнакомый мне господин покачал головой и что-то прошептал своей спутнице. Две молодые женщины обнялись от избытка переживаний. Герцогиня Бернса стиснула руки перед грудью и склонила голову. Герцог Риппона говорил всем вокруг: «Я знал это! Я всегда знал!» – и громко хлопал широкими ладонями.

А я? Как описать то чувство, что охватило меня теперь, когда мое имя было очищено от позора? Я стоял в толпе, неузнанный и невидимый, но мне казалось, что мы наконец вернулись домой – мой волк и я. Меня кольнуло острое сожаление о том, что Шут не слышал всего этого.

А еще меня била дрожь, как будто я только что зашел с мороза в тепло и постепенно оттаивал, возвращаясь к жизни. Я не разрыдался, но глаза мои наполнились слезами, так что я почти ничего не видел.

Дьютифул внимательно оглядывал гостей, и я понял, что король ищет меня. Но он высматривал меня в образе лорда Фелдспара. Лорд Чейд встал из-за своего места за высоким столом и куда-то медленно пошел. Я думал, он хочет подойти к Кетриккен, но он почему-то стал пробираться сквозь толпу. Я долго смотрел на него, ничего не понимая, а потом с ужасом осознал, что он разглядел меня и идет прямо ко мне.

Нет, – попытался передать я ему через Силу, но Чейд закрылся ото всех наглухо – не потому, что не хотел меня слышать, а чтобы никто не прочел его чувств.

Оказавшись рядом, он крепко взял меня за руку.

– Чейд, пожалуйста, не надо, – взмолился я.

Неужели разум старика помутился?

Он посмотрел на меня. Щеки его были мокры от слез.

– Пора, Фитц. На самом деле давно уже пора. Пойдем. Пойдем со мной.

Люди, стоявшие поблизости, все видели и слышали. Я заметил, как озадаченность на лице какого-то гостя сменилась потрясением, глаза его полезли на лоб. Мы были в самой гуще толпы. Если они сейчас бросятся на меня, то просто разорвут на куски. Отступать некуда. Я смирился и позволил Чейду увести меня. Я шел за ним на подгибающихся ногах, бессильный, словно тряпичная кукла.

Никто такого не ожидал. Королева Эллиана радостно улыбнулась нам, но с лица Неттл сбежали все краски. Губы Кетриккен задрожали, а потом она вдруг разрыдалась, словно к ней шел сам король Верити. Когда мы проходили мимо Старлинг, она подняла голову, увидела меня – и зажала себе рот. Глаза ее расширились, и такая алчность мелькнула в них, что я отстраненно подумал: она уже прикидывает, какую песню напишет об этом.

Свободное пространство между толпой гостей и возвышением, на котором стояли троны короля и королевы, мы пересекали, словно пустыню. Дьютифул был суров и бледен.

Что вы делаете? Что вы делаете? – настойчиво вопрошал он, но Чейд его не слышал, а мне нечего было ответить.

Возбужденные шепотки и ропот позади нас переросли в рев. Глаза Неттл были черными на высеченном изо льда лице. Когда мы встали перед королем, я опустил на колени больше от слабости, чем от верноподданнических чувств. В ушах у меня звенело.

Дьютифул спас нас обоих.

– Никогда не бывает слишком поздно! – провозгласил он гостям.

Потом опустил глаза и посмотрел на меня. А я смотрел на него – снизу вверх. И видел короля Шрюда и короля Верити. Мои короли взирали на меня с горячим сочувствием.

– Фитц Чивэл Видящий, слишком долго ты жил среди Элдерлингов, слишком долго спасенный тобою народ проклинал тебя. Слишком много времени провел ты там, где месяцы пролетают как дни. Слишком долго ты жил среди нас тайно, отказавшись от своего имени и причитающихся тебе почестей. Поднимись же. Обернись и предстань перед народом Шести Герцогств, твоим народом. С возвращением!

Он наклонился и протянул мне руку.

– Ты дрожишь, как осиновый лист, – прошептал Дьютифул. – Встать сможешь?

– Думаю, да.

Но без его поддержки я бы не смог.

Я встал. Обернулся. Посмотрел на них, а они – на меня.

Приветственные крики обрушились, как гигантская волна.

Глава 9. Корона

Надеюсь, за эти сведения вы заплатите мне более щедро, ведь ради них мне пришлось рисковать жизнью! Когда вы впервые заговорили со мной о своих «небольших поручениях» там, в Оленьем замке, я и не догадывался, чем мне придется заниматься. Но я держу свое слово и буду и впредь поставлять вам интересные сведения, если только это не будет ставить под угрозу мои дружеские связи.

Кельсингра и впрямь полна чудес, какие и вообразить нельзя. Почти каждый камень здесь являет собой хранилище знаний. Но говорят, это ничто по сравнению с недавно обнаруженными архивами Элдерлингов. Увы, меня туда пока не звали, а я не хочу рисковать доверием своих друзей, напрашиваясь. Очень многое об Элдерлингах, или, как их тут называют, Старших, можно узнать на старой рыночной площади – сами стены там хранят сведения, и, даже просто прогуливаясь по ней, любой невольно впитывает их. Если вы желаете получить ответы на определенные вопросы, то за вознаграждение я могу дать вам их, но есть вопросы, на которые я отвечать не буду. Пока я могу крутить брашпиль, я проживу и без ваших денег. В любом случае хочу напомнить, что у меня есть собственная гордость. Возможно, вы считаете меня простым матросом, но и у нас имеются свои представления о чести.

Однако вернусь к тому, о чем вы так настойчиво спрашиваете. Нет, мне не доводилось видеть никаких «серебристых рек или ручьев». Мой корабль поднимался высоко по течению реки Дождевых чащоб и ее притоков, так что могу заверить вас, что повидать мне их пришлось немало. Все они серые от ила. Возможно, при определенном освещении они могут показаться серебристыми.

Но кажется, мне удалось узнать о том, что вас интересует. Это не река, а колодец. Он наполняется серебристой жидкостью, от которой драконы, похоже, пьянеют. Само существование этого колодца и уж тем более его расположение хранится в тайне. Но тот, кто способен слышать драконов, может с легкостью найти его по шуму и гвалту, который устраивают они у колодца. Иногда, насколько я понимаю, приходится поднимать жидкость со дна колодца ведрами, чтобы дать драконам напиться. Расспрашивать о колодце прямо было бы рискованно. Однако двое юных хранителей имеют слабость к бренди, и мы с ними славно поболтали, пока не пришел их главный, Рапскаль. Он выбрал хранителей и стал угрожать мне разными карами, если снова увидит, что я спаиваю его людей. Слов на ветер этот неугомонный человек не бросает. Он потребовал, чтобы я покинула Кельсингру. На следующее утро за мной пришли и посадили на корабль, который вскоре отчаливал. Рапскаль не запретил мне впредь появляться в Кельсингре, как некоторым путешественникам и деловым людям, однако мне кажется, что лучше выждать время, прежде чем снова появиться там.

С нетерпением жду вознаграждения и новых вопросов. Слать можно в гостиницу «Расщепленная свайка», где я обычно и останавливаюсь.

Йек

Уже светало, когда я без сил повалился на кровать. Перед этим я вскарабкался по тайной лестнице, сгорая от мальчишеского нетерпения рассказать обо всем Шуту – но он крепко спал и похрапывал. Я немного посидел рядом с ним, мечтая, как было бы здорово, если бы он был в Большом зале со мной. Но потом стал задремывать прямо на стуле и сдался – спустился в спальню и лег. Закрыв глаза и уснул. Провалился в сладостное забытие и вдруг проснулся – резко, словно меня укололи булавкой. Меня охватило чувство, будто что-то случилось. Что-то очень-очень нехорошее.

Заснуть снова я уже не смог. «Опасность, опасность, опасность!» – звенел каждый нерв. На меня редко накатывала такая тревога без причины. Много лет назад мой сон всегда стерег

волк, его острый нюх, слух и зоркие глаза предупреждали меня о подкрадывающихся чужаках или наблюдателях, пытающихся остаться невидимыми. Мой волк умер много лет назад, однако в этом смысле по-прежнему оставался со мной. Я привык доверять этому колкому ощущению опасности.

Я лежал на кровати, не шелохнувшись, и прислушивался. Звуки вокруг были только самые обычные – вой ветра за окном, тихое потрескивание поленьев в камине, мое дыхание. Чужих запахов я тоже не чувствовал. Тогда я чуть приоткрыл глаза и, притворяясь спящим, как мог оглядел комнату. Ничего. Я ощупал все вокруг при помощи Силы и Дара. Снова ничего подозрительного. Но тревога не желала оставлять меня. Я закрыл глаза. Спать... Спать...

Я заснул, но так и не отдохнул. Мой дух волком мчался по заснеженным холмам, в поисках не добычи, но своей потерянной стаи. Я бежал, бежал и бежал. Выл от тоски в ночи. И снова бежал, бежал, бежал... Я проснулся весь в поту, одетый. Мгновение я прислушивался и наконец расслышал тихий шорох у двери. После сна все мои чувства оставались по-волчьи острыми. Я пересек комнату и открыл дверь, застав Эша с отмычкой в руках.

Без малейшего смущения он вынул отмычку из замка, отступил на шаг, взял поднос с завтраком и внес его в комнату. Точными, экономными движениями он сервировал стол. Потом пододвинул маленький столик, стоявший у кровати, снял с плеча сумку, достал оттуда бумаги и разложил их на столике ровными рядами.

– Что это? Это все Чейд прислал?

Эш стал объяснять, показывая на ряды писем:

– Поздравления. Приглашения. Просьбы воспользоваться вашим влиянием. Я не читал все, только те, что казались дельными. Думаю, теперь вам каждый день будет приходить куча таких писем.

Разобравшись с почтой (глаза б мои ее не видели!), он оглядел комнату на предмет того, что еще нужно сделать. Я стоял столбом, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что этот мальчишка полагает чтение адресованных мне писем своей обязанностью. Лишь тень неодобрения промелькнула в его глазах, когда Эш коснулся моей скомканной одежды.

– Желаете отдать что-нибудь в стирку, мой лорд? Я буду рад отнести вашу одежду прачкам.

– Постирать, пожалуй, есть что. Но я не думаю, что прачки замка обстирывают гостей. И я не твой лорд.

– Господин, я абсолютно уверен, что минувшей ночью все изменилось. Принц Фитц Чивэл, я сочту за честь отнести ваше белье прачкам.

– Насмехаешься? – Я был полон недоверия.

Он опустил глаза и тихо проговорил:

– Я не насмехаюсь, господин. Разве не может бастард радоваться счастью другого низкороджденного и мечтать, что однажды и ему улыбнется удача? – Он посмотрел на меня, чуть склонив голову к плечу. – Чейд заставил меня назубок выучить историю Шести Герцогств. Вы знали, что незаконнорожденный сын наследницы трона однажды действительно стал королем страны?

– Не совсем так. Ты, должно быть, говоришь о Принце-Полукровке. Он плохо кончил. Двоюродный брат убил его за то, что Полукровка обладал Даром, и захватил трон.

– Возможно. – Эш взглянул на мой поднос с завтраком и расправил салфетку. – Но ему выпала удача, пусть и недолгая, верно? Вот и мне она однажды выпадет. Разве это справедливо, что на нас всю жизнь смотрят сверху вниз из-за того, как мы появились на свет? Почему я до конца дней своих должен оставаться сыном шлюхи, мальчиком на побегушках в борделе? Несколько клятв и кольцо – и вы могли бы стать королем. Вам это не приходило в голову?

– Нет, – солгал я. – Это был один из первых уроков Чейда, который я усвоил. Думай о том, что есть, и не позволяй несбывшемуся отвлекать тебя.

Эш кивнул:

– Когда я стал учеником леди Розмари, мое положение сделалось на ступень выше, чем прежде. И если появится возможность подняться еще выше, я постараюсь не упустить ее. Я уважаю лорда Чейда, однако если бы человеку суждено всю жизнь оставаться тем, кто он есть... – Он искоса, с любопытством посмотрел на меня.

Его слова болезненно кольнули меня.

– Что ж, я не хотел тебя обидеть, Эш. Уверен, если ты будешь продолжать учиться у своей наставницы, то, безусловно, добьешься многого.

– Спасибо, господин. Итак, ваша одежда?

– Минуту.

Пока я стаскивал с себя потную рубашку и мятые штаны, он подошел к дорожному сундуку лорда Фелдспара, чтобы выбрать для меня свежий наряд.

– Это не подойдет, – бормотал он. – И это тоже, и это... А это что? Да, пожалуй...

Но когда я повернулся к мальчишке, чтобы взять у него чистую одежду, то увидел, что он смотрит на меня, вытаращив глаза:

– Господин, что с вашей спиной? На вас напали? Мне сказать, чтобы вам дали телохранителя? Пусть сторожит вашу дверь?

Я потрогал болезненные места на спине. К моему удивлению, они не полностью зажили. Одна ранка все еще немного кровоточила, к двум другим было больно прикасаться. И я не смог с ходу изобрести подходящее объяснение, откуда у меня на спине множество колотых ран.

– Никто на меня не нападал, это был несчастный случай. Рубашку, пожалуйста.

Я старался держаться так, словно привык, что меня обслуживает личный слуга. Без единого слова Эш встряхнул рубашку и подал ее мне, держа за плечи. Обернувшись, я попытался поймать его взгляд, но он отвел глаза. Мальчишка понял, что я солгал. Но так ли велика была моя ложь? Это ведь в самом деле был несчастный случай. Я молча взял из рук Эша чистое белье, чулки и брюки. К счастью, он выбрал куда более практичную одежду, чем та, в которой щеголял лорд Фелдспар. Пуговиц на ней все равно было множество, но хотя бы не смехотворно много. Эш успел даже вычистить и приготовить мои сапоги. Я сел и с некоторым облегчением обулся.

– Спасибо, – сказал я. – Ты хороший слуга.

– Я годами прислуживал своей матери и другим женщинам.

Сердце мое упало. Я сомневался, что хочу узнать подробности жизни этого ученика. Однако он явно хотел рассказать о себе, и я не мог отказать ему.

– Да, я слышал.

– Лорд Чейд никогда не был клиентом моей матери, так что можете не опасаться, что я его сын. Однако он всегда был ко мне добрее, чем большинство людей. Я начал выполнять его поручения, когда мне было десять. Когда моя мать... когда ее убили, мне пришлось бежать. А лорд Чейд послал своего человека разыскать меня. И этим спас мне жизнь.

Кусочки мозаики в моей голове складывались в целостную картинку. Чейд посещал публичный дом, где работала мать Эша, просто не уединялся именно с ней. Достаточно было толики доброты, чтобы мальчишка стал шпионить для него – возможно, даже не подозревая, чем занимается. Пара монет, несколько брошенных вскользь вопросов – и Чейд узнавал о других клиентах все, что ему нужно. Может, из-за этого жизнь мальчишки и оказалась в опасности, когда его мать умерла? Тут явно целая история. И пожалуй, не одна. Сын какого благородного семейства слишком далеко зашел в своих извращениях? Я не хотел этого знать. Чем больше знаешь, тем больше запутываешься в чужих делах. Прошлой ночью меня поймали в сети, словно рыбу. И любые попытки выпутаться из них приведут только к тому, что сеть затянется туже.

– Я устал, – сказал я, дополнив слова утомленной улыбкой. – Я так устал, хотя день еще только начинается. Пойду проведу своего товарища. Если тебе снова придется бежать, Эш, знай, что можешь обращаться ко мне как к другу.

Он с серьезным видом кивнул. Еще одна ниточка паутины затянулась вокруг меня.

– Я отнесу вашу одежду в стирку, а ближе к вечеру принесу обратно. У вас есть еще поручения для меня?

– Спасибо. Пока всё.

В собственных словах мне послышался голос Верити. Я вспомнил, как он отпускал слугу, который всегда прислуживал ему. Чарим. Так звали слугу. Как давно это было... Я опасался, что Эш обидится на то, как я отослал его, но тот лишь коротко поклонился и вышел, перекинув мою грязную одежду через руку. Я сел завтракать тем, что он мне принес. Интересно, сегодняшняя еда вкуснее вчерашней? Может быть, Фитцу Чивэлу Видящему подали яства более изысканные, чем приносили лорду Фелдспару? И если да, что это говорит о том, чего от меня ожидают при дворе, будь то аристократы или слуги? Начнут ли благородные господа искать моего расположения? Объявятся ли простолюдины, желающие наняться ко мне в услужение? Я просмотрел несколько писем из тех, что принес Эш. Попытки заслужить мое расположение, раболепные приглашения, преувеличенно любезные поздравления... Я зажмурился, потом снова открыл глаза. Груда писем никуда не делась. Надо будет как-то с ними разобраться. А может, это входит в обязанности Эша? Не зря же он даже не извинился за то, что читал их.

Каково теперь мое место при дворе Дьютифула? Как бы его покинуть? Что будет с Би? У меня не было времени сказать Кетриккен, чтобы она послала за моей дочерью, но теперь я понял: это непременно нужно сделать. Ведь те, кто узнал во мне Тома Баджерлока, вскоре поймут, что в роду Видящих есть еще одна дочь, дочь, которую держат в тайне. Да принадлежит ли мне моя жизнь по-прежнему хоть в какой-то мере? Та жизнь, которую я вел последние сорок лет, внезапно разлетелась вдребезги. Вся лож осталась в прошлом. Впрочем, нет, не вся. Надо будет поговорить с Чейдом и состряпать историю о том, чем я занимался все эти годы. Признаться ли, что я причастен к освобождению черного дракона Айсфира? Открыть ли, как я спас Дьютифула, когда его похитили Одаренные, и помог ему остаться наследником трона? Как вообще увязать Тома Баджерлока и Фитца Чивэла Видящего? Я вдруг понял, что говорить правду так же опасно, как и лгать. Крошечный кусочек истины может потянуть за собой другие разоблачения. И чем все кончится?

Я сосредоточился на еде, не позволяя себе погрузиться в это море вопросов. Лучше будет не выходить сегодня из комнаты, если только кто-то не обратится ко мне при помощи Силы или не пришлет записку. Не стоит шагать в бурный поток, жонглируя множеством шаров.

Поэтому, когда кто-то тихо постучал в дверь, я тут же отставил чашку и встал. Стук повторился. Но шел он не от двери в коридор, а из-за потайной двери, ведущей к старому логову Чейда.

– Шут? – тихо окликнул я, но ответа не последовало.

Я встал и открыл дверь.

За ней оказался не Шут, а ворона. Повернув голову, она уставилась на меня глазом-бусинкой. А потом с поистине королевским достоинством преодолела вприпрыжку последние несколько ступенек и вышла на середину комнаты.

Многие, лишённые Дара, думают, будто мы, люди Древней Крови, способны общаться с любым зверем или птицей. Это не так. Дар – это когда человек и животное по обоюдному согласию открывают друг другу свои мысли. Среди животных есть те, кто делает это более охотно, чем другие. Например, бывают кошки, которые готовы целыми днями общаться с кем угодно – болтать, ныть или приставать с просьбами. Даже люди, наделённые самой малой долей Дара, часто встают, чтобы впустить кошку, еще до того, как она поскребется в дверь, или подзывают ее с другого конца комнаты, чтобы отдать лучший кусочек рыбки со своей тарелки.

Я много лет был связан с волком, и от этого, наверное, мои мысли обрели форму, с которой волчьим родственникам было проще иметь дело. Волки, собаки и даже лисы порой говорили со мной. Как-то мне довелось беседовать с самкой ястреба – ее хозяйка сама меня об этом попросила. А один маленький хорек навсегда останется в моем сердце. Но нельзя просто метнуть свои мысли в голову животного и ждать, что оно поймет тебя. Я, правда, подумал, не попытаться ли, но Дар быстро становится делом обоюдным, а я не хотел, чтобы между мной и этой птицей возникли подобные узы.

Поэтому я не стал прибегать к магии, а просто сказал:

– Ты выглядишь уже получше. Открыть тебе окно?

– Мрак, – каркнула птица.

Сказано это было на удивление четко и разумно. Я слышал, что иногда птиц удается научить человеческой речи, но обычно они просто повторяют слова, не понимая их смысла. Ворона прошествовала через комнату, почти не подпрыгивая, внимательно оглядела окно и вспорхнула на сундук для одежды. Я не смотрел ей в глаза – дикие животные обычно этого не любят. Просто аккуратно обошел ее и открыл окно.

Ветер и мороз ворвались в комнату: вьюги, продолжавшиеся уже несколько дней, поутихли, но облака обещали к вечеру новые метели. Я постоял, глядя поверх замковых стен. Очень много лет прошло с тех пор, как я в прошлый раз любовался этим видом. Там, где раньше были овечьи пастбища, теперь стояли крестьянские домики, там, где чернел лес, раскинулись пастбища. Еще дальше виднелась земля, где лес только начали сводить. У меня защемило сердце: мы с моим волком когда-то охотились в этих лесах, а нынче там пасут овец. Мир должен меняться, и почему-то человеку, чтобы процветать, приходится отбирать все больше и больше у дикой природы. Возможно, глупо сокрушаться о переменах, и возможно, лишь тот, кто живет одновременно в мире людей и зверей, способен на такие сожаления.

Ворона взлетела на подоконник. Я отступил, чтобы не стеснять ее.

– Счастливого пути, – пожелал я и стал ждать, когда она улетит.

Птица наклонила голову и уставилась на меня. Потом по-птичьи оглянулась на мир за окном. И вдруг вспорхнула, пролетела через комнату и опустилась прямо на мой поднос с завтраком, отчего посуда на нем задребезжала. Широко расправив крылья, ворона каркнула, словно пытаясь напомнить мне:

– Белые! Белые! – И, будто так и надо, схватила с тарелки и слопала полоску бекона.

Поклевав недоеденный кусок хлеба, она сбросила его на пол. Посмотрела задумчиво, но доедать не стала, а окунула клюв в миску с яблочным компотом.

Предоставив птице бесчинствовать на столе с завтраком, я подошел к сундуку лорда Фелдспара. Как я и думал, Чейд снабдил меня всем необходимым. Я нашел склянку чернил и гусиное перо. Немного подумав, убрал со столика письма. Перевернув перо, обмакнул его мягкий конец в чернила и посмотрел, что вышло. Сойдет.

– Ворона, иди сюда. Я сделаю тебя черной.

Она бросила клевать кусок бекона.

– Белая! Белая!

– Я сделаю тебя не белой, – сказал я и сосредоточил на ней свой Дар.

Не белой.

Она уставилась на меня одним блестящим глазом. Я ждал. Наконец она вспорхнула с подноса, уронив на пол ложку и опустилась на столик передо мной.

– Расправь крылья.

Птица таранилась на меня, явно не понимая. Я медленно раскинул руки в стороны.

Расправь. Покажи мне белое.

Понять, чего от тебя хотят, куда труднее, чем просто довериться. Ворона старалась. Она расправила крылья. Я попытался покрасить белые перья, но тут она захлопала крыльями и забрызгала чернилами нас обоих. Я начал все сначала.

За работой я приговаривал:

– Понятия не имею, останутся ли твои перья черными под дождем. А может, чернила высохнут и осыплются просто от ветра. А может, от них твои перья слипнутся.

Расправь. Нет, так и держи. Пусть чернила высохнут.

К тому времени, когда я перешел на второе крыло, она уже была более сговорчива, а мои руки и письма были сплошь в чернильных брызгах. Я закончил со вторым крылом и вернулся к первому. Пришлось объяснить птице, что мне нужно покрасить перья с внутренней стороны.

– Теперь сохни! – велел я, и она послушно замерла с расправленными крыльями.

Она слегка встрянула перьями, и я порадовался, увидев, что брызги чернил с них уже почти не летят. А когда птица сложила крылья, на мой взгляд, она уже была неотличима от обычной черной вороны.

– Не белая! – сказал я.

Она вывернула шею и клювом пригладила перышки. Похоже, она осталась довольна моей работой, потому что вдруг снова перепорхнула на тарелку с завтраком.

– Я не буду закрывать окно, – сказал я и ушел, оставив птицу неопытно пировать остатками моей трапезы.

Я тщательно прикрыл за собой дверь, потому что Чейд был прав: если открыть и дверь, и окно, в его логово задувал страшный сквозняк.

Поднимаясь по лестнице, я думал, как расскажу Шуту обо всем, что случилось за однуединственную ночь. Глупая ухмылка против воли появилась на моем лице. Только тогда я наконец признался себе, что какая-то часть меня лжет. Столько лет, столько лет я стоял на опушке леса, глядя на освещенные окна вдали. Олений замок всегда был моим домом. И вот теперь, невзирая на все свои страхи и дурные предчувствия, я позволил себе на миг представить, как стою по левую руку от своего короля, вершащего суд, или сижу на пиру за Высоким столом. Я представил, как танцую со своей младшей дочерью в Большом зале. Скоро я расскажу обо всем Шуту, и он поймет, какие чувства рвут мое сердце на части. И вновь мне стало обидно, что он не был в зале вчера вечером и не слышал, как Старлинг пела о моей отваге и самоотверженных подвигах.

Но Шут бы все равно ничего не увидел. И подобно тому, как загнанный олень бросается со скалы на лед замерзшего озера, мой дух погрузился во мрак и холод. Восторг мой померк. Мне вдруг стало страшно делиться с Шутом тем, что произошло вчера. Накануне я не рассказывал ему, что Неттл беременна. Сегодня я боялся сказать, что король Дьютифул при всех признал меня.

Я шел все медленнее, а на последних ступеньках уже еле переставлял ноги. И я был совершенно не готов к зрелищу, открывшемуся мне: Шут сидел за столом Чейда, а перед ним, расставленные по кругу, ярко горели шесть свечей. Еще меньше я ожидал увидеть на его лице кривую усмешку.

– Фитц! – воскликнул он, и шрамы на лице превратили его улыбку в гримасу марионетки. – У меня чудесные новости!

– И у меня, – подхватил я, немного воспрянув духом.

– Это замечательные новости, – повторил Шут, будто я с первого раза не понял.

Уж не хочет ли он поделиться со мной теми самыми новостями, которые я нес ему? Если так, решил я без раздумий, я выслушаю его, лишь бы его порадовать.

– Вижу, – сказал я, усаживаясь за стол напротив него.

– Ничего подобного. – И он заливисто рассмеялся над шуткой, соль которой я все не мог уловить. – Это я вижу!

Я сидел молча, ожидая продолжения. А потом, как это часто бывало, когда мы оба были молоды, смысл его слов внезапно дошел до меня.

– Шут! Ты видишь!

– Я же сказал! – отозвался он и от души расхохотался.

– А ну, посмотри на меня, – велел я, и Шут поднял на меня глаза, но наши взгляды не встретились.

К моему разочарованию, глаза его были по-прежнему серые и затянутые пеленой.

Улыбка Шута немного померкла.

– Я вижу свет, – признал он. – Могу отличить темноту от света. То есть не совсем так. Когда ты слепой, эта темнота отличается от той, к которой мы привычны. Ладно, не важно, не буду вдаваться в объяснения, просто скажу: я знаю, что передо мной на столе горят свечи. А когда я поворачиваю голову, то знаю, что там, в стороне, их нет. Фитц, мне кажется, зрение возвращается ко мне. Той ночью, когда ты использовал Силу, чтобы помочь мне... Да, нарывы на спине начали заживать. Но ты сделал нечто большее.

– Той ночью я не пытался исцелить твои глаза. Возможно, ты просто понемногу выздоравливаешь. – Я прикусил язык, чтобы не предупредить: «Рано еще надеяться!» Уж я-то знал, как он плох на самом деле. И все же Шут стал различать свет. Возможно, он идет на поправку. – Рад за тебя. Давай постараемся, чтобы дело и дальше шло на лад. Ты уже ел сегодня?

– Да, я поел. Приходил мальчишка Чейда – на этот раз он не так сильно испугался меня. А может быть, это ворон привлек его любопытство. А потом пришел и сам Чейд, принес сверток для тебя. Фитц! Он все мне рассказал. У меня... голова идет кругом. Я счастлив за тебя. И мне страшно. Как может существовать время, мир, которого я не провидел? А еще Чейд сказал, что Старлинг спела балладу о твоей жизни, и спела прекрасно! Это правда? Мне не приснилось?

Я ощутил укол разочарования. Только теперь, когда выяснилось, что Шут все знает, я понял, как сильно мне хотелось рассказать ему. Но он был так рад за меня – чего же еще желать?

– Нет, все правда. Это было замечательно.

И я поделился с ним тем, что мало кто другой мог понять. Я рассказал, как Целерити, унаследовавшая титул герцогини Бернса после смерти своей сестры леди Хоуп, подошла и положила руки мне на плечи. Я заглянул в ее ясные глаза. Пусть вокруг них и возле ее рта залегли морщинки, я встретился взглядом все с той же решительной девушкой, которую когда-то знал. «Я никогда в тебе не сомневалась, – сказала она. – Напрасно ты сомневался во мне». И она легко поцеловала меня, отвернулась и быстро пошла прочь. Ее муж непонимающе посмотрел на меня и поспешил следом.

Я поведал, как королева Эллиана срезала со своей манжеты пуговицу в виде серебряного нарвала и вручила ее мне, наказав всегда носить с собой. Шут улыбнулся, услышав об этом, а потом сделался задумчивым, когда я стал рассказывать, как малознакомые люди принялись пожимать мне руку и хлопать по плечу. Некоторые недоверчиво улыбались, другие плакали. Но были и такие – и эти больше всего сбивали меня с толку, – кто подмигивал или, наклонившись к моему уху, шептал: «Не забывайте, я не выдал вашу тайну» и все в таком роде. Больше прочих меня смутил молодой стражник: он решительно прошагал мимо ожидающих своей очереди аристократов прямо ко мне; глаза его пылали гневом. Он сказал только: «Мой дед до самой смерти думал, что привел тебя на верную смерть. Блейд всю жизнь переживал, что предал тебя. Уж ему-то ты мог довериться». И он ушел, прежде чем я успел сказать в ответ хоть слово.

Я поймал себя на том, что говорю тихо и напевно, словно рассказываю старую сказку ребенку. И подвожу рассказ к счастливому концу, хотя даже дети знают, что сказки никогда не заканчиваются и то, что кажется счастливым концом, всего лишь небольшая передышка в жизни героев, перед тем как на них обрушатся новые испытания. Мне не хотелось думать об этом. Не хотелось гадать, какое несчастье ждет меня в будущем.

– Чейд хоть объяснил, зачем так поступил? – спросил Шут.

Я пожал плечами, хотя он и не мог этого видеть:

– Он сказал, что время пришло. Что и Шрюд, и Верити хотели бы этого. Мол, теперь, когда он сам вышел из тени, не мог оставить меня там.

Основательно пошарив на полках Чейда, я нашел, что искал, – винный спирт. Тогда я запалил себе еще свечу, взял тряпочку, смочил ее спиртом и стал оттирать пятнышки чернил. Чернила оттираться не хотели. Для вороны это хорошо, но меня руки в чернилах раздражали. Я подошел к зеркалу и стал оттирать кляксы с лица.

– Чем это пахнет? Что ты делаешь?

– Пытаюсь оттереть лицо. Я покрасил белые перья вороны чернилами, чтобы соплеменники ее больше не клевали и она могла летать спокойно.

– Покрасил ворону. Принц Фитц Чивэл Видящий наутро после признания его законным наследником трона развлекается, раскрашивая ворон. – Шут рассмеялся.

Мне было отрадно слышать его смех.

– Ты сказал, Чейд оставил для меня сверток?

– Да, на том краю стола.

Шут снова устался на свечи, наслаждаясь их светом в той мере, в какой мог его различить. И я не стал забирать у него огонь, а просто пододвинул сверток поближе и начал развязывать. От свертка исходил запах земли, он был завернут в кожу и перевязан кожаными шнурками. Узлы позеленели от времени, белые пятна на коже тоже говорили о старости. Шнурки не развязывали очень давно, и, возможно, подумал я, какое-то время сверток лежал под открытым небом. Наверное, всю зиму. Может, был закопан в землю.

Пока я возился с узлами, Шут заметил:

– Чейд оставил еще и записку. Что в ней?

– Я пока не читал.

– А может, стоит прочитать, прежде чем разворачивать?

– Он сказал, это обязательно?

– Он, похоже, долго думал и в конце концов написал всего несколько слов. Я слышал шорох пера и множество вздохов.

Я оставил узлы в покое, не в силах выбрать между письмом и свертком. И то и другое дразнило мое любопытство. Приподняв свечу, я рассмотрел одинокий лист бумаги на дальнем краю стола. Прежде я проглядел его в темноте. Я протянул руку и придвинул записку к себе. Как почти все послания Чейда, она была без обращения и без подписи. Ни даты, ни приветствия – только несколько строк.

– И что там написано? – с нетерпением спросил Шут.

– «Я сделал, как он велел. Обстоятельства так и не сложились. Знаю, ты поймешь. Думаю, теперь это должно перейти к тебе».

– О! Чем дальше, тем лучше! – воскликнул Шут. И добавил: – Просто перережь ремешки, наверное. Эти старые узлы ни за что не распутать.

– Ты уже пробовал, да?

Он пожал плечами и усмехнулся:

– Если бы у меня получилось, тебе было бы проще.

Я все же заставил нас обоих помучиться любопытством, пытаясь развязать сверток. Но если кожаный ремешок завязать, потом намочить и дать высохнуть, узел становится крепким, как железо. Так что в конце концов я сдался и перерезал ремни своим поясным ножом. Потом пришлось повозиться, разворачивая кожу – она была не тонкой, а вроде той, какую используют для седел. Она протестующе скрипела, когда я вытаскивал из ее объятий нечто, обернутое в промасленную тряпицу. Я положил находку на стол, и она глухо лязгнула.

– Что это? – спросил Шут и пробежал пальцами по загадочному предмету.

– Давай посмотрим.

Промасленная тряпка на поверку оказалась мешочком из толстой холстины. Я запустил в него руки и достал на свет...

– Это корона, – объявил Шут, ощупав находку почти в тот же миг, когда я разглядел ее.

– Не совсем.

Короны обычно куют не из стали. И Ходд была не королевским ювелиром, а мастером-оружейником. Она делала превосходные мечи и доспехи. Я взял в руки простой стальной венец и стал оглядывать его, уже зная, что это ее работа, хотя не смог бы сказать, откуда у меня такая уверенность. И точно – вот оно, на внутренней стороне: скромное, но честное клеймо мастера.

– Тут что-то еще. – Руки Шута, точно хорьки, нырнули внутрь открытого свертка, пошарили там и извлекли на свет цилиндрический деревянный футляр.

Шут протянул футляр мне. Я молча взял. Мы оба понимали, что внутри лежит свиток. Концы футляра были запечатаны красным воском. Я поднес их к свету и рассмотрел.

– Печать Верити, – сказал я.

Как ни противна была мне мысль портить этот оттиск, я подцепил воск ножом, срезал печать, открыл цилиндр и потряс его. Свиток выпал не сразу, он долго пролежал в футляре и не хотел покидать его. Наконец он сдался, и я с первого взгляда понял, что свиток не пострадал от влаги.

– Читай! – настойчиво прошептал Шут.

Я развернул тонкий пергамент и сразу узнал руку Верити. Четкий почерк человека, любившего рисовать карты, планы укреплений и схемы битв. Он всегда писал крупными буквами без завитушек. Почерк моего короля. В горле у меня пересохло.

Я не сразу смог заговорить, а когда начал читать вслух, то от напряжения дал петуха:

– «Сей документ, да будет тому порукой моя личная печать и свидетельство Чейда Фалл-стара, являет собой последнюю волю будущего короля Верити Видящего. Скажу прямо: я ухожу в странствие, из которого могу не вернуться. Я оставляю мою королеву, Кетриккен из Горного Королевства, в тягости моим будущим наследником. Если, пока меня не будет, мой отец, король Шрюд, умрет, я вверяю защиту своей супруги моему племяннику, Фитцу Чивэлу Видящему. Если станет известно о моей гибели, то я желаю, чтобы Фитц Чивэл Видящий был официально признан защитником моего наследника. Если же и моя королева умрет, а наследник останется жив, то да будет Фитц Чивэл Видящий провозглашен регентом и правит до тех пор, пока наследник не сможет взойти на трон. Если же ни я, ни мой отец, ни моя королева, ни мой наследник не останутся в живых, то пусть Фитц Чивэл Видящий будет признан моим наследником. Я не желаю, чтобы мой младший брат, Регал Видящий, унаследовал мою корону. И настоятельно прошу герцогов признать и поддержать эту мою последнюю волю».

Я помолчал, стараясь восстановить дыхание.

– Ниже – его подпись.

– А это, выходит, могла быть твоя корона. – Шут провел искалеченными кончиками пальцев по ободу безыскусного венца. – Без единого драгоценного камня. Похоже, она выкована из оружейной стали. Погоди, кажется, не так уж она и проста! Вот... Что это?

Я взял у него корону, поднес к свету – и разглядел на обруче гравировку.

– Атакующий олень.

– Он даровал тебе право носить его.

– Верити – да. – У меня перехватило горло, когда я добавил: – Это герб Видящих, как он есть. Без косой черты, означающей мое внебрачное происхождение.

Мы надолго погрузились в молчание. Горели свечи, в камине на другом конце комнаты прогорело и треснуло полено.

– Ты жалеешь, что это не сбылось? – спросил Шут.

– Нет! Конечно нет! – Это было все равно что желать смерти Шрюду, Кеттриккен и ее тогда еще не родившемуся ребенку. – Но... мне жаль, что я не знал его волю. В былые времена это много значило бы для меня.

– А сейчас разве нет?

– И сейчас значит. Теперь я знаю, что Верити считал меня достойным защищать его королеву и ее ребенка. И взойти на трон после его смерти.

– Так ты никогда не хотел стать королем?

– Нет.

«Лжец!» Но я так давно и так часто повторял эту ложь, что уже сам почти поверил в нее.

Шут тихонько вздохнул. Я подумал было, что он разочарован тем, как мало во мне честолюбия, но потом понял, что это был вздох облегчения. И прежде чем я успел спросить его об этом, Шут сказал:

– Когда Чейд рассказал мне, что тебя официально приняли при дворе тем, кто ты есть, и что большинство аристократов готово приветствовать твое возвращение и возвеличить тебя, это меня встревожило. А коснувшись твоей короны, я и вовсе испугался.

– Чего?

– Что ты захочешь остаться в Оленьем замке. Что тебе понравится открыто быть тем, кем ты был всегда, – не будущим королем, но королем за троном.

Ничего себе титул он мне придумал!

– И ты испугался... чего?

– Что теперь, получив признание, которого заслуживаешь, ты не захочешь уходить. И разве что вопреки собственной воле отправишься выполнять мою просьбу.

Чтобы не дать разговору свернуть на то, как я по настоянию Шута должен пойти и убить всех его врагов, я поспешно заговорил о другом его поручении:

– Шут, я изо всех сил постараюсь отыскать твоего сына, раз уж ты думаешь, что он где-то существует. И мне было бы намного проще, если бы ты припомнил женщин, с которыми делил постель, и когда примерно мог зачать ребенка.

Он раздраженно фыркнул:

– Фитц! Ты что, совсем меня не слушаешь? Нет никакой женщины, и не может быть ребенка, зачатого подобным образом. Я же говорил тебе.

Голова у меня пошла кругом.

– Нет. Нет, ты не говорил. Если бы говорил, я бы наверняка запомнил и к тому же сразу спросил бы – и сейчас спрошу: тогда каким образом у тебя мог родиться сын?

– Ты не слушаешь, – печально сказал он. – Я говорю прямо и ясно, но если я говорю то, чего ты не готов услышать, ты пропускаешь это мимо ушей. Фитц... Эта корона... Она тебе впору?

– Это не то чтобы настоящая корона.

Опять Шут сменил тему. И нет смысла настаивать, пока он сам не решится все объяснить. Постаравшись скрыть облегчение оттого, что мне удалось отвлечь Шута от разговоров про месть, я повертел в руках холодный стальной обруч. Единственная корона, которую мне доводилось носить, была деревянной и украшенной резными изображениями петухов. Нет, не нужно сейчас об этом вспоминать. Я поднял венец и надел его.

– Вроде бы подходит. Я ведь не знаю, как она должна сидеть на голове.

– Позволь, я проверю.

Шут встал и ошупью прошел вдоль стола ко мне. Его руки нашарили мое плечо, щеку, вспорхнули на голову. Он слегка приподнял корону и вдруг, похоже, сам того не сознавая, стал ошупывать меня: измерил длину волос, пробежался пальцами по лицу, коснулся сломанного носа, старого шрама, щетины на подбородке. Если бы это делал кто-то другой, мне было бы

неприятно, даже противно. Но я понимал, что Шут сравнивает то, каким я стал, с образом в своей памяти.

Шут прокашлялся и поднял корону высоко в воздух. И очень серьезно – таким серьезным я его еще никогда не видел – произнес:

– Фитц Чивэл Видящий! Короную тебя королем за тронм Шести Герцогств. – И он осторожно опустил венец мне на голову.

Корона села как влитая. Казалось, теперь она навсегда останется у меня на голове.

Шут немного помолчал, потом снова кашлянул и сказал:

– Ты по-прежнему хорош собой, Фитц. Уже не такой красавчик, конечно, каким был до того, как Регал сломал тебе нос, но годы не состарили тебя, должен сказать.

Я пожал плечами:

– Это все последствия давнего исцеления Силой. Мое тело постоянно восстанавливается, хочу я того или нет.

Я снял корону и положил на промасленную холстину, которая так долго защищала ее. Свет свечей краснел на кромке венца, словно кровь.

– Тут я могу тебе только позавидовать, – отозвался Шут и снова стал смотреть на свечи.

Долгое время мы молчали. Потом он тихо сказал.

– Фитц... Мои глаза... Они использовали мою слепоту. Чтобы постоянно держать меня в страхе, съезжившимся от ужаса. Мне нужно вернуть зрение. Меня бросает в дрожь при мысли, что придется отправляться в наше путешествие слепым. Если не будет иного выхода, я все равно пойду. Но... не мог бы ты...

А я-то думал, мне удалось увести разговор в сторону. Я уже сказал Шуту, что не пойду с ним, однако он упорно делал вид, будто не слышал. Ладно...

– Что сделали с твоими глазами? – тихо спросил я.

Он беспомощно взмахнул рукой:

– Не знаю. Может, они даже не нарочно, но, раз уж я ослеп, использовали это сполна. Они... О Фитц. Меня били. Потом били снова. Глаза у меня так заплыли, что я ничего не видел. Опять побои... И...

Я перебил его:

– А когда отек спал, ты обнаружил, что больше ничего не видишь.

Он втянул воздух сквозь зубы. Ему приходилось делать над собой усилие, чтобы рассказать мне то, о чем он хотел поскорее забыть.

– Сперва я думал, что очнулся ночью. Или что меня заперли в темнице, где совсем нет света. Они иногда так делали. Когда вокруг одна темнота, узник теряет счет времени. Думаю... думаю, они приносили мне еду и воды то с большими промежутками, то почти сразу, чтобы сбить с толку. Очень не скоро я понял, что ослеп. И далеко не сразу смирился с тем, что это надолго.

– Хватит. Мне просто нужно было кое-что узнать, чтобы было легче помочь тебе.

Снова молчание. Наконец Шут прошептал еле слышно:

– Ты попробуешь это сделать прямо сейчас?

Я долго не отвечал. Попытаться вылечить его означало рискнуть ослепнуть самому. Но разве мог я сказать ему об этом теперь, когда его лицо светилось такой надеждой? В эту минуту он был очень похож на старого доброго Шута. Я не видел его таким со времен событий на Аслевджале. Зрение так много значит для него. Ему нужно видеть, чтобы отправиться к своей цели, а глупая, нелепая цель убить всех Слуг – единственное, что у него осталось в жизни. Накануне вечером сбылось то, о чем я не смел даже мечтать. Так могу ли я теперь убить надежду в сердце Шута?

Я буду осторожен. Очень-очень осторожен. Я ведь почувствую опасность и смогу вовремя остановиться, правда?

А может быть, я перенял от Чейда качества, которые сам в нем не люблю? Может быть, я всегда хотел узнать, как далеко я смогу зайти по пути магии, если никто не будет сдерживать меня? Я выбросил из головы этот неприятный вопрос.

– Сейчас? Почему бы и нет. – Я отодвинул стул, встал и обошел вокруг стола, чтобы оказаться рядом с ним. – Повернись ко мне, – негромко попросил я.

Шут послушно обратил ко мне лицо. Я взял одну из свечей, стоявших перед ним, и поднес ее ближе, чтобы рассмотреть его. На скулах, под ввалившимися глазами, у него остались шрамы – похожие рубцы бывают на лицах бывалых кулачных бойцов. Кожа тут легко рвется от удара, ведь на скулах она такая тонкая, а почти сразу под ней – кость. Я придвинул стул и сел рядом с Шутом.

– Сейчас я коснусь тебя, – предупредил я его и взял за подбородок.

Я медленно поворачивал лицо Шута влево и вправо, изучая следы методичных попыток и жестоких побоев. Мне вдруг вспомнилось, как Баррич рассматривал мое лицо после того, как меня избил Гален. Двумя пальцами я провел вокруг глаз Шута. Он то и дело морщился. Должно быть, какие-то лицевые кости были сломаны и срослись неправильно. В одном месте, у виска, я нащупал вмятину, и мне стало нехорошо. Но там ли кроется причина слепоты? Я не знал. Глубоко вздохнув, я пообещал себе, что на сей раз буду очень осторожен и не поставлю под угрозу ни здоровье Шута, ни собственное. Я взял его лицо в ладони. Закрыв глаза.

– Шут... – позвал я. И сразу, без всяких усилий нашел его.

Шут был рядом. В прошлый раз он был в забытьи и не чувствовал, как мой разум странствует по его телу вместе с током крови. Теперь он оставался в сознании и положил свои руки поверх моих. Так было легче. Я знал, как выглядит его лицо, но он мог поделиться со мной своими ощущениями. Я припомнил рисунки из старых манускриптов из Живодерни, хранившихся у Чейда, и человеческий череп, возможно до сих пор стоящий на полке в углу.

И пока наши с Шутом руки ощупывали его лицо, я негромко произнес:

– Иногда кости ломаются на стыке и срастаются неправильно. Вот здесь. Чувствуешь? Надо это исправить.

И мы стали исправлять, медленно-медленно. Мы заставляли кость сместиться самую малость, потом еще и еще. Из-за переломов на лице Шута образовались бугры и провалы. Чем-то это напоминало скорлупу вареного яйца, которое надкололи, чтобы почистить. Мы исследовали лицевые кости одну за другой, дотошно и постепенно. Спешить тут было нельзя. Совмещая обычные прикосновения и Силу, мы проследили одну тончайшую трещинку от края глазницы до верхней челюсти. Скулы были покрыты целой сетью таких трещин. У внешнего края правой глазницы чей-то могучий удар оставил вмятину, так что кость давила на ткани под ней. Какое-то время мы трудились над ней, возвращая крошечные фрагменты кости на место, чтобы закрыть вмятину и кость перестала давить.

На словах все кажется просто. На деле было нелегко. Какими бы крошечными ни были вызываемые нами смещения, по сути, мы заново ломали и сращивали кости. Сжав зубы, я едва терпел боль Шута, которая молотом стучала у меня в голове. Мы смогли привести в порядок только кости под глазами, а мои силы уже были на исходе. Но тут Шут убрал ладони с моих рук.

– Хватит. Хватит, Фитц. Я устал. И это больно. А боль пробуждает воспоминания.

– Ладно, – хрипло сказал я.

Но мне понадобилось некоторое время, чтобы мой разум полностью покинул его тело. Я словно возвращался домой после долгого странствия, похожего на ночной кошмар. И только полностью вернувшись в себя, я убрал руки, разрывая связь. Когда я поднял веки, комната поплыла у меня перед глазами. На миг меня охватил ужас: я зашел слишком далеко и повредил себе зрение! Но это была просто усталость. Обстановка скудно освещенной комнаты постепенно проступила из сумрака. Свечи сгорели наполовину. Я не знал точно, сколько времени прошло, но рубашка моя была мокрой от пота, а во рту сделалось так сухо, будто я пробежал

из замка до Баккипа и обратно. Как только я отпустил Шута, он ссутулился, поставил локти на стол и спрятал лицо в ладонях.

– Шут. Сядь прямо. Открой глаза. Скажи, получилось ли у нас что-нибудь?

Он сделал, как я сказал, но лишь покачал головой.

– Я и не закрывал глаз. Я надеялся. Но ничего не изменилось.

– Прости. Мне жаль.

И мне действительно было жаль. Я сокрушался, что он остался слеп, и в то же время отчаянно радовался, что сам не лишился зрения, пытаюсь исцелить друга. Я спросил себя, а правда ли я так сильно устал? Может, мне просто не хотелось продолжать? Думать об этом было неприятно, и я так и не смог честно ответить на этот вопрос. Может быть, поделиться с Шутом своими страхами? И что он скажет на это? Попросит исцелить ему один глаз, окривев самому? Потребуется ли он от меня такой жертвы? А если так, то соглашусь ли? Я прислушался к себе и понял, что далеко не настолько самоотвержен. Я откинулся на спинку стула и на миг прикрыл глаза.

Когда Шут коснулся моей руки, я проснулся и вздрогнул.

– Так ты уснул! То-то я думаю, что ты вдруг притих. Фитц... С тобой все хорошо? – спросил он виноватым тоном.

– Да. Просто очень устал. Вчерашнее... разоблачение было очень утомительным. И я плохо спал ночью.

Я хотел протереть глаза – и вздрогнул. Лицо было опухшим и горело, словно я только что побывал в драке.

Ну, вот...

Я осторожно ощупал собственные скулы и глазницы. Хотя я и не вернул зрение Шуту, мне все равно придется заплатить за эту попытку.

Но почему?

Раньше, когда я вместе с другими исцелял кого-то при помощи Силы, ничего подобного не происходило. Олух вылечил множество раненых на Аслевджале и ничуть не пострадал. Единственное, что делало нынешнее исцеление особенным, – связь между мной и Шутом. То, что нас связывало, было гораздо больше, чем обычные узы Силы: когда я вернул его из-за порога смерти, мы на мгновение стали полностью едины. Возможно, мы в каком-то смысле едины до сих пор.

Я поморгал и снова попытался понять, не изменилось ли мое зрение. Вроде бы я видел все так же четко, как и прежде. Починка неправильно сросшихся костей Шута вряд ли чем-то помогла его глазам. Хватит ли у меня смелости в следующий раз пойти дальше? Я вспомнил все неправильности в теле Шута – все воспаления, все плохо зажившие раны. Сколько из этого перейдет ко мне, если я не отступлю? Упрекнет ли меня кто-нибудь, если я не стану приносить такую жертву?

Я прочистил горло и спросил:

– Ты уверен, что не стал видеть лучше?

– Трудно сказать. Может быть, я теперь лучше различаю свет. Лицо болит, но не так, как раньше, а иначе. Возможно, в нем что-то заживает. Тебе удалось понять, отчего я ослеп, когда ты был... во мне?

– Тут так просто не скажешь, Шут. Я чувствовал, что некоторые твои лицевые кости были сломаны и срослись неправильно. Я помогал им встать на место и пытался исправить те места, где все искривилось.

Он стал ощупывать лицо:

– Кости? Я-то думал, череп – это одна кость.

– Это не так. Если хочешь, я как-нибудь покажу тебе человеческий череп.

– Спасибо, не стоит. Поверю тебе на слово. Фитц, я по голосу слышу, что ты узнал что-то еще и не хочешь говорить. Со мной что-то не так? Что-то, о чем я не знаю?

Я очень осторожно выбирал слова. На этот раз – никакой лжи.

– Шут, нам нельзя спешить с твоим исцелением. Оно дается мне нелегко. Надо подождать, пока хорошая еда и покой сделают свое дело, – тогда для магии останется меньше работы.

– Но... – начал Шут, однако оборвал себя.

Я видел, как он борется с собой. Он так отчаянно стремился выздороветь и отправиться в путь, но в то же время совесть не позволяла ему заставлять меня выкладываться сверх меры. Ему доводилось видеть меня в полном изнеможении после использования Силы, и он знал, как это может навредить здоровью. Говорить ему, что после попыток помочь у меня появляются настоящие раны, было не обязательно. Я не хотел, чтобы Шут винил себя за то, как я уже успел навредить себе. Я сам с этим разберусь.

Шут снова повернулся к свечам на столе:

– А куда подевалась Пеструха?

– Пеструха?

– Ворона, – немного смущенно пояснил он. – Пока она не ушла к тебе, мы с ней немного пообщались. Ну, насколько это возможно. Хотя она знает немало слов и порой употребляет их на диво к месту. Я спросил: «Как тебя зовут?»... Потому что... ну, просто тут было слишком уж тихо. Сначала она каркала в ответ все подряд: «Прекрати!», «Тут мрак!» и «Где еда?», а потом спросила в ответ: «Как тебя зовут?» Я сперва растерялся, но потом понял, что она меня передразнивает. – Робкая улыбка осветила его лицо.

– И ты прозвал ее Пеструхой?

– Я просто стал так называть ее. И поделился с ней едой. Ты сказал, она спустилась к тебе в комнату и ты ее покрасил. Где она теперь?

Мне неприятно было говорить ему, но я сказал:

– Она спустилась и постучала в потайную дверь. Я впустил ее, и она съела половину моего завтрака. А когда я уходил, то оставил для нее окно открытым. Думаю, она уже улетела.

– О. – (Меня поразило, какое глубокое разочарование послышалось в его голосе.)

– Прости.

Шут молчал.

– Она не домашняя птица, Шут. На воле ей будет лучше.

Он вздохнул:

– Не уверен, что ты поступил правильно, Фитц. Рано или поздно чернила смоются, и что тогда? Ее заключат собственные сородичи. А вороны – стайные птицы, они не умеют жить в одиночестве. Что с ней станет?

Я понимал, что он прав.

– Не знаю, – признался я. – И что еще я мог для нее сделать?

– Приютить ее, – сказал он. – Дать ей кров и пищу. Укрыть от бурь и врагов. – Он кашлянул. – Все то же самое, что король Шрюд делал для белых ворон.

– Шут, ну как это можно сравнивать? Она – ворона, а не ребенок, у которого не осталось в мире ни одной родной души!

– Ребенок... на вид. По меркам моего вида – юноша. Наивный и несведущий в устройстве и обычаях большого мира, в котором оказался. Но по сути настолько же непохожий на короля Шрюда, насколько ворон не похож на человека. Фитц, ты знаешь меня. Ты был мной. Ты знаешь, что между нами столько же различий, сколько сходства. Мы похожие, мы разные – как были вы с Ночным Волком. Пеструха, мне кажется, так же похожа на меня, как Ночной Волк – на тебя.

Я прикусил было язык, силясь промолчать, но потом сдался.

– Я пойду вниз и попробую разыскать ее ради тебя. Если я найду ее и если она согласится, то принесу ее сюда, к тебе. И позабочусь о воде и пище.

– Правда? – Его обезображенное шрамами лицо расплылось в блаженной улыбке.

– Правда.

Я тут же встал, спустился по лестнице и открыл дверь в мою комнату. Где меня и дожидалась Пеструха.

– Мрак, – сурово сообщила она и запрыгнула на ступеньку, потом на следующую. На третьей ступеньке она обернулась ко мне и настойчиво спросила: – Как тебя зовут?

– Том, – по привычке ответил я.

– Фитц – Чивэл! – насмешливо каркнула ворона и поскакала дальше наверх.

– Фитц Чивэл, – согласился я и невольно улыбнулся.

Я пошел следом, чтобы помочь ей устроиться.

Глава 10. Известия

Доклад наставнику

Подружиться с человеком со шрамами оказалось не так сложно, как мы опасались. Теперь-то я понимаю, что не хотел браться за это задание лишь потому, что его наружность пугала меня. Мне надо было преодолеть свой страх, чтобы войти к нему в доверие вопреки его собственным страхам.

Наблюдать за ним, оставаясь незамеченным, как вы велели, было непросто. Похоже, слепота обострила у него все прочие чувства. Несколько раз я приходил, когда он еще спал, но уже трижды он почти сразу каким-то образом улавливал мое присутствие и, безошибочно повернув лицо в ту сторону, где я стоял, спрашивал: «Кто здесь?» И видеть его испуг было так больно, что у меня не хватало духу и дальше скрывать свое присутствие. Однажды я вошел в комнату, когда он упал возле кровати и не мог подняться. От боли и расстройства он не заметил моего появления и некоторое время пытался встать. Наблюдая за ним, я сделал вывод, что, хотя некоторая сила в его членах еще осталась, он так страдает от боли, что не сможет самостоятельно подняться, если неудачно упадет. Я пытался оставаться безучастным наблюдателем, но вскоре не смог больше смотреть на его мучения. Тогда я нарочно шаркнул ногой и окликнул его, предложив помочь. Мне было трудно заставить себя прикоснуться к нему и еще труднее позволить ему опереться на меня, однако я преодолел свое отвращение, и, думаю, усилия мои не пропали даром. Теперь он гораздо больше доверяет мне.

Вы предупреждали меня, что разговорить его будет непросто, однако он охотно поведал мне много историй о временах своей юности, когда они с принцем Фитцем Чивэлом были еще детьми, а сам человек со шрамами был придворным шутом короля Шрюда. Он также рассказал мне, как путешествовал с королевой Кетриккен в Горное Королевство и о временах, когда все думали, что король Верити мертв и прямая линия наследования в роду Видящих пресеклась. Я узнал немало о том, как он помогал разыскать в горах короля Верити, и об их странствиях с принцем Фитцем Чивэлом. Истории эти повествуют, без сомнения, о подвигах и отваге, превосходящих все, что можно вообразить. Я твердо намерен записать все услышанное, поскольку думаю, что некоторые подробности остаются неизвестны даже вам. Но это я сделаю отдельно.

Свое же нынешнее задание, полагаю, я выполнил. Я сумел завоевать его доверие. Как я понимаю, это была единственная цель, которую вы ставили передо мной, однако могу сказать, что, выполняя задание, я обрел друга. И я благодарен вам, мой добрый учитель, за это, равно как и за прочие ваши наставления.

Как вы и велели, я храню свою тайну, и, насколько я могу судить, никто до сих пор не проник в нее. Конечно же, когда я появлюсь перед ними в своем настоящем обличье, это будет испытанием. Узнают ли они меня? Готов поспорить, что слепой окажется проницательнее зрячего.

Ученик

Оставив Шута с Пеструхой, я спустился в свою комнату с намерением как следует все обдумать. Но я так устал после исцеления Силой, что повалился на кровать и уснул, а когда наконец проснулся, то не смог понять, который час.

Я потер лицо, чтобы прогнать сон, и содрогнулся – прикоснуться к нему оказалось больно, особенно возле глаз. Подойдя к зеркалу, я убедился, что выгляжу не лучше, чем чувствую себя. Я боялся увидеть синяки и кровоподтеки, но лицо было просто опухшим. Кое-где остались пятнышки от чернил. Что ж, все лучше, чем если бы я выглядел как после драки в таверне. Я распахнул ставни. За окном садилось солнце. Я выспался, отдохнул и проголодался, но видеть

ничего не хотелось. Мысль о том, чтобы отправиться по коридорам Оленьего замка на поиски еды, пугала до дрожи.

Какова моя роль сейчас, когда я снова стал Фитцем Чивэлом? Даже теперь, хорошенько отдохнув, я, как ни старался, не мог представить себе все изменения в политическом, общественном и семейном раскладе. Положа руку на сердце, я ожидал, что кто-нибудь пришлет мне зов или приглашение. Я ждал письма от Кетриккен, мысленного оклика от Чейда, Неттл или Дьютифула, но меня никто не беспокоил. И я наконец сообразил, что, возможно, мои родственники ждут, когда я сам дам о себе знать.

Намочив полотенце прохладной водой из кувшина для умывания, я приложил его к опухшему лицу. Потом сел на край кровати, взял себя в руки, собрал всю свою решимость и потянулся к Неттл.

Как ты? – Вопрос, такой обыденный в любой другой день, сегодня звучал невероятно многозначительно.

Как ты? – эхом откликнулась она. – *От тебя ничего не было слышно!*

Я все еще толком не пришел в себя.

Ты счастлив, что это произошло?

Мне пришлось основательно подумать, чтобы найти ответ.

Пожалуй, да. Но, кажется, я равно счастлив и испуган. А ты?

Так много изменилось, и так сильно.

Некоторое время мы молчали, ощущая лишь участие и понимание со стороны друг друга. Потом мысли Неттл нерешительно коснулись моего разума:

Вчера... Прости, что я тебе все это наговорила. Сегодня мне страшно подумать, как я на тебя набросилась. Когда мама бывала беременна, она тоже порой могла так вспылить. Прямо рвала и метала, вся в чувствах. Тогда Баррич отсылал меня со старшими братьями подальше, а сам оставался и грудью встречал все шторма, пока она бушевала. Заканчивалось всегда тем, что она плакала в его объятиях. А я ужасно злилась, что мама такая слабая и неуравновешенная. – И она добавила так, что я ощутил ее невеселую улыбку: – Почему понимание всегда приходит так поздно?

Бедный Баррич.

Я ощутил, что она повеселела.

И Риддл тоже бедный, да?

Ничего, он выдержит. Баррич же выдержал. И я тоже выдержу, Неттл. Когда твоя мама была беременна Би, мы тоже несколько раз вот так ссорились. Меня всегда утешала мысль, что не я один был в том виноват.

Конечно ты, кто же еще!

Да она же добродушно поддразнивает меня, понял я с удивлением. И обрадовался.

Может, ты и права, – признал я.

Главное было – перестать думать о Молли, пока тоска и горе снова не захлестнули меня с головой. И я стал вновь думать о Би. Но сейчас неподходящий момент, чтобы опять попытаться убедить Неттл, что я буду хорошим отцом, и настаивать, что я не отдам никому свою дочь. Потому что сейчас все зависит от того, как сложится судьба воскресшего Фитца Чивэла Видящего. Лучше вернуться к делам насущным.

Надо будет как-нибудь собраться и все обсудить.

Она молчала так долго, что я заподозрил неладное.

Мы так и сделали. И удивились, почему ты не присоединился к нам. Лорд Чейд сказал, что ты, должно быть, все еще не пришел в себя от потрясения. Он настоятельно посоветовал нам дать тебе время самому все решить.

Но меня никто не позвал.

Мгновение она молчала, и я лишь ощущал ее изумление.

Меня тоже никто не звал. Ни Чейд, ни Дьютифул. Мы просто собрались сегодня рано утром в баине Верити и попытались разобраться, что произошло и что будет дальше.

О.

Я ненадолго задумался. Получалось, что это не меня забыли пригласить, а я сам забыл прийти. Вполне понятно, что они встречаются там в такой час. Я заставил себя вернуться мыслями к делу:

И кто там был?

Ну а как ты думаешь? Король и королева, лорд Чейд, леди Кетриккен, я... Леди Розмари... Ну и Риддл, конечно.

Конечно? А вот меня его участие несколько удивило.

И что вы решили?

Насчет тебя? Ничего. Нам и без тебя было о чем поговорить. А твои дела такие запутанные, что ради них лучше собраться отдельно.

Так о чем же вы говорили?

Жаль, что тебя не было. Трудновато будет в двух словах передать все тонкости. Лорд Чейд отчего-то решил, что вправе упрекнуть королеву за безрассудство и что это я на нее так дурно повлиял. Королева Эллиана быстренько заставила его выбросить такие глупости из головы, а ее муж и леди Кетриккен, к моей радости, встали на сторону королевы. Потом леди Кетриккен завела разговор о том, как долго и верно Риддл служит Чейду, тебе и вообще трону, а потому она, имея на то полное право, дала ему титул лорда Риддла, властителя Елового замка.

Никогда не слышал о таком замке.

Как я понимаю, он обозначен на старых картах Горного Королевства, только на языке чьюрда его название звучит иначе. Сейчас он заброшен, – кажется, уже несколько поколений там никто не живет. Возможно, баины и стены уже разрушились. Но горная королева справедливо заметила, что это совершенно не важно. В общем, теперь у Риддла есть титул. Похоже, замок был одним из имений ее брата и пустует с тех пор, как Руrisk умер. И еще она говорит, что наше слово «лорд» не очень точно соответствует титулу, принятому в Горном Королевстве, но это тоже не так уж важно. Главное, что Риддл, как полагается носителю этого титула, готов принести себя в жертву ради других.

Я надолго задумался. Горечь в моей душе мешалась с ликованием. В Горном Королевстве правителей называли не королем или королевой, а «жертвенными». Считалось, что они должны быть готовы сделать все, даже не пожалеть собственной жизни, ради своего народа. И Риддл действительно не жалел себя снова и снова. Однако общественное мнение считало его недостойным стать мужем Видящей, пусть и внебрачной дочери королевского рода. Много лет ему отказывали в признании. И вот в одну-единственную ночь это свершилось. Зачем нужно было столько ждать? Внутри меня, словно далекий гром, зарокотал гнев. Нет, не нужно. Что толку злиться?

И теперь вы официально поженились?

Теперь официально признают, что мы женаты.

Она в безопасности. Моя дочь и ее будущее дитя в безопасности. Меня охватило такое облегчение, что Неттл почувствовала его.

Ты так переживал за меня?

Мне уже давно не нравилось, что ты не можешь выйти замуж по собственному желанию. А когда Риддл сказал, что у вас будет ребенок... Знаешь, я ведь когда-то сам был бастардом в Оленьем замке. И не пожелаю такой судьбы никому другому.

Ты уже ел сегодня?

Завтракал немного. Половину склевала ворона.

Что?

Это долгая история. В которой замешан Уэб.

Ты голоден? Приходи поужинать с нами.

Где?

За высоким столом. В Большом зале. – Я уловил ее сдерживаемое веселье.

Пожалуй.

Я разорвал связь и уставился в стену. То есть как это? Вот так просто взять, выйти из комнаты, спуститься по лестнице, войти в Большой зал и сесть за высокий стол? И что, там уже приготовлено для меня место? А если все начнут тарашиться на меня и перешептываться укладкой?

Поддавшись порыву, я обратился к Чейду:

Тебе было трудно покинуть лабиринт потайных ходов и выйти на свет?

О чем ты вообще? Фитц, ты здоров?

Неттл пригласила меня присоединиться к вам за ужином. За высоким столом.

Я насчитал добрую дюжину ударов сердца, прежде чем он ответил:

Да, придворные этого ожидают. Твое сегодняшнее отсутствие и так растревожило двор. Некоторые господа и дамы, собиравшиеся покинуть Олений замок сразу после окончания Зимнего праздника, то есть сегодня утром, решили отложить отъезд. Думаю, они надеются еще раз взглянуть на загадочным образом оставшегося в живых и даже не постаревшего Фитца Чивэла Видящего. Учитывая все, что произошло вчера вечером, если ты не покажешься на ужине, это только породит лишние догадки и слухи. И теперь я понимаю, о чем ты хотел спросить. Со мной все было иначе – мне нужно было без лишнего шума вписаться в общество, я не являлся туда, как гром среди ясного неба. Много лет я крысой шнырял за стенами замка, я истосковался по общению, свету и свежему воздуху. Мое появление не было настолько внезапным и загадочным. Но, как я и сказал вчера, Фитц, тебе давно пора выйти на свет. Буду ждать тебя за столом.

Я закрыл свой разум от него. От волнения у меня подвел живот.

Оденься как подобает, – добавил Чейд.

Что? – Меня охватил едва ли не ужас.

Я почти услышал терпеливый вздох.

Фитц... Начинай уже соображать. Сегодня ты – Фитц Чивэл Видящий, Одаренный Бастард, внезапно объявившийся из небытия в блеске своих доселе неизвестных подвигов на войне красных кораблей. Такова твоя новая роль в Оленьем замке, точно так же как я играю роль лорда Чейда, а Дьютифул – роль короля. Мы все исполняем наши роли на публику, Фитц. Иногда, закрывшись со своими друзьями в тишине и уюте личных покоев, мы позволяем себе немного побыть собой. Или, по крайней мере, теми, кем нас считают друзья. Так что подумай хорошенько и явись к ужину таким, чтобы придворные и гости не разочаровались, – благородным, но скромным. Сейчас не время быть незаметным. Приготовься как следует.

Я нашел твое письмо. И корону.

Не надевай ее!

Я рассмеялся вслух:

Мне это и в голову не приходило. Просто хотел поблагодарить тебя. И сказать, что я все понимаю.

Чейд ничего не ответил словами, лишь послал мне переживание, которому я не смог подобрать имени. Ночной Волк называл бы это «щелкать зубами вслед удравшей добыче». Горькое сожаление о том, что что-то не стало твоим, хотя еще немного – и все бы получилось. Чем он хотел завладеть? Троном? Или сердцем охотницы по имени Лорел?

Чейд отстранился от меня, и я перестал чувствовать его присутствие. Некоторое время я просто сидел, моргая. До меня медленно доходило, что Чейд совершенно прав. Итак, теперь моя роль – загадочно вернувшийся Одаренный Бастард, чьи подвиги много лет оставались

неизвестными. Но ведь все так и есть. Тогда почему мне становится неловко при одной мысли выступить в этом качестве? Упершись локтями в колени, я спрятал было лицо в ладонях, но тут же вскинулся, когда пальцы коснулись опухших глаз. Ну почему я выбрал самое неподходящее время, чтобы обезобразить себя?

Я посмотрел на наряд, который подобрал для меня Эш утром. Потом подхватил, сколько смог, одежды из сундука, открыл потайную дверь и бросился наверх. Времени было мало, я бежал через две ступеньки. Еще не успев войти, я крикнул:

– Шут, мне нужна твоя помощь! – И почувствовал себя полным дураком, едва переступив порог.

Эш и Шут удивленно повернулись ко мне. Они сидели за столом и кормили ворону. Птица уже успела раскрошить хлеб и раскидать крупу, а теперь обдирала мясо с куриной косточки.

– Господин? – отозвался Эш, и одновременно Шут произнес:

– Фитц?

На церемонии не оставалось времени.

– Я сомневаюсь, подойдет ли этот наряд. Я иду ужинать с королем и королевой за высоким столом. Лорд Чейд и леди Неттл тоже там будут. И будут еще гости и придворные, все станут смотреть на нас. Так что я должен подать себя как Фитца Чивэла Видящего, Одаренного Бастарда, который провел все эти годы у Элдерлингов и наконец вернулся. Вчера было совсем другое дело, тогда моего появления никто не ожидал. Но сегодня, сказал Чейд, я должен выглядеть...

– Героем, – тихо закончил за меня Шут. – Не принцем, а героем. – Он повернулся к Эшу, словно я сам не смог бы ответить на его вопрос, и спросил: – Что на нем сейчас?

Эш едва заметно ошетинился:

– Одежда, которую я выбрал для него утром.

– Я слеп, – ядовито напомнил ему Шут.

– О... Прошу прощения, господин. На нем коричневый жилет, украшенный пуговицами из рога, поверх белой рубашки с пышными рукавами и широкими манжетами с десятком пуговиц на каждой. Горловина свободная. Украшений никаких. Брюки коричневые, чуть темнее, отделанные пуговицами вдоль внешнего шва. Туфли на каблуке, с простыми, но загнутыми кверху мысами. – Он неловко кашлянул. – А на лице у него пятна грязи.

– Это чернила! – возмутился я.

– Да какая разница, – буркнул мальчишка.

Тут снова вмешался Шут:

– Пуговицы... Как давно они вошли в моду?

– Кое-кто стал носить их уже прошлым летом, а теперь все...

– Фитц, подойди сюда. Встань передо мной.

Я послушался, радуясь тому, как оживился Шут. Интересно, когда в последний раз кто-то просил его о помощи? Едва я встал перед ним, он провел руками по моей одежде с таким видом, словно я был конем на ярмарке и он раздумывал, покупать или нет. Ощупал ткань, ряды пуговиц, потянул пальцем воротник и наконец коснулся моего подбородка.

– Не вздумай бриться, – резко велел Шут, словно я стоял перед ним с бритвой в руке. – Эш! Ты можешь срезать все пуговицы так, чтобы и следа от них не осталось?

– Думаю, да. – Голос мальчишки прозвучал слегка обиженно.

– Перестань, Эш, – ласково сказал Шут. – Ты же вырос в борделе, где женщины каждый день стараются предстать перед мужчинами такими, какими те желают их видеть. Вот и сейчас то же самое. Мы должны создать тот образ, который от тебя ждут. Не фатоватого господина, желающего произвести впечатление на публику, но героя, вернувшегося из низов общества. Он скрывался среди нас с тех самых пор, как покинул Элдерлингов, вел скромную жизнь сельского

помещика. Срежь все пуговицы со штанов! Пусть будет с одного взгляда ясно, что он уже сорок лет не был при дворе. Но в то же время нужно создать впечатление, будто он старался одеться по моде. Я знаю, Чейд отлично умеет играть в такие игры. Нам понадобятся пудра и тени для лица, чтобы подчеркнуть сломанный нос и шрам. Немного украшений, но не слишком роскошных. Серебро подойдет лучше, чем золото.

– Моя булавка с лисой, – тихо предложил я.

– Прекрасно! – согласился Шут. – Эш?

– Нужна шляпа. С непокрытой головой уже почти никто не ходит. Но шляпа должна быть попроще. Пожалуй, без перьев.

– Великолепно. Сходи подбери что-нибудь. Ты отлично соображаешь в этом деле. Положись на свой вкус.

Вот так запросто ему удалось умаслить уязвленное самолюбие мальчишки. Эш улыбнулся мне и скрылся в проходе, ведущем в покои леди Тайм.

– Давай булавку с лисой, – потребовал Шут.

– А еще вчера вечером королева вручила мне серебряную пуговицу в виде нарвала, – вспомнил я и достал пуговку из кармана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.